

В.К. Харченко

К ИЗЫСКАННОСТИ
И БОГАТСТВУ РЕЧИ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

В.К. Харченко

К ИЗЫСКАННОСТИ И БОГАТСТВУ РЕЧИ

Белгород 2023

УДК 331 (075.4)

ББК 65.24

X 22

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 5 от 25.01.2023)

Рецензенты:

И.И. Чумак-Жунь, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и русской литературы
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»;

А.Ю. Дмитрийчук, кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента
общего и профессионального образования ОГАУ ДПО «БелИРО»

Харченко В.К.

X 22 К изысканности и богатству речи / В.К. Харченко. – Белгород:
ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-9571-3378-0

Книга нацелена на помощь людям, стремящимся сделать свою речь привлекательной, изящной, богатой, но не за счет жаргонизмов и инвектив, а путём использования интересных цитат, комплиментов, незнакомых пословиц, обращения к старинным словам и оборотам. Эффекты говорения могут быть сопряжены с аристократизмом молчания и внутренней готовностью действия.

Для широкого круга читателей.

УДК 331 (075.4)

ББК 65.24

ISBN 978-5-9571-3378-0

© Харченко В.К., 2023

© НИУ «БелГУ», 2023

ИЗЫСКАННОСТЬ ЧИСТОЙ РЕЧИ

Аристократизм молчания. Рыцарское молчание. Не идти на поводу. Молчание как знак порядочности. Выигрыши слушания. Семейное молчание.

Гоголь в статье о поэзии заметил, что поэзия родилась из восторга, но восторг «совсем не обязательно обозначен почетным караулом восклицательных знаков. Банальный оборот «немой восторг» не менее, а нередко и более правдоподобен...» [Давыдов, 2019: 83].

«Сима рылась в своих бумагах, отвечала на звонки – и делала это тихо. Тихо отвечала, тихо переключала листки. У неё было поразительное понимание другого человека. Это, наверное, и есть интеллигентность: чувствовать другого как себя самого» [Токарева, 1986].

Изящного, изысканного человека при жизни его должна сопровождать тишина, тишина как фон, добротный фон всего того, что говорится или только планируется сказать. Но мы будем вести речь о тишине знаковой, особой, почему эту часть книги можно назвать несколько иначе: поэзия молчания.

«Никогда уже нигде я не мог после этого купаться, – только море или океан; ни реки, ни пруда не выносил, не мог выносить, чтобы нога уходила в мягкое, вязкое – это противоречило аристократизму первых впечатлений» ... «Вместо современного, в ушах навязшего: «Я создал горы, воды, звезды, тучи!»... – вдруг: «меня создал балтийский песок». Обкрадывать себя – не первая ли примета неизбежного богатства? Аристократизм – враг избытка: всегда немножко меньше, чем нужно. Некое – недодать» [Цветаева, 1991: 164].

Так пишет князь С.М. Волконский, и этим высказыванием была восхищена Марина Цветаева.

Эта книга (вы скоро это почувствуете!) состоит преимущественно из выписок, сделанных в разное время и по разным темам. Однако оказалось, что в книге, посвящаемой изысканности речи, они как нельзя кстати. Почему же это произошло? «Между тем выписки – это прямые признания, которые порой дороже собственных слов, потому что в чужом человек находит лучше всего сформулированное своё самое интимное, самое живое и нужное сердцу, что хотел бы и сам сказать, да вот таких великих и единственных слов не находил» [Курбатов, 1992: 156].

Выписки устарели? Отнюдь! Но их восприятие как устаревших «имеет место быть», поскольку жизнь идёт, устремляется, несётся вперёд, и нам начинает казаться (именно казаться!), что недавнее прошлое уже не столь актуально. «Заметим, однако, что убыстрение – процесс противоречивый,

раздваивающийся на новизну и старину, которые возрастают в равной и взаимозависимой степени. Чем скорее происходит обновление культуры, тем стремительнее в ней и процесс устаревания. Скорость развития обгоняет самое себя и превращается в неподвижность. Статьи, опубликованные два-три года назад, древнее, чем шумерские клинописные таблички, и покрыты более толстым слоем забвения. ... Идея прогресса оборачивается реальностью архива. <...> Лишь на поверхностной пленке своей культура современна, а изнутри она музейна и архивна, оседает под тяжестью собственных отработанных слоев» (М. Эпштейн. Парадоксы новизны).

Выписки не устарели, отнюдь, однако молчать о своих чувствах – это тоже весьма древнее требование высочайшей культуры. Читаем у Пушкина: *«Но Таня, точно как во сне, / Их речи слышит без участия, / Не понимает ничего, / И тайну сердца своего, / Заветный клад и слёз и счастья, / Хранит безмолвно между тем / И им не делится ни с кем¹»* [Пушкин 1962: 196]. И для нас, впервые прочитавших «Евгения Онегина», неожиданным и прекрасным кажется её признание: *«Я вас люблю (К чему лукавить?). / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна»*.

«Как поразительно идёт женщине молчаливость, не та молчаливость, которая выражает рассеянность и пустоту, хотя и такая встречается редко, а умение молчать, ни на миг не теряя внимания. Оно украшает как мою Корнелию – я её звал «моё говорящее молчание», так и мою Юлию» [Уайлдер, 1976].

Рассмотрим отношение к женщине со стороны актёра Тихонова: «По отношению к женщинам Вячеслав Васильевич вёл себя безукоризненно порядочно: влюбился – женился. А потом – кремень и скала! Да что романы, к нему вообще никакая грязь не приставала и червоточина не липла – у Тихонова не было ни одного тайного порока типа «дружбы с зеленым змеем», на него недоброжелателями не было собрано ни миллиграмма «компромата». Не случайно при жизни он был удостоен эпитетов – «романтик-идеалист», «последний рыцарь и князь нашего кино» [Колобаев, 2019: 20, 21].

«Леонид Броневой, отдавая должное «грандиозному умению коллеги молчать в кадре», вспоминал, что и в обычной жизни Тихонов проявлял крайнюю скупость не только на эмоции, но и на слова. За год, когда они делили одну гримёрную, «Штирлиц» перемолвился с ним от силы парой слов. Молчал год! Леонид Сергеевич потом сказал: «Он был человек в себе, замкнутый». Но это же не так. Просто Тихонов весь съёмочный период как бы жил жизнью своего героя Штирлица. Он и «молчал» – недаром до сих пор в ходу поговорка «Молчать как Штирлиц» [Колобаев, 2019: 14-15].

¹ Здесь и далее все выделения полужирным кеглем наши. – В.Х.

Есть редкий тип женщин, одной из которых была моя мама, инженер-связист Антонина Петровна Жданова. Когда с ней делились самыми подчас неприятными фактами, самыми горестными обидами, то никогда ни одной из этих женщин не приходилось потом сожалеть о сказанном: проехали, поплакались, и всё. Ни одна подробность не вылетала к чужим ушам из такого общения. И люди это очень ценили.

Приведём другой пример поведения, повествующий, о чём следует молчать. В Англии поэта Иосифа Бродского хотели видеть страдальцем... «Начнём с того, что с первых дней своего пребывания вне Советского Союза Бродский отказывался следовать модели изгнанника, отказывался «мазать ворота своего дома дёгтем» и вообще отказывался делать трагедию из своего изгнания и наживать на этом капитал. Подобные заявления Бродского отпугнули от него всю левую интеллигенцию» [Полухина, 2019].

Методологический подход в идеале должен быть эластичным. «Крупнейший американский социолог Чарльз Миллс... написал когда-то прекрасную статью об искусстве анализа, в которой говорил, что, по его мнению, самое главное в методологической способности социолога – свободно менять уровни абстракции. Сказано очень точно. И для исторического мышления это тоже так. Но чтобы свободно переходить между различными уровнями абстракции, не требуется рассматривать большой исторический отрезок времени. Ведь как раз именно громадность может помешать, потому что с такого ракурса видна лишь направленность движения, но не видна разность его форм» [Шанин, 1990]. Менять уровни абстракции, стремиться к эластичности методологического подхода да можно ли в обычных ситуациях? Можно, если не уповать на жёсткие рамки обычных решений, как в случае отправки за границу, точнее высылки, ещё точнее – ссылки.

«Февральская революция смела имперский кабинет министров, не затронув лишь одного человека – Ивана Константиновича Григоровича. Будучи человеком предельно честным и порядочным, он не был замечен ни в каких подозрительных делах и авантюрах, и новые, революционные власти не нашли вразумительной причины для его отстранения. Не нашли причины для репрессий и большевики, хотя, безусловно, уволили старого имперского адмирала как классово чуждый элемент. И всё же... его не только не репрессировали, но и дали какую-то фиктивную должность архивариуса, позволявшую получать в промёрзшем и голодном Петрограде продуктовый паёк и дрова, что было равносильно спасению. Но холод, голод и тревога брали своё. В 1924 году Иван Константинович попросил разрешения на выезд во Францию для лечения. Большевики не стали чинить препятствий старому адмиралу, и Григорович

благополучно обосновался на юге страны, на Средиземноморском побережье, где тихо скончался 3 марта 1930 года. Он не написал и не сказал ни одного дурного слова ни о большевиках, ни о революционных матросах, жил по советскому паспорту, не желая менять гражданство. Даже в эмиграции он оставался предан России» [Вырский, 2019: 91].

Какой необычный пример поведения: и со стороны большевиков, и со стороны уехавшего министра! Мы ничего не знали о подобном поведении, пока не наткнулись на статью об Иване Константиновиче.

Изысканность чистоты речи связана ещё с одним обстоятельством – умением слушать собеседника. Заинтересованно, внимательно, охотно слушать человека – особый талант, и в художественной литературе о нём написано немало. У Виктории Токаревой есть рассказ о девочке, умевшей слушать.

«А Ленка Коновалова любую беседу поддерживала двумя предложениями: «Ну да, в общем-то...» и «Ну, в общем-то, конечно...». И этого оказывалось вполне достаточно: во-первых, она даёт возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно. Во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну да, в общем-то...», «Ну, в общем, конечно» [Токарева, 1990: 132].

Сбросим юмористическую составляющую с этого отрывка, и он обнаружит для нас действительную силу слушания.

У М.Ю. Лермонтова о слушании говорится с гирляндой доводов: «Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь; во-первых, потому, что слушать менее утомительно; во-вторых, нельзя проговориться; в-третьих, можно узнать чужую тайну; в-четвертых, потому, что такие умные люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу; что вам сказала княгиня Лиговская обо мне?» [Лермонтов, 1948: 76].

Об особом эффекте у молчания-слушания пишут и в более поздних изданиях.

«Владычка Иоанн смотрел на него, как на родное дитя, и, едва Артём вздохнул, батюшка и сам задышал. ¹ Он обладал удивительным качеством – ни с кем не разговаривая, поддерживать всякий разговор: настолько полным понимания и вовлечённости был его взгляд» [Прилепин, 2014: 139].

Важно при этом обратить внимание на несловесные, невербальные моменты общения: на взгляд, выражение лица, на умение молчать, не теряя нити разговора.

«Не только человек, но и всё живое чувствует и расцветает от полноты внимания. Ты замечал, что в заброшенных крестьянских усадьбах, где хозяева куда-то переехали,

¹ Знак «/» здесь и в далее означает не только новую строку в стихотворении, но и абзацный отступ при цитировании прозаического отрывка. – В.Х.

фруктовые деревья дичают, плоды сморщиваются. В чем дело? Хозяева этой усадьбы не окучивали деревья, не срезали высохших веток, а деревья, оставшись без хозяев, хиреют. Через десять лет они дички. Оказывается, даже этим фруктовым деревьям не хватает любящего, заставляющего благодарно и старательно плодоносить взгляда хозяина и особенно его детей.

– Постой, постой, – перебил его дьявол, – а обыкновенное дерево, не приносящее плодов, тоже хиреет на заброшенной усадьбе?

– Нет, – сказал Бог, – оно и не привыкло к любящим, ожидающим плодов взглядам. Если так обстоит с фруктовыми деревьями, что же говорить о человеке?

Природной полнотой внимания к человеку, я подчёркиваю – полнотой внимания, одарены немногие люди. Но они есть» [Искандер, 2002: 87].

Вот что советуют знать священникам, пастырям, говоря «о необходимости постоянных пауз, постоянного внимания к тому, как его слово отозвалось в сердце собеседника».

«Паузы имеют огромное терапевтическое действие, побуждая человека к внутренней работе. Если пастырь использует паузы, пасомый включается во внутреннюю работу слушания, как бы предугадывая в каждом конкретном случае последующее слово. Важно, чтобы на это время человек не чувствовал себя покинутым. Поэтому со стороны священника должно прозвучать предложение помолчать вместе несколько минут» (Человек, 2000, № 1).

«Вера потрясенно качала и качала головой вслед рассказу. Глаза её становились умно-напряженными, понимающими, за что и любил Лев Леонидович ей всё рассказывать» (А. Солженицын. Раковый корпус).

Так что внимательно слушать другого человека – задача не из простых. «Я знаю, что самое трудное – слушать» (Ю. Крелин).

«Но Арид нуждался в собеседнике. А никто не умел так скромно и самозабвенно слушать, как она. Она буквально превращалась в слух, впитывая каждую идею логика» [Гор, 1966].

Но в процедуре слушания есть ещё одно требование – быть обаятельным. «Работая с людьми, человек должен быть немного психологом. Во-первых, нужно слышать партнера. Во-вторых, быть обаятельным. Обаяние – это не просто так. Это талант. Совокупность свойств. Павлушино обаяние складывалось из доброты и доброжелательности баловня жизни» (Виктория Токарева. Паша и Павлуша).

Как видим, культура слушания требует ещё и умения быть обаятельным человеком, таким, которому хочется рассказывать о своём.

Моя мама говорила: Женщина не должна себя наказывать. У женщины должно быть столько детей, сколько Бог послал. Это реплика матери пяти взрослых детей. По происхождению мать была из донских казачек (мне рассказали об этом в 1999 году в Белгороде). Иосиф Сталин в 1944 году запретил не только аборт (после войны нужен был «человеческий

материал») – не было тогда и алиментов. И женщины побаивались говорить мужьям то, что теперь говорят безбоязненно, – пишет в своей статье Леонид Гришковец. Но дело не только в страхе мужчины сейчас потерять при разводе всё (квартиру, деньги, ребенка) и не в психологической готовности женщины на развод, обеспеченный еще и материальной поддержкой бывшего мужа. Нынешние женщины привыкли безнаказанно говорить мужьям, любовникам, братьям, знакомым, даже отцам или воспитателям такие вещи, за которые телесное наказание весьма еще слабое воздействие. Ибо боль от телесного наказания скоро проходит, а боль от некоторых слов бывает так глубока, что десятки лет дает себя, при случае, опять почувствовать [Гришковец, 2006: 233–237]. Так что аристократизм молчания распространяется в первую очередь на семью.

30 августа 2022 года в интернете (ВКонтакте) была сделана замечательная запись: «Однажды я спросила у своей мудрейшей бабушки: «Что делать, если любишь человека?..» Она ответила не раздумывая: «Оставить его в покое...» Я тут же задала противоположный вопрос: «А что делать, если не любишь?..» Она ответила точно так же: «Оставить его в покое!..» Посмотрев на мою озадаченную рожицу, бабушка пояснила: «Так честнее всего: нельзя мучить ни любимого, ни ненавистного человека. Если ваша любовь взаимна – всё будет! Если нет – не будет ничего. И запомни: даже в счастливых отношениях нужно как можно чаще оставлять человека в покое... тем дольше они останутся счастливыми!» Спустя много лет, окунувшись в море практики, я поняла, что бабушкин совет стоил многих томов психологии отношений. Он неизменно работает» (Лилия Град).

Конечно, затянувшееся инерционное поведение (быть «как все»), по мысли В.А. Файвишевского, приводит к психологическому сбою, депрессии [Файвишевский, 1978: 442–443]. Конечно, конечно – семья создаётся не для молчания, скорее наоборот, и, тем не менее, в истории семейных отношений есть любопытные факты о ценности молчания. Вот одно из свидетельств повседневной жизни адыгейцев: *«Всё очень строго в смысле соблюдения традиций: родители живут в одном доме с молодой семьёй, но отец не встречается с невесткой. <...> Отец Махмуда живёт в доме с невесткой, но они не встречаются, обходят друг друга. «А если ей что-то нужно?» – «Через жену или сына. Но это редко...». Со свекровью ещё сложнее – та не встречается с сыном, если он с невесткой. Только по отдельности...»* [Цирульников, 2019: 227].

Нам приходилось писать о ценности многопоколенческой семьи (трёхпоколенной!), и вот здесь таится их секрет – в молчании! Потому что трудно старому человеку понять молодых, а молодому ежедневно уважать

старших, а молчание защищает неприкосновенность и молодых, и старых. Благодаря такой традиции среди адыгейцев нет таких привычных нашему обществу «форм». Нет пансионатов для престарелых, преступности, наркомании, сиротства. Действует веками отлаженный механизм существования, точнее сосуществования семьи. *«...Даже если некому ухаживать за пожилым человеком, соседи всем миром будут ухаживать, но в пансионат не отправят»* [Цирульников, 2019: 235].

Достаточно? Пожалуй, достаточно, чтобы поверить в высшую поэзию – аристократизм молчания. Согласимся, что это весьма трудное искусство – молчать, внимательно слушая, не приставать с расспросами, ждать – и человек сам захочет с тобой поделиться. А впрочем, главное, конечно же, – это «рамки» говорения. Эти рамки образует внимательное к собеседнику молчание, с одной стороны, и дальние планы действия, с другой, но, кажется, мы уже приступаем к следующему разделу. Итак, продолжаем...

БОГАТСТВО РЕЧЕВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Возможное – это не что-то одно, это многое, и мы попытаемся доказать это, используя 20-кратный подход к языку, о котором мы знаем, но которым, что называется, слабо владеем. Проблема безъязычия. Открытость современного общества. «Прекрасные книги написаны на своего рода иностранном языке».

Молчать – понятно, но если говорить, то что именно говорить, о чем вести речь, чем руководствоваться при выборе темы, при подборе слов? И здесь мы допускаем 20-кратный подход, показ бесконечных возможностей нашего языка, попытку создать свой язык, но для этого сначала поговорим о безъязычии.

Подчеркнем, что изысканность и богатство речи упирается в общую **проблему безъязычия**. «...Ситуация безъязычия, когда возникли какие-то состояния, которые искали разрешения в языке и до сих пор не нашли его. Скажем, не случайно у раннего Маяковского проскакивает строка: «улица корчится безъязыкая» [Мамардашвили, 2000]. Впоследствии эту тему безъязычия развил в своих статьях Борис Дубин. «И ещё одно мешает интеллигенции выполнить свою «осмысляющую» функцию в обществе: незаинтересованность, преждевременная усталость, нежелание подхватывать и неумение доводить до конца» [Дубин, 1997: 28]. Как не следует говорить – об этом многие пишут, но как нужно, как целесообразно, как интересно говорить? Александр Солженицын пишет о «непредставимом бесчислии

наречий в русском языке» (Русская речь, 1993, № 5. С. 42). Марсель Пруст утверждал: **«Прекрасные книги написаны на своего рода иностранном языке»**, языке, намеренно противопоставляющем себя окружающим вещам, добавляет Ольга Серебряная (Новый мир, 2006, № 5).

«Блок сам был мастером чтения; знаменитое «Анна Андреевна, мы не тенора», сказанное им когда-то Ахматовой, – жёсткий урок профессиональной этики: жеманиться и отнекиваться нельзя. Дело было в чём-то другом, и ключевое слово здесь не деньги / ордена, а *научиться*, словно речь шла о чужом языке, чужих стихах» [Степанова 2018: 238].

Вот почему мы включили в свою книгу не только цитаты, афоризмы, поэтическую мозаику, но и материалы о не самых известных словах, о церковнославянском языке, об устаревших словах, диалектизмах, словах и оборотах на иностранных языках, что тоже может обогатить и украсить речь.

Отсылаем читателя и к некоторым предшествующим нашим изданиям.

«Поведение от реального к идеальному» (3-е изд., Белгород, 2005), «Языкотворческая миссия лидера социальной группы» (Белгород, 2005), «О языке, достойном человека» (М., 2010), «Современная повседневная речь» (3-е изд., М., 2012), «Русский язык как предмет изучения и преподавания» (Deutschland / Германия, 2013), «Общение в семье: в поисках слов и интонаций» (М., 2014), «Антология современной речи. Некоторые аспекты теории»: в 5 томах (М., 2016), «Азбука изящного поведения: настроение, осанка, костюм» (М., 2017), «Труд как творчество. Мозаика наблюдений, цитат, выводов» (М., 2020), «Рассуждение в разговорной речи: опыт словаря и перспективы интерпретации» (М., 2020), «Прикладная филология» (М., 2020), «Язык лидера социальной группы, или «Танцы под дождем» (М., 2023).

Спрашивается, почему возникла необходимость особой, специальной книги об изысканности и богатстве речи. – *Почему ты думаешь, что это враньё? – Потому что литература – это узаконенное враньё!* Всё дело в том, что в последние годы остро ощущается необходимость изучения богатой, привлекательной, изысканной речи как выделенного, обособленного вопроса. Известно, что, если мы хотим что-то разрешить, то это «что-то» должно быть на время ограничено от всего остального, тогда раскрываются всевозможные составляющие, в нашем случае составляющие изысканной и богатой речи. Это, во-первых. А во-вторых, именно эта сфера усилий требует смелости, даже острее – храбрости говорить немного не как все, без боязни заметно отличаться от окружающих и незаметно вести их за собой.

«Меня всегда изумляла герменевтическая сила примера. ...Мощь примеров настолько осязаема и очевидна, что, будучи однажды удачно употреблёнными, они превращаются в некоторые машинки по автоматическому воспроизводству мысли, которую должны были иллюстрировать» (Октябрь, 2008, № 7. С. 157).

Астролог Валерий Ледовских утверждал следующее: «И потом, в самой природе человека нет желания быть свободным, он хочет быть

ведомым. Это отмечали многие философы» (Огонёк, № 28, июль 2003). Да-да, хочется быть ведомым, учеником, счастливым подражателем, хотя напрямую об этом не говорится и даже не думается.

Ситуация осложняется открытостью современного общества. Попробовать иногда говорить лучше окружающих – значит противостоять влиянию СМИ и прочих сильных фигур на невидимом рынке общения. *«А между тем культура – это не просто богатство внутреннего мира, но и система ограничений, которые человек сознательно на себя накладывает. Чем культурнее человек, тем меньше может себе позволить»* (Знание – сила, 2000, № 10). Да, меньше разрешать себе говорить из того, что говорят многие, и чаще позволять себе окунаться в великую сокровищницу русского языка.

Стремление все осмыслить равносильно общественному самоубийству, ты уже не можешь, как вольная птица, наслаждаться жизнью, не чувствуя себя одновременно стервятником, раздражающим на части предмет изучения. Мы почти всегда убиваем то, что изучаем, потому что в жизни, как в медицине, подлинное знание невозможно без вскрытия... (М. Паж).

Но безвыходных путей, как известно, не бывает. Вот почему мы и предлагаем читателю вот эту свою новую книгу, целиком построенную на подборе примеров изысканной и богатой речи, почерпнутых, во-первых, из литературы как классической, так и современной, пока ещё не ставшей классической, а также из публицистических заметок, фольклора, записей разговорной речи наших сограждан.

Человеческие судьбы, действия людей

Книги – великая сила, но... Да, попробуем учиться не только у книг, но и у окружающих нас, обладающих замечательными качествами. Пассионарность: учиться у людей.

«Главная его [развития] компонента – самоусложнение личности и коллектива личностей – передаётся только через подражание живому примеру, будь то нобелевский лауреат, олимпийский чемпион... Все мы непрерывно подаём друг другу те или иные примеры своей деятельностью – рутинной или оригинальной. Но не все примеры оказываются заразительны, хотя ученикам важны только заразительные примеры, а остальное для них лишь фон, комфортный или утомительный. Яркие пятна на этом фоне наш замечательный историк и педагог Л.Н. Гумилёв назвал «пассионарными» поступками. ... Зажечь это молчаливое большинство можно лишь пассионарным примером... Но для этого нужно овладеть своей пассионарностью в такой же мере, как владеют ею нобелевский лауреат, олимпийский чемпион или его тренер» (С. Смирнов).

А вот как трактует пассионарность у Гумилева Александр Балтин: «Из одного следует другое, звенья цепи множатся, и теория пассионарности возникает не на пустом месте. «Ибо победить человеку не надо...» — как с героическим стоицизмом формулирует один из персонажей У. Фолкнера. Но на энергии, с которой человек будет двигаться к победе (как правило, иллюзорной) выделяется такая энергия, что лучевое действие её заражает многих, множества, массы. Это и есть пассионарность: определение, ставшее расхожим, и найденное Гумилёвым. *Да, победить не дано, ибо: Все, что мы побеждаем, — малость. Нас унижает наш успех* (Р. М. Рильке. «Созерцания». Пер. Б. Пастернака). Но именно от энергии, что высекается жаждой победы, и сдвигаются исторические пласты, и изменяется реальность. Стихотворение Рильке продолжается так: *Необычайность, небывалость / Совет борцов совсем не тех*. И Лев Гумилёв пишет во многом о подобию таких борцов (ибо подлинно таких не бывает), пишет рьяно и сухо, захлёбываясь и точно, по-разному, всегда оставаясь художником мысли: сильным и смелым: как в науке, так в жизни-стилистике. А стилистика всегда определяет жизнь человека-творца» (Клазура 18.10.22).

– И я многого не понимаю! – обрадовался Новый Маргарит. – И не вижу нужды в понимании многого. А в том, что я понимаю, ничего не могу изменить.

– Я думаю, что ты преувеличиваешь, – сказал Данилов.

– Несомненно, – согласился Новый Маргарит. И опять чему-то обрадовался. – А если даже и могу что-либо изменить, то не имею желаний изменять [Орлов, 1980].

Выразительный отрывок! Действительно, часто ли наши речи сопровождаются нашими действиями? Молчание, говорение – всё это хорошо, конечно, однако главное остаётся за действиями, точнее за действием, которому посвящена жизнь, подчинены все её составляющие. Мы не случайно начинаем раздел с судеб, действий, поскольку именно дела наши нацелены в будущее, они его формируют, и сегодня, сейчас ему следуют, хотя не всегда это осознаётся самим делателем, субъектом действия.

Обратимся к эпизоду истории царской семьи Николая II: 1918 год. Есть высоконравственные поступки, когда лейб-медик Е.С. Боткин отказался от предложения большевиков оставить царскую семью и тем самым спастись от расстрела. *«Там, в том доме, цветут великие души России, которые облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с царём!»*.

Прекрасный поступок и прекрасные слова о монаршей семье, но мы будем брать сейчас другие сюжеты.

Итак, человек может не задумываться о качествах своей повседневной речи, ему вообще не до высоких слов, он говорит чисто, и этого достаточно, но главное – главное как раз то, что он делает. Действие дарует свои смыслы, не подвластные считыванию, уникальные, единственные.

Остановимся на трех случаях, свидетелями которых мы были.

Среди нас, оказывается, есть легендарные люди, о которых обязательно нам расскажут, и не раз, и расскажут с неподдельным восхищением. Село Ахты в Дагестане. Джигерхан Сулейманов родился в Ахты, но сейчас работает в Казахстане, неплохо там зарабатывает, но вот что самое удивительное: не отправляет сбережения в заграничные банки, а построил и расширяет в Ахты великолепный комплекс «Дворец торжеств Самур». Это Зал торжеств, аналога которому по роскоши, культуре приёма не найти, может быть, даже в Москве. В таком Зале не стыдно принимать особ королевской крови. Но это не всё. Построен Медицинский центр. Построена гостиница «Самур», где мы обитали и из окон которой наблюдали, как начинается строительство моста через бурный, но узкий здесь поток Самура, чтобы на том берегу воздвигнуть ещё одну гостиницу. Здесь же бассейн с водой из термальных источников. Всё это дела одного человека, не ждущего субсидий, условий, решений. Ахтынцы это ценят. Но знают ли об этом за пределами этого края, и есть ли у этого человека люди-аналоги?

Второй пример «длительного действия» – это жизнь многодетной семьи в Твери. Жила-была девочка Аня, одна-единственная у мамы и папы-священника. Окончила школу, окончила музыкальное училище, вышла замуж и вот стала матерью (внимание!) одиннадцати детей. Мама – Анна Николаевна, а дети: Мария, Николай, Елизавета, Ольга, Иван, Сергей, Александра, Анна, Ксения, Феодора и Екатерина. Муж Сергей Анатольевич Дроба – священник, работает на трех работах, быт весь почти на жене, но ведь справляется! Присмотреться – так мало не покажется: то одна ситуация, то другая, но в целом жизнь идёт и идёт – так, как положено, но по высшему счету. Я беседовала с Аней 20 февраля 2014 года, мы говорили о самом разном, но главное – главное это великое действие – создание семьи, большой, полноценной, крепкой. Когда дочка поинтересовалась у мамы: зачем столько детей, то мама в ответ произнесла риторически: «Да? Лучше, чтобы тебя не было?». Мама бережёт детей, не позволяет им одним бродить по улицам. И учит музыке сначала Машу, а там потянулись и другие дети. Время идёт, прошло несколько лет. И 7 июня 2021 года в автокатастрофе погибает глава семьи, и Ане приходится одной поднимать детей, но ведь справляется! Старшая дочь Мария учится сейчас в Москве, в авиационном институте.

В отношении следующего «делателя» я сначала помещу два письма, полученных от доктора филологических наук Александра Георгиевича Голодова. В 2014-м году я летела с этим человеком в самолёте, тогда мы

поближе и познакомились. Это специалист по немецкому языку, занимается проблематикой информационной войны, но главное сейчас это усилия этого человека по Донбассу, его поездки туда с реальной работой, поездки, становящиеся в это тревожное время все чаще.

Фрагмент письма от 6 мая 2022 года

Эту поездку мне пришлось пробывать больше месяца, пока не пришло приглашение (оно же разрешение на пересечение границы зоны военных действий) от министра образования и науки Республики. На пограничном переходе (Изварино) движение было в основном в одну сторону – в ЛНР (возвращенцы домой). Машин с российскими номерами на въезде практически нет, поскольку как уже упомянул – нужно на въезд разрешение-приглашение от определённых инстанций. Жили в отеле, где кроме нас двоих штатских практически не было. На нашем этаже квартировало также подразделение кадыровцев.

Ситуация в Луганске конечно спокойнее, чем в Донецке и намного лучше, чем в многострадальной Горловке (получаю регулярно информацию от ректора С.А. Кочетовой). Я писал ей, что готов приехать в любое время, но пока она этот визит не одобряет.

В Луганске довелось несколько раз выступать перед большими аудиториями (100–150 человек: учителя школ Республики, преподаватели вузов Луганска, руководители управлений и отделов образования и культуры и пр.) в разных местах (в частности в ЛНУ им. В. Даля и Академии культуры). Тематика моя «родная» (теперь) – «Империя лжи» («западные СМИ) об российской операции по защите Донбасса», и «Фальсификация итогов Второй мировой войны» и «Технологии информационно-ментальной войны».

Встречались с министром образования, зам. главы парламента Республики, естественно с ректорами. Наш ректор обсудил с ними возможность приезда летом к нам групп луганских студентов на 1–2 недели.

У меня была запланирована поездка на линию фронта, но не сложилось по времени. Для этого необходимо было иметь свободные от работы полдня (минимум), а этого не получалось. Если бы я был один, то смог бы просто перенести отъезд. Но ректор был ограничен во времени.

Договорился с соответствующими друзьями там, что они мне в обозримом будущем (возможно до летних каникул) сделают приглашение (разрешение) на въезд и тогда я смогу действовать уже полностью по своей индивидуальной программе.

Обстановка в целом спокойная, но ощущение войны не покидает – за рулём в основном женщины (мужчины мобилизованы), много людей в камуфляже. в отеле военные ходят постоянно с оружием (пистолеты), а пару дней дежурные с автоматами сидели внизу в холле, а в некоторых случаях и на этаже. Главная «неприятность» – в любой момент может прилететь «Точка У», т.к. Луганск они могут достать.

Я на этой неделе уже дважды (по просьбе губернского руководства) выезжал в райцентре с выступлениями для общественности по актуальной теме (аудитории довольно большие – до 250–300 человек). Эту работу просили продолжить. В общем, не «скучно». Помощники регулярно вытаскивают для меня из интернета основную немецкоязычную (частично и англо-) прессу. Тону в этом «шквале евроатлантической русофобии»... Такого вала «дезы» я не помню...

Фрагмент письма от 27 декабря 2022 года

...Отзвуки войны пришли теперь и на Белгородскую землю. Нам всем необходимо выигрывать эту битву с «очередным припадком западного нацизма с Украиной в качестве её передового отряда».

В начале ноября вернулся из недельной поездки на Донбасс, где был по приглашению ректоров Донецкого национального университета и Горловского иняза. Участвовал в работе форума «Донецкие чтения 2022», кроме того выступал перед преподавателями, а в Горловке и перед студентами. Кроме меня из России пригласили 4 человек (декана истфака МГУ, С.Н Бабурина и ещё двух «авторитетных» москвичей). Из провинциалов был я один.

Жили как обычно в отеле «Рамада» в центре Донецка (на днях в него попал укроповский снаряд). Воду в городе давали (и сейчас дают) по районам раз в три дня. Отопления нет. Воду набирали в ванную и ведро. А вместо отопления включали кондиционер на «нагрев». При температуре не ниже +5 это можно, а вот если ниже....Сейчас этот номер уже не пройдёт, т.к. температура ниже +5. В центре появился из-за прилетов ряд разрушений, который раньше не было. По ТВ несколько раз в день повторяли инструкции, как вести себя (куда «прыгать», если успеешь), когда на улице попал под обстрел. Рекомендовали без большой надобности на улицу вообще не выходить.

В Донецком национальном университете работает теперь наш бывший ректор РГУ и мой товарищ А.И. Минаев. Он декан истфака. Его там очень хорошо приняли. А.И. был очень рад нашей встречи, даже сидел в холле отеля и ждал, когда я приеду — скучает по Рязани. Однако Донецк рассматривает всерьёз в качестве дальнейшего постоянного места жительства. Народ вузовский там серьёзно очищен войной от либерастии, её почти нет совсем, в отличие от России (в особенности Московии и Питера — реальную обстановку в МГУ знаю от декана, который единственный, кто приезжал оттуда пару раз на Донбасс).

Один день провёл в Горловке. Коллеги и студенты были очень рады — после февраля к ним практически никто не приезжал, хотя и до этого было крайне мало «гостей». Во время моих выступлений и лекций за окном постоянно «бухало», но никто из слушателей на это уже не реагировал. Даже к такому люди привыкли... В Горловку из Донецка три дороги: самая короткая (30 км) по остаткам автобана, практически недалеко от линии фронта, на прямой видимости с позиции укропской артиллерии; две других обходные и значительно более длинные. Хотя через Ясиноватую тоже проблема — прилёты каждый день. Так сложилось, что довелось проехать по всем вариантам.

Приехал в Рязань в дико разобранном состоянии — в субботу перед отъездом из Донецка свалился наглухо: температура, давящий кашель и полная потеря голоса. Результат простуды, перенапряжения связок и непонятно чего ещё... Провалился больше двух недель... (но тест на ковид был негативным). Конечно *всё это «лирика» по сравнению с ситуацией, в которой люди там живут...*

В начале марта опять отправляюсь в Донецк — попросили выступить в качестве оппонента на защите докторской в диссертационном совете Донецкого национального (факультет иностранных языков). Я у них два года как член совета...

Мы привели примеры реальных, длительных действий. У этих героев их речь не стоит на первом месте, им, что называется, не до этого, но чистота речи просматривается и, главное, просматривается высшее предназначение жизни — состояться, жить для людей, жить для всеобщего блага.

Литература детская и взрослая

Первоначальное ученичество. Литература в ее особом объеме.

Однако первоначально мы ориентируемся на книги, на ценности, спрятанные в литературе. Учиться у героев книг возможно ли? Обратимся сначала к детской литературе. Не таится ли сейчас опасность отринуть некогда ценимые книги?

Детская литература объемна и специфична, однако найти образцы изысканного поведения в ней непросто. А всё дело в том, что в течение семидесяти лет в нашей стране книги Ф. Бернетт были запрещены, хотя любимой книгой В.И. Ленина в детстве была книга «Маленький лорд Фаунтлерой». Но революция наложила свои ограничения. Множество книг было изъято из библиотек, такова участь, например, многочисленных книг Лидии Чарской. И вот книга о мальчике. Как можно хвалить маленького лорда? Как можно восхищаться его поведением? Мне повезло, и я ухитрилась прочитать «Маленького лорда Фаунтлероя» в десятилетнем возрасте. Тогда не думалось, что этих книг больше не встречу. И только 90-е годы прошлого столетия вернули нашим читателям эти книги, да ещё и с удивительными иллюстрациями Реджинальда Берча.

Обратимся подробнее к наиболее известным книгам писательницы: «Маленький лорд Фаунтлерой» и «Приключения Сары Кру. Маленькая принцесса». Какие качества личности воспитываются этими книгами? Почему педагогические идеи Ф. Бернетт целесообразно называть педагогикой редких качеств, элитарной педагогикой? Можно насчитать, по меньшей мере, пять таких качеств: 1) стойкость, терпение; 2) правдивость, в том числе правдивость чувств; 3) уважение абсолютно к каждому человеку, умение сопереживать; 4) умение быть благодарным; 5) приветливость. Перечисленные качества личности объединяются общим понятием благородства, достоинства. Теперь подчеркнём, что всё это адресовано ребёнку, что восьми-, десятилетнему внушается, что он может быть таким же, как Цедрик Эрроль или как Сара Кру. Высота поведения доступна в любом возрасте, сколько бы лет тебе не было, – говорит писательница своими книгами. Более того, Ф. Бернетт изображает все эти свойства души такими притягательными, что это не может не вызывать эффекта идентификации и подражания.

Мастерство писательницы-педагога заключается в том, что читателю поначалу бросаются в глаза как бы менее ценные качества: приветливость, умение быть благодарным, но тут же обнаруживается, что приветливость можно сочетать со стойкостью, а вежливость – с правдивостью чувств.

– Это мне так не нравится, – признался он во время одного из своих серьёзных разговоров с адвокатом. – Вы не представляете, как мне это не нравится. Но на свете много очень печального, и всякий должен это переносить... Так говорит Мэри. И мистер Гоббс, я слышал, тоже говорил это... Дорогая ведь желает, чтобы я жил с моим дедушкой, потому что, вы знаете, все его дети умерли, а это очень грустно. Очень жаль человека, у которого все дети умерли... [Бернетт, 1992: 59].

– Я очень рад, что графы храбры. Прежде я немного трусил... знаете, в темноте... Но тогда я старался думать о солдатах во время революции и о Георге Вашингтоне – и это меня исправило [Бернетт, 1992: 34].

– Мне здесь не нравится, папа, – сказала она. – Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли её весёлого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать её. [Бернетт, 1993: 10].

Оказавшись в бедной каморке под чердаком, девочка представляет себе героев Бастилии, приручает крысу, находит утешение в вымышленном мире, сохраняя в мире реальном выдержку и благородство настоящей принцессы.

Френсис Бернетт часто использует в своих повестях приём замедления повествования, особенно если речь идёт об указанных выше качествах. Писательница подробно поясняет, сравнивая два варианта поведения, как поступили бы другие дети и как поступает главный герой книги. «У тебя есть выбор, как поступить», – намекает писательница, а её педагогика высочайших требований не позволяет снижать планку поведения даже в мелочах. Так, владелица частной школы Мильчин выставила себя в довольно глупом виде, когда знающей французский язык девочке велела осваивать букварь. И Сара не улыбнулась тогда, потому что улыбка была бы грубостью, улыбка могла бы обидеть Мильчин. Микроскопическая педагогика... Не то чтобы надерзить, а даже улыбнуться иногда непозволительно, чтобы не ранить другого человека.

Двувариантность поведения постоянно присутствует в структуре педагогической концепции Бернетт, и один из таких вариантов (причём не лучший!) оказывается хорошо знакомым юному читателю: нагрубить, расплакаться, покапризничать, похвастаться. Награда в виде счастливого стечения обстоятельств, симпатии и любви окружающих вручается тому, кто всегда предпочитает более трудный, но и более увлекательный вариант поведения.

Ф. Бернетт вручает детям своего рода набор инструментов для выработки ценных качеств личности. Эта педагогика не декларативна, а инструментальна, технологична, то есть реальна, и важнейшим инструментом самоподдержки и самокоррекции становится воображение.

Потерю родных, разлуку с матерью, нищету, тяжёлый труд, голод – любые испытания можно вынести, если только суметь развить в себе воображение, если ориентироваться на великих людей, если брать с них пример. Воображение работает только на высоких параметрах, оно элитарно по существу. Брать пример легче с человека, который превосходит тебя по положению, причём намного превосходит. Королева, принцесса, президент, граф, лорд, национальный герой – всё это не только образы реально живших или живущих людей, но и поведенческие эталоны.

Педагогика Ф. Бернетт – модельная педагогика. Модель не слепок, не фотография и уж конечно не реальность. Модель – это совокупность лучших свойств личности в образе того или иного человека. «У каждого свои недостатки» – такая сентенция не для идеала. Да, такой королевы, какая представляется ребёнку, не было, но это неважно, важно, чтобы у ребёнка был животрепещущий образец, образ, вдохновляющий на лучшие поступки, лучшие варианты поведения даже в самых будничных, микроскопических ситуациях.

Настоящая принцесса не может быть грубой, не может солгать, она должна выдерживать любые испытания, она одинаково хорошо должна вести себя с разными людьми – никаких таких прямых сентенций в исследуемых книгах нет, но именно такой смысл прочитывается – столь прозрачно он выражен.

Откуда берётся сила воображения? Чтобы представить себя героем нации, надо хоть что-нибудь знать об этих героях. И Френсис Бернетт опять-таки раскрывает секрет богатого воображения: надо много читать. Цедрик Эрроль с раннего детства читал толстые, взрослые книги, увлекался газетами. Сара Кру постоянно читала, причём владела тремя языками. Об этом сказано вскользь, но, видимо, благодаря обильному, не по годам насыщенному чтению оба героя овладели культурой эмпатии, умением вчувствоваться в переживания других людей. Кстати, сама Ф. Бернетт в детстве очень много читала, и «сухость текста её не останавливала».

Воображение не единственный инструмент воспитания стойкости, правдивости, уважительности, приветливости. На примере своих героев Бернетт учит ребёнка-читателя самому искать и находить всё то, что помогает быть стойким, помогает выдерживать испытания. Такой помощницей для Сары Кру стала кукла.

У Сары было очень сильное воображение, и ей постоянно приходили в голову разные странные мысли и фантазии. Так, например, она подумала, что для неё будет большим утешением, если она представит себе, что Эмили живая и на самом деле слышит и понимает её [Бернетт, 1993: 18].

При всей своей неуёмной фантазии изображаемые Ф Бернетт дети не лгут. Цедрик сразу признался бакалейщику Гоббсу, ненавидящему аристократов, что будет графом. И деду своему мальчик не лукавил, когда тот спросил, какого мнения Гоббс о графах.

– Видите ли, дело в том, что он не знал ни одного графа, а лишь читал о них. Он думал, – только не обращайтесь на это внимания, – что все они тираны, и говорил, что не хотел бы встретить графов возле своей лавки. Но если бы он знал вас, я уверен, что он думал бы совсем иначе. Я напишу ему о вас [Бернетт, 1992: 128].

Правдивость без деликатности ущербна, и дети умеют, говоря всё, как есть, не задевать самолюбия собеседника. Редкое, высшее и труднодостижимое качество истинно воспитанного человека – единство речи и чувства. Вавиана Герберт, красивая молодая леди, угадала это достоинство Цедрика при первом же знакомстве.

Лорд Фаунтлерой может говорить, что он думает, – сказала она, – и я ему очень благодарна. Я уверена, что он думает именно то, что говорит [Бернетт, 1992: 188].

У Цедрика Эрроля и Сары Кру приветливость слова всегда соответствует приветливости чувства. Дети, во-первых, долго помнят даже маленькое добро, им сделанное. Подаренное торговкой яблоко, когда мальчик упал и расшиб коленку, деревянный меч, сделанный соседом, мячик, из-под колёс экипажа подхваченный чистильщиком сапог, им же подаренный платок – подобные мелочи упоминаются не один раз, а уж платок фигурирует раз пять – и всё для того, чтобы убедить юного читателя, как приятно испытывать чувство благодарности. Кстати, тот самый Дик, подаривший платок, в сюжете повести сыграл роль человека, спасающего ситуацию. Это, во-первых. А во-вторых, дети одинаково любезны и приветливы с людьми самого разного социального положения.

Ей приходилось ходить за детьми, которые были далеко не так вежливы. А в манере Сары говорить: «Пожалуйста, Мариетта», «Благодарю вас, Мариетта» – было какое-то особое очарование. – Она благодарит меня, как будто я леди, – говорила француженка главной горничной... И Мариетта была в восторге от своего места и своей маленькой госпожи [Бернетт, 1993: 18–19].

Писательница исследует хорошее в поведении человека, то есть выполняет ту самую программу изучения ткани хорошего, которую много лет спустя наметила тоже американка социолог, этнограф Маргарет Мид. В XX веке интенсивно исследовались интеллектуальные возможности ребёнка и было доказано, что возможности эти чрезвычайно объёмны. У Ф. Бернетт речь идёт о другом – об объёмности этических, поведенческих возможностей детей. [Цедрик узнаёт о смерти отца] *И любящее детское сердечко подсказало мальчику поведение, достойное взрослого человека.*

Вспомним известные постулаты: Если человек чувствует правильно, он мыслит правильно. Если человек чувствует правильно, он поступает правильно.

Миссис Эрроль говорит сыну: «О, Цедди, дорогой, я бы хотела быть для тебя очень умной и научить тебя многому! Но, милый, будь только добр, будь только смел, будь всегда кроток и правдив – тогда ты никому в жизни никогда не причинишь горя. Напротив, многим поможешь, и огромный мир Божий станет немного лучше оттого, что явился на свет мой мальчик» [Бернетт, 1992: 139].

Френсис Бернетт не играет с детьми в поддавки, её художественная педагогика – это концентрация требований к ребёнку в полном их объёме. Будь любознательным, но не будь навязчивым; умеи отвечать, но умеи молчать, когда к тебе непосредственно не обращаются; побеждай, но не задавайся, да ещё успокой побеждённого: «...я оттого, верно, победил, что у меня ноги чуть длиннее твоих. Ведь я на три дня тебя старше, а это преимущество»¹. Однако соблюдение таких требований приносит удивительные плоды, и дети-читатели радуются за своих героев, незаметно усваивая кодекс такого поведения, о котором впоследствии писал Т. Шибутани:

«И напротив, существуют критерии, позволяющие судить о достаточном уровне собственного достоинства, даже если человек кажется очень скромным: он руководствуется своими собственными стандартами, стараясь в то же время не оскорблять окружающих; он не очень разочаровывается, когда другие с ним не согласны; он не ищет оправданий и не занимается самобичеванием, если терпит неудачу; он обращается с другими людьми уважительно и как с равными, независимо от их социального статуса, он не сомневается в своей способности помочь окружающим и старается это делать...» (Знание – сила. 1993. № 8. С. 40).

Детская и взрослая, спонтанная и прицельно профессиональная партитуры прочтения художественных образов не могут совпадать полностью, и не исключено, что первое прочтение детской книги разочарует исследователя, но уверяем: обе книги далеко не так просты, как представляется после первого с ними знакомства, а с точки зрения заложенного в них педагогического смысла – во многом уникальны. Показать детям лучшие модели поведения, более того, научить создавать свои модели, ориентируясь на высший уровень обычного человеческого бытия, – такова содержательная и инструментальная стороны художественной педагогики Френсис Бернетт. Этот воспитательный эффект фиксирует Н.М. Демурова в своей статье.

¹ Эта цитата из другого перевода повести: Фрэнсис Ходгсон Бернетт. Маленький лорд Фаунтлерой. Роман / Пер. с англ. и вступ.ст. Н. Демуровой. М.: Худож. лит., 1991. С. 40.

«Англичанам удивительно повезло с детской литературой, покорившей заодно и весь мир. Маленький англичанин начинает жизненный путь свой с книг, обучающих уважению к личности, стойкости, мужеству и умению смеяться. Так он становится мужчиной. Настоящим, которого мы по недоразумению называем джентльменом» [Демурова, 2000].

Как себя вести, когда занимаешь определённое положение? Когда этому высшему уровню поведения нужно учить? Можно ли влиять на процесс самосознания и самооценки интеллигенции? Как сделать пленительными и желанными образцы поведения? Педагогическая концепция Френсис Бернетт, почерпнутая из анализа наиболее известных книг писательницы, даёт ответ на некоторые из этих вопросов.

Уважительность ко всем, приветливость, умение быть благодарным – все эти качества, казалось бы, воспитываются у всех с детства. «Скажи тёте спасибо!», «А ты поблагодарил?», «Что надо сказать?»... С.Л. Соловейчик заметил в своей книге «Педагогика для всех», что упор мы делаем на словах, а не на развитии чувства благодарности, что далеко не одно и то же [Соловейчик, 1987: 94]. Подобным несоответствием заинтересовались учёные. «У девочки возрастом год и восемь месяцев было впервые замечено (хотя могло употребляться и ранее) слово «пожалуйста». В нём не было ни малейшего оттенка вежливости, тактичной просьбы; самые свирепые приказания могли им сопровождаться. Оно несло лишь функцию умножения действенности приказа», – пишет В.В. Бибихин в статье «Общение без индивида» [Бибихин, 1991].

Социологи, психологи, педагоги, литературоведы, лингвисты по-своему участвуют в управлении формированием высшего слоя общества, того самого, который будет задавать тон, поддерживать или менять традиции, выполнять законотворческие, культуротворческие, языкотворческие функции.

– Ну, вы напрасно так категорично, – возразила я, на Чарской не одно поколение выросло [Рубина, 2004: 300]. Мы выписали эту цитату, поскольку в детской памяти сохранялось восторженное мнение наших бабушек от многочисленных книг Лидии Чарской.

Повторим, по отношению к детскому чтению сейчас нам легче, чем по отношению к взрослому чтению. Достаточно остановиться всего на двух книгах, чтобы решить проблему изысканного поведения ребёнка, достаточно, если бы не противодействие школьных программ, в которых подчас отмечается лучшее, что есть в книгах. Такая у нас литература и такой мощный потенциал родного языка. Только мы всего этого не учитываем и продолжаем сокращать часы на святая святых – литературу и язык, основы

основ личности. Гуманитарное образование – это идеальная настройка личности на любые задачи, любые препятствия. У нас есть языковые формулы, которые побуждают вести здоровый образ жизни, решать внутрисемейные, весьма драматические проблемы, преодолевать стрессы и их последствия, но эти сокровища надо находить и дарить окружающим. В этом и состоит вечная востребованность и особая привлекательность филологии.

А книги для взрослых? Литература не прошла мимо замечательных героев и героинь. Однако в качестве образцов изысканного поведения мы оказываемся в тупике. Нет книги, в которой действовал бы герой, всегда отвечающий требованиям изысканного поведения, и в то же время извечен вопрос: как жить без идеала? Получается, что мы едва ли не всю жизнь «собираем» этого героя по частям из самых разных книг, и очаровываемся им, а потом снова ищем «продолжения» ещё и в других книгах. Он есть, но его как бы и нет. А он нужен, остро нужен даже сейчас при обилии книг и при постоянной агрессивной информации.

«Ни в одном из романов Достоевского не рассыпаны так щедро слова «вежливый», «приличный». Подсчитайте их (и однокоренные, примыкающие по смыслу) – получится впечатляющая статистика» [Погорельцев, 1994: 43]. «Вежливое отношение не только к младшим и старшим, но – к детям. Он вежлив со всеми. С Колей. С Настасьей Филипповной. Когда к ней прибыли от модистки наряды, он всё хвалил, и от похвал она становилась ещё счастливее» (ч. 4 гл. X). Князь не изменяет себе даже в общении со стариком Иволгиным, изрядно опустившимся и безбожно врущим» [Погорельцев, 1994: 43-46].

Или вот такая выписка о культуре спора. *Никогда не спешит осадить.*

Что нас мешает задуматься о культуре речи князя Мышкина? Неужели сюжет романа? В октябре 1999 года в Ивановском государственном университете проходил симпозиум «Роман Достоевского «Идиот» и мировая культура», и сборник был посвящён одному (только одному!) роману Достоевского.

Приведём другие примеры, памятные, где и речи-то нет, есть просто поведение.

«Я всегда вспоминаю того мальчика, моего ровесника, фамилия его была, кажется, Третьяков. В нем было то же, что и в Косте, раннее мужество, и меня тянуло к нему. Что-то страшное случилось с ним [Обвинили в членовредительстве, трибунал...] Все с ужасом смотрели на него, а он оставался серьезен и тверд. Всю ночь он курил на лавке, курил и укачивал свою раненую руку, распухшую страшно» [Бакланов, 1981].

«Понял? Уехала, не уронив ни единым словом своего достоинства и достоинства твоей жены. И они попрощались как люди. Да ты поклонись им обеим в ноги, что уберегли они тебя от беды неминуемой. Такой жены, как Укубала, тебе вовек не сыскать. Другая бы на её месте такое бы устроила» [Айтматов, 1980].

По таким каплям мы и собираем образцы поведения. «Интерииоризация социальной действительности через язык означает субъективное “схватывание” схем интерпретации, того, что принимается на веру и не считается проблематичным в данном обществе» [Luckmann Th., 1970: 31]. Филологу-профессионалу всегда есть что сказать, поскольку в его распоряжении – нет, не «колоссальный объём информации», как сейчас принято говорить, а ценные источники уникальных сведений, о которых мало кто знает, но эталоном подлинной речевой культуры является элитарная речевая культура. Слово, по мысли Гоголя, есть высший подарок Бога человеку. ...И по-прежнему есть проблема опоры на свою собственную глубину (Г. Померанц).

Извольте пример. Далькроз говорит: «Когда вы идёте, представьте себе, что земля под вами шар, который вы ногами вращаете». Попробуйте, какую легкость это сообщит вашей походке, и какую в легкости быстроту» [Волконский, 1913: 185]. Воображение помогло исправить походку? Конечно, конечно!

Сочинять слова, придумывать обороты речи – увлекательное занятие? Однако многолетнее наблюдение над разговорной речью соотечественников как раз не позволяет ставить здесь знака равенства: сейчас говорящие нередко копируют друг друга, а то и реализуют в своей речевой стихии всё то, что... запрещено. Это с одной стороны, а с другой – можно ориентироваться на цитаты из классической литературы, руководствуясь малоизвестными словами Александра Кривецкого.

«Скажу тебе по секрету: по-моему, литература поставила перед сознанием человечества столько образцов добродетели и целомудрия и так прославила его лучших представителей, что в обозримое время у него [человечества] не хватит ещё ума, чтобы следовать этим примерам» [Кривецкий, 1980].

Священная литература! – именно такими словами говорил Томас Манн о русской литературе! Это более сложный путь, поскольку надо, во-первых, *много* читать, а во-вторых, *неспешиное* это чтение должно оседать в памяти, то есть время от времени желательно возвращаться к своим записям, причём делать это неоднократно.

Таинство стиля

Секреты стиля. Стилль как завоевание чужих сознаний. Наслаждение стилем. Воображение – мастерская ума.

На Круглом столе, посвященном охране области от сквернословия, заместитель начальника департамента городского хозяйства администрации города Белгорода Владимир Николаевич Коваль вспомнил об экскурсии в Ясную Поляну: *Экскурсовод – сейчас ему 96 лет, тогда было 89, толстовец – я слушал его речь как музыку: «Милостивый государь!»...*

Таким образом, ставя проблему изысканности речи, её привлекательности, богатства, мы неизбежно выходим на проблему языкотворчества. Люди? Книги? Конечно же!

Но сначала – хорошо бы полюбить эту сокровищницу, больше узнать о ней. Завоевание чужих сознаний – вот цель общения, в том числе повседневного. О Бальзаке М.Н. Эпштейн пишет так:

«...Ибо его стиль нацелен на завоевание чужих сознаний. Поэтому он безудержно правит и переделывает свои корректуры (в среднем их число доходит до 9–10, иногда же до 17–18); каторжный труд Бальзака над ними вошёл в поговорку. Причем многократная правка касалась в первую очередь именно стиля <...> Чтобы завладеть чужим сознанием, слово должно многократно увеличить свой семантический потенциал по сравнению со словом, которым обмениваются единомышленники или с которым говорящий обращается к себе» (М. Эпштейн).

Завоевывать чужие сознания можно через стиль. Можно собирать по кусочкам, брать то одно качество, то другое, увлекаться каким-нибудь поступком, пополнять свой фонд положительных героев и героинь и не забывать при этом, что можно получать ещё и удовольствие от чтения.

«...Родной речью **можно наслаждаться**. Да-да, именно так! Дышать ею, словно ароматом нежного цветка. Смаковать, точно любимое блюдо. Любоваться, будто произведением великого мастера!» [Грушко, Медведев, 2000: 6].

Попробуем, попытаемся читать классический текст как тайный учебник изысканной речи и достойного поведения. Дион Хризостом, византийский поэт и философ, говорил о Гомере: «Гомер каждому – и юноше, и мужу, и старцу – столько даёт, сколько кто может взять». Не относится ли эта мысль к каждой книге? Книга формирует воображение. «Не зря же говорится, что человек способен создать всё, что способен вообразить. Воображение – мастерская ума» [Хилл, 1995].

Смешное, смешное...

Смешное в текстах. Смешное в живой стихии речи. Смешного всегда мало. Правдивость смешного. Смех в научных выступлениях.

«А потом произошло вот что. Думаю, ты меня поймёшь: самую жгучую ревность вызывает тот, кто умеет рассмешить человека, которого мы любим. **Уметь рассмешить – почти то же самое, что уметь заниматься любовью. Это способ овладеть другим, овладеть через смех, доставить ему особый вид удовольствия**» [Поссе, 2005: 226].

Приведём примеры на смешное. Конечно, это выборочная часть примеров, но все же...

Книга «Собаководство» (1949 год): *«Не следует называть собак человеческими именами, как, например, Васька, Роберт, Мухтар и другими. Лучшие выбрать кличку из тех, которые не имеют прямого отношения к людям, – Джим, Билл, Кэтти, Джон и тому подобных»* (с. 100).

В книге Шона Байтелла «Дневник книготорговца» чего стоит одна Ники и ее истории о том, как она ту или иную книгу ставит на тематическую полку! Прочитируем?

Перед тем, как Норри ушел, у них с Ники завязался разгоряченный спор, из которого я услышал только конец. Как я понял, они говорили об эволюции. Это любимая тема Ники, и часто бывает, что я натыкаюсь на «Происхождение видов» в разделе художественной литературы, поставленные туда ее рукой. В ответ я ставлю Библию (которая у нее относится к разделу истории) в раздел «Романы» [Байтелл, 2019: 15].

Наводя порядок на полках в отделе с книгами по садоводству, обнаружил в отделе с книгами по рыбной ловле Одиссею. Мне придется допросить Ники, чтобы узнать, как она туда попала, однако я уверен, что ответ прозвучит примерно так: «Ну, они же какое-то время плыли на корабле. И как ты думаешь, что они там ели? Рыбу!» [Байтелл, 2019: 219].

И опять Ники: 3 февраля. Среди сегодняшних заказов – книга «Деревья Великобритании: справочник для всех» (*British Tree: A Guide for Everyone*). Согласно шифру, введенному Ники, книга находится в разделе шотландской поэзии [Байтелл, 2019: 377].

Приведем примеры из других источников.

«Мне очень нравится быть чистым, а вот мыться – не очень» (В. Коваль. Разговор о понятиях. Рассказы стихийного философа).

Это – как смотреть оперу без звука. Впрочем, такое занятие мне как раз нравится. Звук отвлекает внимание зрителя от нечеловеческих усилий певца, без пения ещё более выразительных... (В. Коваль. Разговор о понятиях. Рассказы стихийного философа).

Эпиграф из Ворошилова: *«Частенько бывают у меня разговоры с органами товарища Ежова»*. Тухачевский любил показать ученость: *Увеличивается железнодорожный факультатив. Внеуплотняющая оборонительная завеса. Уплотняется завеса или не уплотняется? Гармоника расчленения сил* [Суворов, 1998: 225, 228].

Иногда комический эффект бывает продолженным, когда общеизвестное выражение «Мороз крепчал» вновь получает не всем известное продолжение: *Мороз крепчал, из холодной стыти превращаясь в настоящую зимнюю зябу*.

Многие стихи вызывают улыбку: *«В горчицу булку кроши и чайной ложкой съешь. И будешь знать, как горек хлеб твоих учителей»* (Григорий Остер).

Вот ещё один отрывок. «В прихожей стоял телефон, по которому академики звонили в Москву. Перед кинофильмом к телефону выстраивалась очередь. Когда Валя снял трубку, за ним стояли и ждали своей очереди

академики Понтрягин, Гельфанд, Опарин и ещё несколько. Равнодушные лица академиков постепенно охватывало изумление. Валя проверял, как идут занятия у сына. / – Так. Третью главу у Гельфанда прочел? Врешь! Дай определение множества по Дедекинду... Так. Теперь уравнение Фоккера – Планка... Врешь. Это уравнение диффузии. Теперь быстро, тут ждут, даты жизни Суворова, Баркляя де Толли и Мартынова. Кто такой Мартынов? Ты что, дурак, забыл, кто Лермонтова убил? Ну вот, другое дело... Ладно, времени нет, тут очередь. Иди к фортепиано и сыграй первую часть сонаты Моцарта. Какой, какой? Всё той же, кёхель триста тридцать. / Несколько минут Валя сосредоточенно слушал. Потрясенные академики стояли молча и уже не смотрели на часы. / Дурак, где ты там си бемоль нашел? Работай над туше. / Когда Валя, положив трубку, отходил от телефона, взволнованные академики долго смотрели ему в спину. Все, за исключением Понтрягина. Тот, как известно, был слепой» [Фридкин, 2003: 148–149].

При передаче смешных историй можно пользоваться и пересказом. Например, в книге Валерия Ганичева есть забавная история, могущая быть смешной в пересказе её.

Марья Ивановна говорит: «Сегодня, дети, мы будем объяснять слова. Вот что такое катастрофа? Скажи, Наденька». «Марья Ивановна, катастрофа – это когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду. Это катастрофа». / – Нет, Наденька, это беда, а не катастрофа, а катастрофа, когда летит самолёт, там сидят богатые люди, олигархи, самолёт взрывается и падает, а богатые люди погибают. Это катастрофа. Скажи, Наденька, что такое катастрофа. / – Ну, катастрофа это когда богатые люди летят на самолете, он взрывается, они падают и погибают. Это катастрофа. Но это не беда, а беда, когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду [Ганичев, 2015: 27].

Некоторые книги стали бестселлерами смешного. Например, повести В. Войновича об Иване Чонкине.

«– Борис Евгеньевич, – зывал он к редактору. – Я вас очень прошу, не правьте мою заметку, ведь она такая маленькая. – Ишь чего захотел, – ответил редактор, помешивая ложечкой остывший в стакане чай, – как не править, когда вы пишете: «Наступила пора бабьего лета». У нас женщины – труженицы, они стоят у станков, они водят трактора и комбайны, они заменили своих мужей, ушедших на фронт, а вы их оскорбительно называете бабами. – Я не их, я лето называю бабьим, так говорят в народе. – Если все слова, что в народе говорят, да в газету... – Редактор покачал облысевшей головой. – Но ведь не писать женское лето, – сказал фенолог. – Именно женское. – А может быть, дамское? – Нет, дамское нам не подходит. А женское в самый раз» [Войнович, 1990: 40].

Иногда смешное таится в самом неприметном виде, но тем эффективнее его обнаружение. «А Мария Валентиновна фактически поселилась в Доме литераторов. И дребезжащий её голосок там был слышен с утра до ночи. Она

уже вошла в анекдот: «Здравствуйте, Мария Валентиновна! Какая сегодня прекрасная погода!» – Погода-то прекрасная, да вот большевики...» [Лурье, 2014].

По радио 29 апреля 2020 года вспоминали анекдот: «Когда по телевидению только начинали передавать «Лебединое озеро», толпы людей устремлялись в магазины за солью и спичками».

В речи нам часто недостает смешного, поэтому будем пользоваться, с одной стороны, выдержками из художественной литературы, что мы и пытались показать, а с другой – лично запомнившимися наблюдениями, и тогда окажется, что сокровищ здесь не меряно. В настоящей, живой стихии немало случаев, вызывающих если не смех, то улыбку. Приведём примеры из своих записей.

[Два декана перед совещанием:] Этот стул поломан. – Что ж это, в Вашей аудитории «стулы» поломались? – Это не моя аудитория. – А я думал: на третьем этаже все ваши?! – Я ТОЖЕ ТАК ДУМАЛ! ОНИ МНЕ ДАЖЕ СНИЛИСЬ! (08.06.2012).

[Водитель, лет 47, довёз дальше конечной остановки к кассам:] Спасибо! Спасибо большое! – Пожалуйста! ПРИХОДИТЕ ЕЩЁ! (28.07.2012).

[Женщина-инженер, г. Тверь:] У соседней есть собака Джулька. А иногда они её называют Джульетта. «ДЖУЛЬЕТТА, домой!» (28.10.2012).

[Тверь. Технический перерыв в ходе защиты КД. Два члена совета задержались, позвонили, что уже на лестнице:] Что-то долго поднимаются! – ВОЗРАСТ! (смех в зале) (10.12.2012).

[Продавщица творога 54 г.:] А у нас хотят Ленина убрать с площади! Сорок миллионов надо потратить! Некуда у нас их больше тратить, как ЛЕНИНА НОСИТЬ С МЕСТА НА МЕСТО! (05.02.2013).

[Женщина лет 50 у реки знакомой:] Она каждый день делает семь тысяч шагов. Так хорошо выглядит! Но я вам скажу: если себя не поддерживать... Причём именно шагом, не бегом. [Мужчина лет 60 включается в разговор:] А лучше ПОЛЗКОМ! (28.08.2013).

[Мужчина лет 68 после гимнастики заходит в воду, шутливо поёт:] Быва-али дни весёлые, / По месяцу-у не пил, / Не то, что было нечего, / А просто не-е хотел! (31.08.2013).

[Архангельск, женщина профессор в автобусе перед поездкой на защиту знакомой:] Дети подобрали котёнка. Как назовёте? Ещё не решили: или Иоганн, или Фридрих. Потом я прихожу, звоню: «Олечка, ты одна?» – Нет, я с Фридрихом!» (27.09.2013).

[Соискательница 40 л., г. Тула, отвечая на вопросы на защите докторской диссертации:] Глаголов удара очень много (в тульских говорах), а глаголов... Так же как глаголов одевания больше, чем глаголов раздевания [Профессор лет 55 с места:] Это хорошо! (17.10.2013).

[Тверь. Банкет после защиты. Профессор-философ:] Когда говорят тост, даже змея не кусает! (11.11.2013).

[Тверь. Соискательница благодарит членов совета:] Уважаемые члены диссертационного совета! Я что-то очень волнуюсь! [Профессор подхватывает:] Мы все очень волнуемся (смех в зале) (12.11.2013).

[Стало скользко. Студентка, смеясь, подруге, быстро идут по коридору:] Короче, у меня сегодня было ОТКРЫТИЕ (сезона)! Первый раз упала! (27.11.2013).

[Декан 43 г. на планёрке:] Скажете студентам, что завтра в спортивной форме, мастер-класс будет по алтимат-фрисби (бросание тарелки), (подчёркнуто не выговаривает), я так думаю: это в карты и на деньги! (смех) (04.12.2013).

[Декан 43 г. на планёрке о присланных расценках за обучение:] Самое интересное, что и СТОМАТОЛОГИЯ ПОПАЛА В ГУМАНИТАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ! (24.12.2013).

[Проректор о подготовке пакета документов к аккредитации:] Так, «Лечебное дело». ПОРАДОВАЛИ ТОЛЬКО ОДНИ ПСИХИАТРЫ (смех) (01.10.2014).

[Проректор женщина на совещании:] В зачётке 104 часа, в учебном плане 140, а в ведомости – 110. – [Голос из зала:] ТАК ЭТО ЕСТЕСТВЕННИКИ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ? (смех) (22.10.2014).

[У вокзала водители лет 45–48 весело проходящим:] Такси недорого! ПРОДАЁТСЯ ТАКСИ! – НОВОГОДНЯЯ РАСПРОДАЖА! (01.11.2014).

[Председатель дис.совета и член совета о кворуме:] Мы за брянскими посылаем тюремный фургон! – С КОНВОЕМ! (смех) – Я ночью не сплю, думаю: будет ли кворум? – Совет закрывают, как только мы ввели двух женщин из Тулы, ОНИ ЖЕ С ОРУЖИЕМ! (смех) Откат какой! (28.11.2014).

[Жена и гостя говорят о руководстве страной. Муж:] Так, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫ МОИ! Я вам мандарин принёс, может быть, вам полегчает. Кислое! Оттяжка хорошая (смех) (14.12.2014).

[Перед совещанием зав.кафедрой и начальница отдела лет 40:] Мы Вас удовлетворили своими писульками? – На ИНТИМНЫЕ вопросы я Вам отвечу позже! (смеются) (24.12.2014).

[Начальник управления:] Но это только как исключительные случаи! Но при проверке мы столкнулись с тем, что ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ ОЧЕНЬ МНОГО (смех) (04.02.2015).

[Декан 45 л. на планёрке о помещении для работы экспертов:] Ш-в (проректор) собирался посмотреть помещение: наличие чайников, СЕРВИЗОВ... (смех) (10.02.2015).

[Доцент 62 л.] Как одна женщина говорила: я пришла, а ОН УШЁЛ! – Кто ушёл? – Трамвай! (смех) (11.03.2015).

[Декан на планёрке:] Давайте к Пасхе уберём аудитории, а КТО ЯРЫЙ АТЕИСТ – к 22-му (день рождения Ленина) (17.03.2015).

[Профессор-методист:] Светка мне рассказывала: захожу, говорит, в маршрутку и говорю: «ЗДРАВСТВУЙТЕ, САДИТЕСЬ!» И сама сажусь. Маршрутка рухнула! (06.05.2015).

[Декан 45 л. на планёрке:] Вы можете позаимствовать на других кафедрах. Как Квинтин Тарантино говорил: «Займствуют посредственности, гении крадут!» <...> Но учить вообще вредно! Наукой установлено, что человека можно научить до пяти лет. – А что мы делаем? – НО МЫ ДЕРЖИМ ЛЮДЕЙ ДО ПЕНСИИ! (смех) (06.05.2015).

А вот более ранняя запись: Иду по улице, ярко светит солнце, и ярко горят включённые фонари. Я б этих фонарей и не заметила, если б не услышала сзади себя, как женщина сказала приятельнице: *Переэкономили!* (апрель 2008). Восхитительна тонкость родного юмора!

О себе. Во время диспантеризации меня спросили, какие лекарства я принимаю. Я говорю: «Каждый, каждый день утром я пью эспумезан! Это, говорю, у меня как норма!». Врач кокетливо спросила: от вздутия, от пузырьков, да? Оказалось: под влиянием телевидения я вместо *эналаприла* сказала *эспумезан*.

Сохранился у меня ещё один отрывок из разговора с доцентом Виктором Петровичем Кичигиным. *Как дела?* – Ой, говорю, такая напряжёнка сейчас! (В университете конец апреля всегда насыщен крошечными заботами, как, впрочем, и другие учебные месяцы!) – *Так это и хорошо! Самая большая радость – когда трудно. Напряжение – ведь это как фильтр. Фильтр сознания. Оно очищает.* После таких слов я ухожу по своим делам уже счастливой. Ещё бы! Моё сознание очистилось!

Конечно же, можно пользоваться готовыми блоками смешного, выбрать из серии анекдотов один, используя его, например, при произнесении тоста: *Я желаю вам всяческого оптимизма, по анекдоту: «Мужчина на диване после известного действия говорит лежащей с ним молоденькой женщине: «Хорошо-то как, Маш!» – Да я не Маша. – Ай, все равно хорошо!».*

Хороших анекдотов много. *Собачка Павлова говорит другой собачке: – Ты знаешь, условные рефлексы все-таки существуют! – Почему ты так думаешь? – А вот смотри, сейчас раздастся звонок – и этот кретин в белом халате принесёт нам еду.*

Почему смешное всегда востребовано? Почему его всегда мало? Потому что смех прекрасно противостоит страху! И мы открываем свой список изысканных форм речи именно со смешных случаев. И в конце параграфа скажем одну серьёзную вещь:

«Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Более того, смешное потому и смешно, что оно правдиво. Иначе говоря, не всё правдивое смешно, но всё смешное правдиво» (Фазиль Искандер).

Смешное и наука? А почему бы и нет, коль скоро ситуация, вызвавшая улыбку, хорошо запоминается. «Смех, благороднейшая форма человеческого самопроявления, к тому же и гениальный воспитатель, творец душ. Посмеявшись, человек становится лучше, счастливее, умнее и добрее. Вывод из моей долгой практики: читая лекции, не надо жалеть времени на смешное.

Любую научную информацию можно найти в книгах; научного смеха, как правило, там нет» [Грекова, 1978]. Действительно, не ради смеха мы спешим на лекции известных людей, но благодаря смеху мы и запоминаем, и вспоминаем, и помним эти встречи.

Смешное субъективно, поэтому мы и ограничиваем себя примерами, но по большому счёту смешного в жизни гораздо больше пресловутых наших ожиданий. Вот рассказ женщины-инженера об изоляции в период коронавируса: «Я думала: в троллейбусе свободно будет, а они реже ходить стали, так людей там, что называется, напихано коленом!». Она же в магазине: «Гляжу: женщина подходит в маске, с ней девочка, лет шести, тоже в маске, а у девочки кукла – тоже в маске».

Нарративы

Повествование, нарратив как необходимое звено в структуре речи. Повествовательность как свойство личности. Объяснительность нарратива. Внимание к минусам изложения. Смыслы – события. Нарратив в действии: припомнилось...

«Бог, Родина, знание, долг, дружба, нежность, жизнь, надежда». Это ценности, которым не место за музейным стеклом, они должны жить в сознании». А живут, пребывают эти ценности в, казалось бы, обычных рассказах. «Эксперимент показывает, что тексты этого повествовательного мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений». Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя. «Большинство людей в основе своего отношения к себе – повествователи» [Брудный, 1991: 127].

Линкольн оставил истории удивительную драму примирения. Стэнтон издевался даже над его внешностью, а Линкольн сделал его военным министром. Все были потрясены! Он ваш враг. Он сделает всё, чтобы сорвать выполнение вашей программы. – Да, я знаю. Но он подходит к этой должности. И Стэнтон сделал неоценимые услуги народу и своему Президенту. Через несколько лет убили Линкольна. Стэнтон выступал на могиле. Автор приводит слова Линкольна: «Мадам, разве я не уничтожаю своих врагов, превращая их в своих друзей?!» [Кинг, 1992].

В повествовании не только излагаются события, но и систематизируются причинно-следственные связи событий, хотя не всегда выраженные. Важное свойство нарратива – «его «объяснительность»».

Говорящий воспринимает повествовательную схему как средство придания смысла или осмысления действительности. Вот почему в нашей речи часто используется повествовательные включения, и изысканная речь не чужда бывает всевозможным повествованиям.

Понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя. Большинство людей в основе своего отношения к самим себе – повествователи (А.А. Брудный). Действительно, это так. И неуспех школьных изложений какой-либо теории часто бывает связан с абсолютным исключением повествовательных фрагментов. Нарративы – это сюжеты, рассказы со своей кульминацией, биографемы (небольшие предания о судьбе предка), а также просто небольшой информационный блок.

Нарратив – повествование, но (внимание!) со значительными элементами драмы. [Курск. Защита докторской диссертации. Соискательница 40 л., отвечая оппоненту:] *Бабушки почему-то о плохом вспоминают чаще. «Жили мы хорошо-о!». А дальше всё равно детали... (плохого). Это на Руси какая-то культура печали. Мы стесняемся жить хорошо!* (17.10.2013). Обратим внимание: начиная говорить о хорошем, бабушки неминуемо съезжали, если не на плохое, то на... с трудом преодоленное, дорогой ценой доставшееся.

«Ах, бросьте! Когда она будет рассказывать об этом приключении – и, между прочим, чем больше времени пройдёт, с тем большим удовольствием она будет это делать, таков закон человеческой психики, осознание отдалённости неприятности во времени вызывает у нас удовольствие, странным образом вызывает удовольствие даже сам факт, что неприятность была, – имея в биографии этот случай, человек себя чувствует богаче, ему есть о чём поговорить в служебный обеденный перерыв, с соседом, с другом или подругой, в праздничном застолье...» [Слаповский, 1999: 293]. «В несчастье есть странная притягательная сила. Я не раз о ней размышлял. Как люди торопятся сообщить друг другу о чьей-то смерти, тяжелой болезни. Боятся, как бы кто не опередил, не рассказал раньше их» (И. Грекова).

Кстати, на феномене «минус интереснее плюса» строятся новостные программы: «Телевизионные новости всегда полутрагические. Это кажется естественным: не будем же мы говорить о том, что в восьмидесяти пяти регионах страны свет и тепло есть – только о тех двух, где их нет» (Знание – сила. 2003. № 3).

Повествование – это язык события, а известна альтернатива: событие разрушает смысл, смысл разрушает событие. Фёдор Гиренок пишет об этом: «...Идёт война между смыслами и событиями. Чем больше в мире событий, тем меньше в нём смыслов. ... Поэтому людям приходится жить в режиме не извлечённых смыслов и непонятых событий» (Новый мир, 2012, № 6. С. 227).

«Можно рассказывать о чём-то, а можно рассказывать что-то... Настоящая литература рассказывает – что-то, она доносит, прибавляет миру нечто не бывшее с миром самим фактом рассказа», – цитирует Марианна Ионова слова Андрея Таврова из альманаха «Новый метафизис» (Октябрь. 2013. № 4.С. 178). Повествовательный фрагмент в разговорной речи – это не обозначение темы, не абрис, не «конспект» ситуации, а именно рассказ, создающий феномен жанра в жанре.

«Поэзия и художественная проза часто пользуются методом протокольного изложения и обычно в самых значительных, самых захватывающих, я бы сказал, «роковых» местах повествования. Понятно почему. Смысл повествования так велик, так глубок и в этом месте столько сосредоточено, что всякое лишнее слово, междометие, малейшее выражение чувств, «игра воображения» только испортили и ослабили бы его» (Г.Г. Нейгауз).

Вот почему мы и решили привести эти рассказы о событиях, почерпнутые из наблюдений над речью окружающих людей, но, скорее, приводим как модель возможных записей, возможных включений в речь. Не исключено, что у читателей книги повествовательных моментов будет намного больше, как было бы и у нас, займись мы ранее сбором фактов и прибегая к недавно очерченному требованию изысканной и богатой речи.

Вставлять «случаи из жизни» в свою речь можно по принципу: припомнилось в связи и вот...

[Женщина-профессор рассказывает:] Я шла через стадион, тогда ещё проход был, а там сидели мальчишки, лет шести-семи, и курили, такие малюта! Я подошла: «А не рано ли, молодые люди?». Они мне такими словами ответили, что я говорю: «А-а! Не рано!» (13.06.2012).

[Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина, за обедом о японцах:] Меня поразило, как они вели себя во время взрыва. Ни один не покинул Японию! Русская вышла замуж за японца. Ребёнка отправила матери, а сама сказала: останусь здесь, с мужем. Спросили женщину: почему вы только одну бутылку воды взяли и только один рулон туалетной бумаги. – Мне больше не надо. Во все капилляры у них это внедрено! (29.06.2012).

[На скамейке в сквере женщина лет 75, в прошлом инженер промышленного транспорта, беседует со студенткой лет 18:] Донецк знаешь? Шахты? Мы делали реконструкцию подъездных путей к шахтам. А шесть километров пешком идти! А там типа электричка рабочая ходит. А он говорит: «Слабо тебе остановить поезд?». Я показываю, нам давали такие знаки, что пути неисправны. Потом говорю: «Простите! Я специально! Подвезите нас!» Там столько было...! И подвезли! Так весь институт гудел: Аллочка теперь и самолёт остановит! (31.07.2012).

[Учительница 55 л.:] А версия такая: Пушкин не погиб, разыграна была эта дуэль, а в России возникали дипломатические отношения с Францией, Франция только приходила в себя после войны, нужен был какой-то лидер духовный типа историографа, а Пушкин

всегда мечтал, вот. А в России была очень мощная сеть внутренних шпионов в Европе и, в частности, во Франции. И они очень похожи внешне, и оба африканцы. В общем, какие-то интересные вещи... (07.08.2012).

[Доцент 55 л. вспоминает отца:] У него была феноменальная память! Он же за два года институт закончил! В Курске. Экстерном всё сдал. Профессор Полозин его взял в аспирантуру. Он выучил «Манифест Коммунистической партии» наизусть по-немецки. Ему хотели (по кандидатскому экзамену по иностранному языку) поставить «пять», а он настоял на «удовлетворительно», потому что объяснил, почему он знает (08.08.2012).

[Преподавательница по телефону:] Вы знаете, у них был один работодатель англогрек. У него мать была англичанка. Я ему говорю: «Ой, я вам соболезнаю, у вас там горит (лес)». А он так спокойно говорит: «Да там всегда горит! Не волнуйся! Там точно так же быстро всё растёт, как и горит!» – А по телевизору страсти! – Надо ж хоть что-то плохое сказать о Западе, раз уж придаться не к чему. Ни к экономике, ни... (14.08.2012).

[Врач рассказывает:] А Игорь заболел? Я говорю: Да. Но он не совсем, Яся, заболел. Вита ж тебе объяснила, что Игорь умер. Мы вышли на улицу, и мы с ним сидим, а он говорит: а как это «умер»? Я говорю: «Ясь, вот понимаешь, тело умерло, а душа? Смотри, говорю, звёзды на небе! Он там, на звездочке, на тебя смотрит. Смотрит, как ты себя ведёшь. Видит, как ты обижаешь маму или не обижаешь. Как ты разговариваешь. Что ты делаешь. Игорь всё оттуда видит». Он так посмотрел на меня: да? Я говорю: да! (27.08.12).

[Доцент 59 л.:] У меня соседка, сын 14 раз ездил в Чечню и два раза в Ингушетию. Говорит: я четырнадцать раз умирала! Он такой человек, говорит: я не позволю себе возвратиться с трупом! Это СОБРовцы! Но всё равно: как мать выдерживала?! Правда, сын говорит: они сейчас не вяжутся, просто разводят местных, что меж собой воюют. Забрасывают их высоко в горы. Живут в палатках с февраля по август. У него жена и двое маленьких детей. Губернатор по миллиону выделил, участок будет (под ИЖС) СОБРовский (12.09.2012).

[Профессор-методист 59 л. о второй жене водителя:] Они же живут в его квартире, а он ей купил квартиру, сказал: «За многолетний труд на кухне!» Однокомнатная квартира, но очень хорошая! Она мусульманка, но не ретивая. И он не сильно религиозный, хотя возит (владыку) <...> И они стали жить. Она мне рассказывала: «Он мне сказал: «Главный труд женщин – это сохранение духа, чистоты!» Он сказал: «Это (квартира) тебе подарок за то, что ты терпела меня плохим!». Она гениальная жена. Нет, не только порядок и еда! Нет, она добрая, она всё прощает. Он один раз, когда мы выезжали на природу, набухал, мы блукали его, а она его потом терпеливо уговаривала (05.10.2012).

[Женщина-инженер, г. Тверь, мать троих детей:] Мы собирали с улицы детей, кого отпускали, трёх-четырёх человек, и на лодках, и в леса ходили! Всё вокруг обошли! А сейчас их нет: спились, наркотики с 13-14 лет, их нет в живых. Гоша, Ваня – от наркотиков, Миша после армии умер. Они даже до 25 лет не дожили. Остались воспоминания: в детстве (эти мальчики) были! А в... (неразб.) нет. Я думала, они будут вспоминать, как мы в походы ходили. У одного, Гошки, видно, СПИД был, он всё в инфекционную здесь ходил... (28.10.2012).

[Доцент 79 л. гардеробщице о своей жизни:] Я у отца родился 17-й! После меня еще был Васька, но в три года он заболел корью, и за два-три дня... Я его обнимал, а он меня укусил. Сейчас одна сестра, ей 80 лет. Я самый молодой, все старше были. Кто старше – кто младше. Как цыганка загадала, что я до 99 лет доживу. Отец учиться запрещал, я тайно ходил в школу за шесть километров, тетрадку прятал. Почему меня оставили (в вузе)? Шестеро было с красным дипломом, а мне не хватало пятерок. Потому что я занимался спортом. – А чем? – Лыжами. Я мастер спорта... (12.04.2013).

[Женщина 63 л., специалист по компьютерам, руководитель фирмы, г. Тверь, о раскидном дубе близ забора:] Дубы посадили соседи Гуркины. Баба Катя меня нянчила. И в честь трёх сыновей посадили три дуба. Остался один сын Вася. Спасся (на войне) тем, что был ранен в руку. Вася с семьёй жил, у него было два сына, остался один сын Лёша. Восемьдесят лет дубам (26.05.2013).

[Девушки лет 18 на лавочке в сквере:] А мальчик там в районе тридцати лет. Но сейчас 34. Жена умерла, когда родила 4-го ребёнка. Ему соседи: «Сдай в детский дом! Хоть последнюю, а последняя девочка была, девочку! Как ты будешь? И накормить, и одеть!» А он сказал: «Я сутками буду работать, но детей никому не отдам!». А что? Куда деваться, если жизнь так сложилась? Но потом он девушку нашёл. У неё муж умер два года назад, двое детей. Квартира. Тоже москвичка... (20.08.2013).

[Женщина-челночница в Белгороде на вокзале в ожидании завтрашней электрички на Харьков лет 55 о покупке дома:] Мне показали вчера за миллион – дача! А печка? А печки нет! А зимой как? Она всё застелила коврами, чтоб видимость красоты создать. Нет! Я строитель! Я всю жизнь проработала в строительстве, я знаю: стена должна быть 40 сантиметров, никак не меньше! А то она, как картошка, промёрзнет (25.09.2013).

[Соседка, домохозяйка, 40 лет:] Я рассказываю, как Митя умер за две недели до дня рождения знакомой продавщице, хлеб покупаю всегда в том киоске, а продавщица сочувствует и говорит мне: «У меня 7 октября день рождения!». Потом прихожу: её киоск закрыт. Говорю в соседнем киоске, тоже от фирмы «Колос»: «Ваша подруга, наверное, отмечает день рождения?» А женщина мне говорит: «Отмечает... Только не день рождения: похоронили её, 48 лет, упала на остановке. Две «скорые» приезжали... (08.10.2013).

[Профессор, г. Брянск, 75 л., подруге по аспирантуре о профессоре на пороге 90-летнего юбилея:] Муж создавал ей эту жизнь, королевскую. Подвозил её всегда, одевал роскошно. Она очень пострадала! Терзали её, когда младший сын переехал в США. Судьба ей послала благодарных учеников: Володю и Валю. Но и они все молодцы. Они Веру Васильевну (другой преподаватель) водили по аудиториям, когда она уже не знала, что читать! Они очень благородные! Детей они жалели (аспирантов). На детях не отыгрывались! Какую они бы тебе устроили жизнь, если б они отношения с Люцией Акимовной перенесли на тебя?! (17.10.2013).

[Тверь. Женщина инженер гостье:] Она ж была одна среди двадцати мальчиков. Правда, там влюблённые джигиты были. Один всё букеты дарил, а сам встречался с другой. Катя говорит: «Зачем мне это надо?!». Таня была не одна в группе, их три девочки были, а Катя все пять лет одна была в мужском коллективе. Вот это закалка! Зато может входить в клетку к тиграм! В школу! (10.11.2013).

[Поезд «Санкт-Петербург – Белгород». Фармацевт 56 л. попутчице о внучке в СПб.:] Она положила на гробничку (Ксении Блаженной) розочки. А батюшка берёт другую розочку: «А это тебе от Ксенечки. Она тебя любит!» И внучка стала такая счастливая! А дочь мужу говорит: пошли с нами (в церковь), ведь Ксенюшку нам Ксения (Блаженная) подарила! Такую умненькую, хорошую! А муж ни в какую! Но там свекровь подзуживает... (13.11.2013).

[Попутчица-строитель 66 л.:] Я уехала в 18 лет, за три тысячи километров. В Караганду. Хотела в Заполярье по распределению, но Заполярье расхватили. Говорю: куда самое дальнее? Караганда. Мои родители были в шоке, в обморок падали! Через три года они меня оттуда забрали. Я в Москве работала. Я не работала – я игралась! (улыбается, вспоминая). Потому что я всё знала! Я приду разрешение брать. Не дадим! Нет, ребята, будем разбираться! Они потом меня консультантом сделали. У вас, спрашивают, юридическое образование? Нет, но я все законы читала! (19.11.2014).

[Профессор 76 л. на банкете:] Я научился читать пацаном ещё, а читать можно было только обрывки газет. Я же довоенного выпуска. Отец нас отправил в Псковскую область, сам на фронт. А мама брала швейную машину, и ночами обшивала, у кого мы останавливались, юбки шила... А солдаты спали вповалку между нами. Солдаты в избе спорят, кто каким фронтом командует, а я высовываюсь из-под одеяла и говорю, кто где. Я не помню, мама рассказывала. Кличка у меня была Старшина! Шесть лет было. Я был крутой. Я в День Победы в школу пошёл. Я карту знал стопроцентно! Я мог мысленно проложить маршрут из любой точки земного шара! Я ходил в географический кружок в первом классе (28.11.2014).

[Декан, психолог и военный лётчик:] Что заставляет летать? – Среди лётчиков у нас у многих отец лётчик. У меня отец лётчик. – А потом в гражданскую? – Да как? Это всё равно что с гоночной машины пересест на автобус! И ответственность! Если что – я катапультировался, а там нет! Год за два! Пенсия у меня уже есть: 35 лет! На самом деле это очень тяжёлая работа! Нам говорят наши: они там на танках по горам, а мы тут на самолётиках летаем! (11.12.2014).

[Профессор перед взлётом в самолёте:] Я раньше тоже считал: настоящие пацаны не пристёгиваются! Но когда летел из Швейцарии, порадовался, что пристёгнут. Такой был резкий толчок – у меня в лучшем случае синяки были бы, а то мог бы и нос сломать! В Швейцарии у них всегда такие ситуации при посадке. Это ж самолет! У машины скорость какая и у него какая! Так двинет при торможении! Он тормозит двигателями, а ещё реверсом – как бы запускает ход назад! С тех пор я всегда пристёгиваюсь! <...> Один сел, ноги расставил, ремни свешиваются (показывает). Стюардесса раз прошла, второй раз, а потом она так на него посмотрела – он сразу как подпрыгнул – сразу пристегнулся! (13.12.2014).

[Историк коллегам по дороге в аэропорт Еревана:] Арарат – это была Карская область, Ленин отдал туркам, и это была единственная республика, где не было памятника Ленину! Он отрезал выход к морю, Арарат оказался в Турции (13.12.2014).

[Тверь. Женщина-программист 27 л. о поездке в Эстонию:] А тётушки куртки везли на продажу и потому раздали: вам мягче будет. А мы думали: что за благотворительность? Даже наволочки дали! А потом стали собирать. Границу пересекли! (14.12.2014).

[Профессор-лингвист о сыне-физике:] Когда ему было 4 года, он карандашом проткнул лист бумаги, ходит по комнате, смотрит в эту дырочку. – Что ты? – Это моя точка зрения! А потом, уже в школе учился, 7-й или 8 класс, едем на экскурсию в Звенигород. Дождь. Он сидит погружённый в себя. Я говорю: посмотри, какие купала, церкви! – Подожди, не мешай! – А что ты делаешь? – Я высчитываю, какая скорость автобуса по углу падения капли! (19.03.2015).

Конечно, найти подходящий случай, чтобы привлечь к своему повествованию ещё и чужое повествование – задача не из простых, точнее сказать, из случайных: припомнилось, и всё! И память наша нас выручает, и иногда чужая история удачно вписывается в собственный рассказ.

Незнакомые пословицы

Паремии известные и не очень. Нравственные загадки. Умение вставить пословицу в текст. Старинные формы и слова в пословицах. Из других языков: почему-то их нет в русском языке. Новое знание?

На следующем месте в нашем списке (согласимся, он условный!) стоят паремии, **пословицы**, которые в живой речи тоже могут быть полезными.

Бог и колосьев не сравнял. Действительно, люди очень различаются, и это надо помнить, тем более в собственной семье.

Ежедён не будешь умён. Действительно, никто не застрахован от ошибок, даже от глупости. В монографии Жиль Делеза подробнее говорится, что животные счастливо защищены от глупости в отличие от людей. «Глупость – не черта животного. Животное особым образом защищено от того, чтобы быть «глупым». ... Трусость, жестокость, низость, глупость – не просто телесные сигналы или черты характера и общества, но – структуры мышления как такового» [Делез, 1998: 188]. Кстати, эта же мысль встречается у В. Солоухина: «Но у животных и птиц всё же есть одно замечательное преимущество перед людьми: они никогда не делают глупостей» [Солоухин, 1981].

Бог бродягу не старит. Действительно, путешествующий человек молодеет с каждой поездкой.

Живот на живот – все заживет. О самой интимной стороне отношений.

Даст Бог зайку, даст и лужайку. Действительно, многодетным семьям нередко помогает счастливое обстоятельство. Во всяком случае, о голоде речь не идёт.

Цветёт старость сединою. Какое слово использовано: *цветёт, цветёт* старость! И здесь нет сожаления о прошедших годах, о размере пенсии, о болезнях. Здесь высокий строй, внутренняя правда жизни. Рассказ Бориса Екимова «Афоня – друг зелёных растений» заканчивается так: «Я гляжу на него и думаю, что старость не такая уж страшная пора. Да. Именно так...» [Екимов, 1987: 86].

И всё же, какие пословицы нами востребованы? Это могут быть **не самые известные пословицы**, во-первых. Почему на нас действует и так запоминается отрывок из романа Владимира Солоухина? Потому что в нём раскрывается правда и красота старинной пословицы.

«Ну, «тише едешь – дальше будешь» это уже даже и не хрестоматия, это, можно сказать, общее место. А вот любил он говорить к месту и делу: «Хомутами загремели – лошадам не сон». Это же надо представить себе самые сладкие предутренние часы, когда неотвратимость раннего вставанья доходит до твоего полусонного ещё сознания, потому что началось уже движение в доме, и хотя тебя пока ещё не будят, не тревожат, но ты уже знаешь, что это произойдёт через несколько минут, всё предопределено ещё с вечера: раннее вставанье, дорога (или работа в поле), одним словом: «Хомутами загремели – лошадам не сон» [Солоухин, 1991].

Приведём еще один пример, объясняющий старинную (и забытую сейчас) пословицу.

«Встречал докторов филологии, которые круглили глаза, узнав от меня о дворянстве Маяковского. И, между прочим, только зная этот факт, становится понятной сценка, обескуражившая Виктора Шкловского, которому Маяковский, провожая, *подал пальто*. Когда Шкловский попытался отклонить немислимую услугу, Маяковский успокоил: «Не бойтесь, я – дворянин». ... А ведь логика поведения Маяковского становится понятна, если знать пословицу «только холоп холопу не подаст пальто». Конечно, ни в одном сборнике русских пословиц, напечатанных в эпоху красной орды, эту пословицу не обнаружите. Я услышал её от сына русских белоэмигрантов, известного во Франции писателя Владимира Волкофф'а (1932–2005)» [Давыдов, 2018: 44].

Итак, вчитаемся в многочисленные и подчас таинственные паремии, помня, что пословицы – это нравственные загадки, не зря их величали так!

Барыш с накладом на одних санях ездят.

Боль врача ищет.

Без жены что без кошки, а без мужа что без собаки.

Больше плачешь, так меньше скачешь.

Век долгод – всем полон.

Вор не всегда крадёт, а всегда берегись.

Где любят – не учащай, а где не любят – туда ни ногой.

Где стыд – тут и Бог.

*Горесть молчать не умеет.
Гость немного гостит, да много видит.
Где больно – тут рука, где мило – тут глаза.
Где сердце лежит – туда око бежит.
Деньги любят тишину.
Дитя падает – Бог перинку подстиляет; стар падает – чёрт борону подставляет.*

*Для двух готовя, трех накормишь.
Домашнего вора не устережешься.
Жаль друга, да не как себя.
Запас мешку не порча.
Звонки бубны за горами, а к нам придут – что лукошки.
Злого любить – себя губить.
Ключ сильнее замка.
Кто не родит, тот и не скорбит.
Кто бабе не внук?
Купишь, как хочешь, а продашь, как сможешь.
Малое презирая, большого не увидишь.
Ладно живёт и не ладно живёт.
Люди на рынок, а мы в клеть.
Милость делает бодрость.
Мужик не прядёт, да наг не ходит, а баба не по две носит.
Не испортя дела, не узнаешь.
Не так жить, как хочется, а так жить, как Бог велит.
Рысь пестра снаружи, а человек внутри.
С Богом начинай, а с прилежностью кончай.
Сердце веселится, а лице цветёт.
Смиренье – молодцу ожерелье.
Тёмная ночь не навек.
Что в сердце варится – в лице не утаится.
Чужой хлеб вкусен.
Юн с погремушками, а стар с подушками.
Шёлк не рвётся, булат не трётся, а красное золото и на грязи не ржавит [Германович, 1978].*

Запасливого лелеет случай, а береженого бережёт Бог. Хорошо смотрятся две пословицы на месте одной.

Не очень знакомую пословицу надо уметь вставить в текст так, чтобы она зазвучала во всей красе. Этим искусством хорошо владел А.И. Солженицын.

«Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Сосланные в сорок первом году наголе, но рачительные и неутомимые, они не упали духом, а принялись и здесь так же методично, разумно трудиться. Где на свете такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край? Не зря говорили в прежней России: **немец что верба, куда ни ткни, тут и принялся.** На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами – лучших работников у них не было» [Солженицын, 1989: 171].

«Нет, надо окунуться в ещё большее молчание. **Чужую пашенку пахать – семена терять.** Да и не по силам мне это, повернуть их, вся задача моя в одиночестве, и над бумагой» [Солженицын, 2000].

Крута горка, да обманчива, лиха беда, да избывчива. Это поразительное свойство людей – забывать! (Солженицын).

Читаю в журнале у Елены Долгопят: В электричке я услышала, как старуха сказала, что *в ноябре Бог землю не видит*. И каждый раз думаю, что правда это: взгляду зацепиться не за что. Приведём ещё один список не самых известных пословиц. Может быть, какая-нибудь пословица пригодится к ситуации, укрупнит, украсит её.

Цена хороша, да не будет барыша.
Дома – не в гостях: посидев, не уйдёшь.
У него лень за пазухой гнездо свила.
Кто много грозит, тот мало вредит.
Ляг да усни; встань да будь здоров.
Тем не играют, от чего умирают.
Не стыдись, а нагнись да поклонись.
Заря золотом осыплет.
Вперед да вперед, так меньше горе берёт.
Дело середкой крепко.
Всяк подъяремник страстей своих да прихотей.
Как шьётся, так и носится.
Дома всё съедомо.
Редкое свиданье – приятный гость.
Нет таких трав, чтобы знать чужой нрав.
Не беречь поросли – не видать дерева.
Пусти уши в люди – всего наслушаешься.
Мешай дело с бездельем – с ума не сойдешь.
Ловцы рыбные – люди гиблые.
Без обиды век не проживешь.
Денежки что голуби: где обживутся, там и поведутся.
День придёт и заботу принесет.
Как привыкнешь, так и отвыкнешь.
Берегись бед, пока их нет, а пришли – не отвертишься.
Казак из пригоршни напьется, с ладони пообедает.
Где солнце пригреет, там и вода примелеет.
Денежки что воробушки: прилетят да опять улетят.
Дела не голуби, не разлетятся.
Чужой грех прикрой, свой отпустится.
Сам себя превозмоги.
Здесь сорвалось, так там удалось.
За добро Бог плательщик.
Жива душа калачика чаёт.
Дал Бог ротик, даст и кусочек.

Ой-ой-ошеньки! Болят боченьки; бока болят, а лежать не велят.
По капельке море, по зернышку ворох.
Простота, чистота, правота – наилучшая лепота.
Аще обрящешь кротость, одолеши мудрость.
И добрый временем плачет, а худой скачет.
Свой хлеб приедчив.
Чужая изба засидчива.
К любящему и страх не идёт.
Что на столе – всё братское, а что в клети – то хозяйское.
Торговать – так и горевать.
Своих друзей наживай, а отцовских не утрачивай!
Ты, язычок, смалчивай: за тебя я бедку плачивал.
Холостой – полчеловека.
Мудрый слышит в полслова.
Человек сыт одним хлебом, да не одним ремеслом.
Кто кого обидит, тот того и ненавидит.
Жаль друга, да не как себя.
Необдуманное слово в беду заведёт, а обдуманное из беды выведет.
Кто малым доволен, тот у Бога не забыт.
Глаз господский угобжает землю.

Итак, первое, что можно использовать, – это малоизвестные или вообще неизвестные пословицы. Во-вторых, в пословице могут сохраняться **старинные формы или игровые слова**, что также делает её загадочной, то есть не сразу понятной.

*Послушание паче поста и молитвы.
Аще Бог с нами, никто не на ны.
Блаженнее даяти, нежели взимати.
Взвыла да пошла из кармана мошна.
Даящая рука не оскудеет.
Знай ереси, да не твори.
Кто много на море не бывал, тот прилежно Богу не маливался.
Людкость не делает убытка.
Мудр человек неответлив погибает.
Не вскормя, ворога не видать.
Про одни дрозжи не говорят трожды [Германович 1978].
Работай – сыт будешь, молись – спасёшься, терпи – взмилуетсяя.*

В произведении А.И. Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов» речь идёт о пребывании в Америке и тут же говорится: *По пословице: и борзые облаили, и вороны ограили.*

[Преподаватель коллегам] *Моя бабушка говорила: «Дураку – уважь! Не спорь с ним!»* (29.08.2003). Здесь обращает на себя внимание старинная падежная форма: *дураку*.

В вышеприведённом списке пословиц со старинными формами тоже немало: *Глаз господский угобжает землю. Свой хлеб приедчив. Где солнце пригреет, там и вода примелеет. Всяк подъяремник страстей своих да прихотей. Чужая изба засидчива* и др.

Наконец, в-третьих, особый шарм имеют **паремии из других языков**: *Одна дьяка, что за рыбу, что за рака* (укр.). *На вершину поднимаются самые неторопливые альпинисты* (франц.). *Мёртвого имя назвать всё равно что вернуть его к жизни* (древнеегип.). *Нельзя требовать от пива вкуса вина* (нем.). *Не так горячо естся, как жарится* (нем.).

Шведская пословица: *Одна рюмка – хорошо, две – много, а три – мало.*

«Есть техника безопасности, но нет, кажется, науки безопасности. У японцев пословица: **труд опасен**. Вообще же, строительство, по-моему, может только войне и уступает по бесконечному разнообразию опасностей» [Шишенков, 1986].

Обращает на себя внимание и строка из Корана: *Терпение – ключ от рая*. Случайно ли, что в художественных текстах мусульманской направленности нередко используется слово «сабр» (терпение)?

Привлекательны следующие немецкие пословицы: *Работа делает жизнь сладкой. Порядок – вот господь на земле. Работа – украшение жизни* (нем.). Не для каждой пословицы находится наш аналог, но это и хорошо, и поучительно. Например: *Ehrlich lästet am längsten*. Честный живёт дольше всех (нем.).

Приведём здесь же пословицы из японского языка [Пословицы...] и задумаемся, что не у каждой есть соответствие в нашем, родном языке.

Если не заботиться о далёком будущем, плохо будет в ближайшем будущем.

Большая река не пренебрегает водами маленького ручейка.

Даже если страна погибает, горы и реки остаются.

Спросить – стыд на одну минуту, а не знать – стыд на всю жизнь.

Голубь садится на три ветки ниже родителей.

Что иве снег!

Честному Бог помогает.

Делай обычные вещи необычайно хорошо.

Нет нужды у того, кто все время трудится.

Встреча – начало расставания.

Сколько нового для нас знания, однако! *Большие детки – большие бедки* – говорим мы себе, напоминая о новом повороте в жизни. *Понурая свинка глубок корень роет* – а эта пословица о будто бы избыточной тишине в делах, но тишине обещающей.

Каталоги

Каталоги в научных сферах. Страсть к собирательству. Сбережение если не вещей, то названий их. Поэтичность каталогов. Вещи в их использовании. Музеефикация квартир. Искусство вставлять в текст каталоги. Мозг учёного сквозь призму каталогов.

Сразу отметим, что само включение идеи каталогов полезно и в научных изысканиях. Например, функции веры – *стабилизирующая, санкционирующая, воодушевляющая, регулирующая, аккумулирующая, эвристическая, компенсаторная*. Здесь уже открывается пространство диссертационных исследований феномена веры. Хорошо это? Конечно! Однако наша цель несколько иная. Она лежит в плоскости будто бы обычного разговора.

Итак, каталоги – это не отдельные слова, это совокупности слов, влияющие на весь текст и его читателя.

«В истории мировой литературы были писатели, которые мастерски составляли списки, в том числе списки собственных имен. Эта традиция идёт от Гомера, а если говорить о современности, достаточно назвать имена Набокова, Сэлинджера и Стругацких. Именно после них стало ясно, что, скажем, список одноклассников может стать художественной прозой» (Кронгауз, 2005).

Но мы будем вести речь не об одноклассниках, а о предметах быта, многие из которых канули в прошлое, исчезли.

Например, меню 1900 года (внимание!) для среднего класса:

1. Суп миндальный с саго. 2. Пирожки с кашей и молоками. 3. Пирожки с вязигой и рыбой. 4. Рыба заливная в желе. Рыба отварная холодная с хреном. 5. Вареники с капустой и грибами. 6. Карп тушеный под красным соусом и с грибами. 7. Сиг запеченный. 8. Огурцы малосольные. 9. Кутья из риса с изюмом. 10. Компот из сушеных фруктов. 11. Кисель клюквенный. Ватрушка с мармеладом (Книжное обозрение, 25 декабря 2000 г.).

Каково, а? Ещё интереснее, когда традиционный концепт «антоновка» приобретает множество разновидностей, о которых мы и не ведали.

Конечно, в саду была антоновка, несколько сортов антоновки: антоновка круглая, антоновка с красноватым бочком, антоновка приплюснутая, антоновка мелкая, антоновка крупная гранёная, которая становилась, созревая, совсем жёлтой, причем каждого сорта – по несколько яблонь [Сидоров, 2001: 90].

У человека есть страсть к собирательству. Действительно, когда чего-то много, есть основания надеяться на защиту, на продолжение жизни. В то же время некоторые предметы неминуемо исчезают из нашей жизни, и потому даже названия, наименования их напоминают о прошлом.

У мамы была просто-таки страсть к разным **шкатулкам, укладкам, бонборьеркам**. Хранила и жестяные, дореволюционные, из-под чая и леденцов, и швейцарские, и французские...<...> Как много всего вышло из употребления... **саше... думочки... щипцы для завивки... салфетки...** (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик).

Мало кто, кроме домашних, знал, что Александров всегда тяготел к церковной музыке, с юности знал знаменный распев. Б.А. Александров, его сын и преемник, вспоминал, что отец обладал обширными знаниями по византийской гимнографии, до тонкости знал набор православных служебных песнопений: **стихиру, кондак, тропарь, акафист, икос, припев и славословие, величание и аллилуарий и, конечно же, гимн**. В начале 1990-х гг. сын Александрова показал бывшим сослуживцам духовные сочинения своего отца и наиграл мелодию, в которой угадывалась «первоткань» Гимна Советского Союза... [Н.А. Соболева].

Ведь фантик – это не только одеяние конфеты, но и имя; и если бумажка есть материальный покров сладости, то надпись – выражение ее «идеального» смысла. Эта называется «Былина», но и другие названия: **«Маска», «Муза», «Чародейка», «Кара-Кум», «Озеро Рица», «Южная ночь», «Вечерний звон», «Полет», «Жар-птица», «Золотой петушок»** – как-то необыкновенно красивы и сказочны, уводят в дальние края, волнуют воображение [Эпштейн, 1988].

В Португалии есть поговорка: **«В Лиссабоне кутят, в Браге молятся, в Порту работают, а в Коимбре учатся»**.

«Поэтичность обычного, повседневного русского языка через колыбельную песню, пестушку, потешку, прибаутку пробуждает в ребенке реакцию на его красоту, плавность, мягкость, ласку» [Колесникова, 2006: 87]. Чтобы так написать, надо знать разницу между потешкой и прибауткой, пестушкой и потешкой. Стихи учат «сорадоваться», способствуют сохранению природной доброты [Колесникова 2006: 51].

Иногда бывает, что указываются только перечни предметов, но всё равно эффект ощутим.

Дальше Дуня, захмелев, режущим голосом перечисляла: **сбрую, посуду, бороны и прочие плуги**, которые были, как она говорила, «заворованы» по всей деревне. Никита обнял ее, стиснул костяными руками: / – Сеструня, живи долго – помни все! Может, пригодится! [Горланова, Букур, 2005: 38].

«Кроме того, при монастыре действовали мастерские – **живописная, чеканная, золочёная по дереву, металлических изделий, золотошвейная, коверная, переплетная, башмачная, фотографическая**. В двух больших каменных корпусах помещались: **богачельня для неизлечимых больных на 60 человек, больница на 60 коек, детский приют для 50 сирот**. Между прочим, сестры монашеской обители в Шамардине выращивали **виноград, лимоны, арбузы, дыни...**» [Рогов, 1991].

Итак, когда мы говорим о каталогах, то к этой теме приближаются перечисления, оформленные будто бы не как каталоги, но в них тоже что-то есть чарующее.

Предвидя близкую уже не в неделях, а в днях смерть, вот как проводят они свой последний бессонный досуг, сидя у стеночки: Тимофеев-Ресовский собирает из них «семинар», и они спешат обменяться тем, что одному известно, а другим нет, – они читают друг другу последние лекции. **Отец Савелий – «о непостыдной смерти», священник из академистов – патристику, униат – что-то из догматики и каноники, энергетик – о принципах энергетике будущего, экономист – как не удалось, не имея новых идей, построить принципы советской экономики. Сам Тимофеев-Ресовский рассказывает им о принципах микрофизики.** От раза к разу они не досчитываются участников: те уже в морге... [Солженицын, 1989: 91].

Огороды растили плотную белую сладкую капусту (кочерыжки – «соловецкие яблоки»). Все овощи были свои, да все сортные, и свои цветочные оранжереи, даже розы. А то вызревали и бахчи. Развились рыбные промыслы – морская ловля и рыбоводство в отгороженных от моря «митрополичьих садках». С веками и десятилетиями свои появились мельницы для своего зерна, свои лесопильни, своя посуда из своих гончарных мастерских, своя литейка, своя кузница, своя переплётная, своя кожевенная выделка, своя каретная и даже электростанция своя. И сложный фасонный кирпич и морские судёнышки для себя – всё делали сами [Солженицын, 1989: 82].

Нам интересно же узнать побольше о лекциях в тюремном застенке, об особенностях труда в монастыре, и Солженицын дает такую возможность.

А вот из другой книги. Приводится тоже множество незнакомых слов, образующих своего рода каталог, но при этом параллельно запечатлевающий читателя своими красками, блеском, светом. Выпишем названия минералов из книги [Соболевский, 1983]

Кунцит – водяно-прозрачный, светло-сиреневый, розовый; лунный камень – светловато- или желтовато-голубой со световыми переливами; солнечный камень – золотисто-жёлтый до буроватого; нефрит – зелёный различных оттенков, иногда с красными пятнами и цвета «свиного сала»; Шерл – черный; Турмалин зелёный – бутылочно-зелёный различных оттенков; гелиодор – ярко-золотисто-желтый; изумруд – травяно-зелёный... И далее: уваровит, пироп, гроссуляр, хризолит, гиацинт, бирюза, халцедон, гелиотроп, празем, хризопраз, халцедон, тигровый глаз, соколиный глаз, кошачий глаз, розовый кварц, цитрин, аметист... alexandrit («Утро у него зеленое, а вечер – красный»).

Сама идея каталогов подразумевает внимание, интерес к вещам.

Растение тише и послушнее животного, а вещь тише и послушнее растения. Чувство покоя и замиранья, которые мы переживаем в лесу или в поле, должно быть еще глубже среди собрания вещей. Рядом с вещами следует вести себя, как у постели спящего ребенка, – молчать и слушать [Эпштейн, 1988]. Накопление вещей, находящихся за пределом сознания, в виде огромных товарных залежей и кладбищ мусора, необходимо

должно ввести в действие компенсаторный механизм культуры и быть восполнено целенаправленным сбережением вещей в сознании и для сознания... <...> Легче постигнуть значимость целого класса или рода предметов, чем их отдельного представителя – «листвы» или «камня», чем вот этого листика или камешка. ... Известно, что абстрактное мышление по мере своего исторического развития восходит к конкретному. Может быть, мышление единичностями – высшая ступень такого восхождения [Эпштейн, 1988: 35].

Прежде всего, вещь – это урок смирения, согласия с миром. «Вещи кротки. Сами по себе они никогда не делают зла. Они сестры духов...», – писал французский поэт Жамм («Вещи», 1889).

Вся она состоит из касаний, незримо вылепливающих ее сущность. Вовсе не отдельность, внеположенность человеку, а именно прикосновенность образует главное в вещах, каждая из которых рассчитана на то, чтобы быть тронутой, взятой, перенесенной, а некоторые имеют ручки и рукоятки, словно бы протянутые человеческой руке. Вот эти вещи, чей состав может быть машинной выделки, но чья сущность вылеплена руками, источает их теплоту, и выставляются в лирическом музее как произведения повседневного духовного творчества [Эпштейн, 1988].

«Говорить о шмотках, деревьях, домах, мостах, закатах и прочих дизайнерских жестах планеты я могла только с Димкой. Он знал этот язык: красил стены в комнате в разные цвета, рисовал лаком для ногтей горох на белом галстуке, отстрачивал борт пиджака кожей от старой сумки, делал из бутылки вазу, а из вазы абажур и стилизовал на себе всё от пробора до подошвы. Он приручал вещи, и за это они его любили и слушались. Я убеждена, что человек, не наладивший отношения со своими вещами, никогда не наладит их с телом, а уж тем более с душой...» [Арбатова, 2000: 36].

Здесь просматриваются некоторые претензии к современной школе. Приведём цитату, заставляющую задуматься. «В первый год в Хогвартсе школьники три раза в неделю изучают травологию... Уроки проходят в оранжереях позади замка, где дети узнают, для чего используются всякие странные и грибы, и растения и как за ними ухаживать» [Ш. Смит]. Понятно, что эти дети хорошо будут знать всё то, что их окружает, а значит – будут и любить многообразие «вещей». А вот фрагмент из истории:

«Один из ранних исследователей племени тупинамба в Бразилии (Evreux, 1613) с восхищением сообщает, что «они обладают блестящей памятью и всегда помнят то, что увидели или услышали, и могут рассказать вам все обстоятельства, связанные с местом, временем или людьми, а также всё сказанное или сделанное». Спустя три столетия то же самое отметила Элизабет Боуэн (1954), которая сообщает о недовольстве и ужасе её нигерийских хозяев по поводу её неспособности запомнить названия местных растений, усвоенные каждым ребёнком в деревне задолго до достижения шестилетнего возраста» [Коул, Скрибнер, 1977: 153].

Вставить в текст каталог – это особое искусство. И здесь важны и эмоциональный ряд, и обилие самих предметов, и намёк на бытовую сценку. Покажем это на примере из произведения И.С. Шмелёва.

Постный рынок: клюква, морошка, черника – на постные пироги и кисели. Яблоки в бруснике. Сколько брусники! Горох. Капуста, солёные огурцы, вороха моркови на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла. Кадки соленого арбуза. Редька – чисто боровки... Хлебца с такой умнешь. Соленья: антоновка, крыжовник, морошка, румяная брусничка с белью, слива в кадках. Квас всякий – с имбирем. Сбитень. Гречневые блинчики с лучком. Противни киселей. Баранки, сайки, сушки – розовые, горчичные, с анисом – с тмином, с солью и маком, бублики, витушки, подковки, жавороночки, хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный с изюмцем, медовый ряд. Варенье. Великопостный сахар – зелёный, розовый, красный, лимонный. Чернослив мочёный, россыпи шепталы, изюмов, мушмала, винная ягода на вязках, бурачки абрикоса с листочком, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кушинный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, белевская пастила, пряники. Масло – маковое, горчичное, орешное, подсолнечное. Грибы... (И.С. Шмелев).

Такие каталоги оживляют повествование, заставляют нас задумываться: всё ли мы используем, что даёт земля, даже в дни поста. Мы говорим о каталогах, которые интересно знать и использовать в своей речи, а выше мы вели речь о производственных словах, а сейчас скажем вот что. Талант писателя, а точнее талант носителя языка заключается в **умелом соединении повествования и каталога**. Это умение хорошо просматривается ещё в «Домострое» Сильвестра. Продемонстрируем это умение на небольшом примере: как всё хранить и как потом оно выручает (писал-то, как и в отношении рынка, мужчина!).

А рубашки нарядные мужские и женские, и штаны, – всё то самой кроить или велеть при себе кроить, а все **остатки и обрезки, камчатые и тафтяные, дорогие и дешёвые, золотное и шелковое, белое и крашеное, пух, оторочки и спорки, и новое и ветхое**, – всё было бы прибрано: мелкое – в мешочки, а остатки скручены и связаны, и всё по размеру разобрано и припрятано. **И как потребуется сшить из старого что-нибудь, или нового не хватило, – так всё то и есть в запасе**, и на рынке того не ищешь: дал Бог, у доброго разума, у заботливой хозяйки всё и дома нашлось [Домострой, 1990: 147].

И такое умение сочетать повествовательную речь с щедрыми каталогами заметно на протяжении всей книги.

Таким образом, идея каталогов открывает интересный спектр знаний, которыми обладают специалисты, но которыми можно обладать и со стороны других носителей языка, любящих вещи, знающих их названия, помнящих об их существовании. «...Это был мозг Гете (физика, зоолога, ботаника, поэта, философа), вооружённый и бронированный, во-первых, умением охватить явление и владением методами и, во-вторых, большим аппаратом

извлеченных фактов. <...> Не было «всезнайства», а была готовность в любую минуту засесть за изучение нового «опытного материала», и было – превосходящее обычную норму «количество узнанного», которое не лежало грудями, как в сознании энциклопедистов, а организовывалось; антропософская работа всех спецов – организованная культура» [Белый, 2000: 276].

Эстетика эпитетов

Смотреть... Запоминать лучшее. Выразительность авторских эпитетов. Бунин и Розанов. Объемная мысль. Неожиданные ассоциации. Вариант «из чужих уст» как немаловажный источник обогащения речи. Вычитывать глубинные смыслы. Отказ от стандарта.

Начнем с неожиданного совета.

Когда у мужа Ирины Александровны Антоновой, директора Государственного изобразительного музея им. А.С. Пушкина, Евсея Иосифовича Ротенберга (1920–2011) спросили, что нужно читать, чтобы стать знатоком живописи, то он ответил весьма весомо: не читать нужно, а смотреть, смотреть!

Обратим внимание на такой совет из уст доктора искусствоведения: не читать, а смотреть.

Это же чудо – твой сын (твоя дочь)! Не наглядеться, не нарадоваться! *Мы с мужем сидим у кровати и смотрим, как она спит. Свекровь ругается: «Лучше чего б поделали! Сидят...». А мы сидим и смотрим...* (июнь 2004).

О да, конечно, в своей речи мы «передразниваем» людей, рассказывая о чём-либо и приводя их слова, но какие слова? Неплохо запоминать наиболее существенные, «говорящие» слова, не прибегая даже к абсолютному цитированию, хотя иногда и такое возможно.

Выпишем из книги «Антология разговорной речи» (том IV) некоторые примеры на использование выразительных эпитетов. Обратим внимание, как играет слово в контекстах.

[Профессор в свободной дискуссии по защите:] Английский язык более компактный, что ли, более МУСКУЛИСТЫЙ... (15.02.2012).

[Профессор, 70 л.:] Я выступала с этим (материалом) на большом совещании. Там люди ПЫШНЫЕ были. Писатели... (01.06.2012).

[На остановке женщина лет 40 ласково говорит знакомой:] На тебе? Давно не было видно, чтоб ЯРКО-НОВОЕ... (09.07.2012).

[Разговор с женщиной 57 лет:] – Сколько энергии у него было! – Да, он МОТОРНЫЙ! – Как же он ехал: трёхмесячный внук, одиннадцать мест? – Он из вагона

вышел раскрашенный помадой. Женщины восхищались, хотели помочь. Он же моментально! Я, говорит, одной рукой стираю, другой... Говорит: у меня ни одной пелёнки грязной! (24.07.2012).

[Профессор 58 л. о повзрослевшем мальчике и прошлогоднем дне рождения:] Он пытался всех перекричать! А тут ЧИННЫЙ мальчик, воспитанный! (04.08.2012).

[Учительница, 55 л.:] Я его принесла, посадила в коробок в коридоре, а он, видимо, жил в нормальной квартире, а тут тесный коридорчик, коробков полно, коты, значит, чужие. Я его положила, возвращаюсь: а у него СТРАШНО ТРАГИЧЕСКИЙ взгляд, неестественно вывернутая голова. Я говорю: «Да что ты! Да маленький!» (07.08.2012).

[Доцент 55 л. о Париже:] Потом ещё что интересно там было. Эйфелева башня. Столько было разговоров! Ну всем известно, что очень многие были против. Ну, вы знаете, хотим или нет, но она вписалась! Если бы она полностью была железной, и то она бы вписалась. А так как она ажурная – впечатление, что она НЕВЕСОМАЯ. Вот НЕВЕСОМАЯ она! Вписалась, и всё! (01.09.2012).

[Пенсионерка, в прошлом инженер, 57 л. о беременной дочери:] А другая классная руководительница из параллельного «б» класса встречает недавно Алину: О! Это у тебя первый? – Третий!». Она решила: раз такая УБИТАЯ отличница [была в школе], то, наверное, к тридцати годам только первого заимела! (09.09.2012).

[Профессор 56 л., ведущий экскурсию по Ботаническому саду, показывает растение:] Калина горговинаю. Листья кожистые, пушистые. И вот такие МУМИФИЦИРОВАННЫЕ плоды! Можете взять. Оно не противоречит никому, не ядовито. Можно сажать... (25.09.2012).

[Доцент 32 г. вспоминает:] У всех были железные (октябрятские) значки, а у меня пластмассовый. Ленин! Такой хорошенький! Когда у меня застёжка отломалась, у меня это был САМЫЙ ТРАУРНЫЙ день! (04.10.2012).

[Доцент 59 л. на кафедре после занятий:] Мне говорят: а как вы отмечали День учителя? Да никак! Пары были [занятия]. Ой, говорит, а у нас (учителя) на столах плясали! Такое ТРЕПЕТНОЕ отношение к празднику! (07.10.2012).

[Работник музея, женщина 64 л. секретарю деканата:] Обнаружила, что на двух путёвках подписи нет. А она у Вас такая замысловатая, что и не подделать! МИНИСТЕРСКАЯ! (09.10.2012).

[Тверь, оппонент:] По требованию ВАКа я укажу опечатки, но они все носят ГЛАЗНОЙ характер и не снижают общей оценки (29.10.2012).

[Профессор женщина, 59 л., о дочери подруги:] В МГИМО она боится: там такие МАЖОРНЫЕ дети, ездят на мерседесе... (20.11.2012).

[Председатель аттестационной комиссии шутливо:] Я говорила: Илья Федорович, у физиков там всё очень ВИТИЕВАТО! (24.12.2012).

[Мужчина лет 48:] Банки у нас БЕЛЫЕ! Все работают (31 декабря), а они... А зарплаты хорошие! (31.12.2012).

[Поэт 75 л. по телефону:] У меня НЕБЕСНАЯ мысль, откуда-то мысли есть. У нас не пропадают души. Оно мне диктует... «Я шагаю по белой земле...» (08.03.2013).

[Профессор из Германии лет 65 на конференции по фразеологии:] Во фразеологии чужое становится очень быстро своим, поэтому мы и не видим. Это очень трудная работа, МИНИАТЮРНАЯ (19.03.2013).

[Полицейский лет 50 напарнику с улыбкой:] В понедельник? А понедельник СКОЛЬЗКИЙ день! (04.05.2013).

[Специалист по компьютерам, женщина 63 лет о решении идти к соседу с просьбой построить дом:] Они на строительство нанимались в Подмоскowie. Это были какие-то 90-е годы, МУТНЫЕ. <...> Сама бы я не смогла. Я бы постеснялась. Я была в АМЁБНОМ таком состоянии, МЯГКОМ. Я же с детьми сидела. И мы пошли с Витей (25.05.2013).

[Вопрос на конференции о билингвах-эмигрантах:] Бикультурность ребёнка она ему не мешает? По моим наблюдениям, ребёнок-таки сломанный. Большой уровень (среди эмигрантов) ВЯЛЫХ социально. Они, эти эмигранты, НЕУСПЕШНЫ! (28.06.2013).

[Москва, совещание:] У нас есть один документ ДРЕМУЧИЙ. Слава Богу, его никто не знает, не выполняет... (29.08.2013).

[Директор института лет 55 о смене профиля подготовки:] Тут есть МАГИЧЕСКОЕ слово «управление». Как оно есть – абитуриенты появляются, как нет – исчезают! (18.09.2013).

[Северодвинск, соискательница и оппоненты идут к Белому морю. Разговор о собаке:] А порода какая? – Кавказская овчарка. – Это ЦАРСКАЯ собака! На чужих бросается, когда на цепи. А так мы лаской старались! (27.09.2013).

[Женщина лет 62 в троллейбусе знакомой:] Говорит: земля прямо ШЁЛКОВАЯ, одно удовольствие работать! А у меня была (дача) «Плодовоовощной совхоз». Земля ужасная! (10.10.2013).

[Зам.начальника Департамента здравоохранения:] В Старом Осколе дефицит медицинских кадров с высшим образованием – 250 человек! Это достаточно ГРОМКАЯ цифра! (21.10.2013).

[Дочка соискательницы 9 лет вела дневник поездки в Москву, записывая, как праздновали встречу бывшие аспиранты. Дневник стал «бестселлером». Профессор через 30 лет вспоминает:] Полина всё хотела переписать, а мы боялись, что она испортит, и спрятали дневник. Так Полина всё спрашивала: где мой БЕССМЕРТНЫЙ дневник? (06.11.2013).

[Профессор кафедры акушерства и гинекологии, женщина 65 л. в коридоре вуза:] Девочки сидят такие НАВИНЧЕННЫЕ! Ничего! Пусть смотрят на бабульку! Сейчас стали говорить: надо быть со студентами наравне. Нет! Пусть лучше боятся (преподавателя)! Кстати, говорят: страх – это один из инстинктов. Да, я давлю на этот инстинкт! И послушание должно быть! Я счастлива работать, потому что у нас РАФИНИРОВАННОЕ общество! (08.11.2013).

[Тверь. Хозяйка о сыне и невестке:] Они приехали знакомиться. Я так посмотрела: такая НЕВНЯТНАЯ девушка, какая-то нервная, нога дёргается. Она задыхается, астма. Но потом она уехала! (12.11.2013).

[Студенты и бывший полковник, работник Зимнего сада, лет 67 об удаве:] А что он целыми днями делает? – Он ждёт! Он ждёт, когда мясо появится! У него свои проблемы. – А как часто вы его кормите? – Редко, чтоб не очень рос. – Он вообще! ВЫГОДНЫЙ товарищ! (16.11.2013).

[Музыковед 58 л. об адвокате по покупке квартиры:] А в том-то и дело, что такой ХИТРОУМНЫЙ договор, что... (12.12.2013).

[Бывший ректор во время кофе-брейка знакомой о рецензенте первой книги Питирима Сорокина:] И он написал рецензию, не зная, что Питирим Сорокин студент! Деликатную рецензию, но с КИНЖАЛЬНОЙ интонацией! (23.12.2013).

[Преподавательница 57 л. о дочери:] Ляля, она всё время улыбается, такой СОЛНЕЧНЫЙ ребёнок! (07.10.2014).

[Начальница управления 43 г. во время пешей прогулки о Ласточкином гнезде, провале и «тарзанке»:] И Вы пробовали? – Нет, это можно только в БЕШЕНОЙ молодости сделать! (10.12.2014).

[Доцент по телефону об «Алмаге» и позвоночнике:] Я встаю – и нет, как обычно по утрам, такой ЯРКОЙ боли(30.01.2015).

А вот из более ранних записей:

[Женщина 45–50 лет родственнице и продавщице] Хороший сыр! ДЫРЧАТЫЙ! (04.02.06).

Можно ли цитировать слово? Конечно! Заходит речь об английском языке – почему бы не сказать, что этот язык *более мускулистый, компактный*, как величала его одна преподавательница. А документ *такой хитроумный!* – так можно сказать о документе, в котором есть лазейки для его невыполнения. *Невнятная* девушка – так мы обозначаем особу, не слишком понятную. *Шёлковая* земля – таким эпитетом мы можем похвалить землю на участке. *Магическое* слово «управление» – действительно, магическое, хотя поступающие не отдают себе отчёта в его адекватном использовании. А про понедельник сказать, что этот день *скользкий* – значит отдать должное нашим многолетним суевериям. То есть мы говорим сейчас и о полном цитировании чьих-то слов, и о цитировании самого слова-эпитета. Что надо для этого? Выше мы уже вели речь об умении слушать, но кое-что можно и повторить.

«Слушать она умела. Она воспринимала каждое слово и всё то, что было между слов, все его недомолвки и вздохи» [Гранин, 1980].

«Бабушка обладала редким умением слушать других. Редким потому, что для этого надо хоть на время отречься от себя самого. ... Для бабушки же события моей биографии были гораздо важнее, чем все, что происходило в её собственной жизни. Поэтому советы её, ненавязчивые, застенчивые, не были замутнены какими-либо личными интересами или соображениями» [Алексин, 1980].

Это непростое искусство – слушать, здесь важно находить ценное в чужой мысли. «Газетчики обречены выслушивать то, что давно уже знают. Чтобы спастись (а может, желая отомстить), они вынуждают к этому и своих читателей. Эпидемия стёртых слов. Во что вылилось то или иное событие? В яркую демонстрацию. Как мы смотрим, к примеру, на наших ученых? С гордостью и надеждами. Задача состоит в том... Можно с уверенностью сказать, что...» [Загребельный, 1980].

Все эти примеры можно, конечно же, считать шаблонными, но на смену им приходят другие шаблоны, и говорящие их отторгают. Вот почему и нужно отслеживать живую речь наших сограждан с их *яркой* болью, *кинжальной* интонацией, *громкими* цифрами и *магическими* словами.

Представим здесь большой отрывок из некогда записанного разговора с доцентом Ларисой Петровной Пожигановой во время отдыха под Туапсе.

[Доцент рассказывает о впечатлении от книг В.В. Розанова] *Когда Розанов писал, он перебирал на столе старинные монеты, и это ему очень помогало. ... А критика какая у него! Он вперёд всех прошел. У меня в этом пособии есть глава по архивному делу: у Бунина система художественная выросла из Розанова! Он в девятом году при праздновании юбилея Гоголя оказался в гуще событий литературных, потому что работал в журнале. И ему нужно было редактировать отдел, и этот журнал «Северное сияние» публиковал статьи о Гоголе. И в то же время – реакционнейшее время! – этот журнал публиковал статьи Розанова, где он камня на камне не оставляет ничего от революционно-демократической трактовки его творчества! Причем такой язык! Такие образные сравнения! И из всего этого «Деревня» родилась. Она (статья) заставила Бунина туда пойти. А из этого всего вообще весь Бунин, в том числе и этот самый «бернар». Знаете, всё из этого! Из этого ростка! А язык какой! Боже мой! Это был гений! И когда всё началось – интерес к этому – началось возрождаться, а сейчас опять тишь! Ни публикаций, всё тихо, гладко, припаражено... А это было такое, что даже трудно сказать в XX веке, есть ли у кого что-то подобное в нашей культуре. [Об «Осенних листьях»] Все эти миниатюры они так переворачивают представление о жизни, обо всем. О творчестве в том числе. Потому что со всех сторон! Вот оно сразу объемное мышление! Объемное! Всё остаётся! – А надо объемное, когда такой голод по позитиву? – Надо! Надо видеть вещи такими, какие они есть. А если мы только будем в этом позитиве, мы сразу окажемся на дне лужи. Надо все видеть сразу, как оно есть! (16.09.05).*

Замечательные слова! Слова, которые можно запомнить. Так что вариант «из чужих уст» тоже немаловажный источник обогащения нашей речи. Но мы исходим, повторим, из процесса запоминания: что запечатлевается в первую очередь?

Начнем с цитаты из воспоминаний о матери, воспитавшей троих сыновей, в том числе нобелевского лауреата (1983 г.), публициста Элиаса Канетти: «Но слово подбадривало ее, она всегда для всего находила нужное слово, а может, оттого и были те мои годы с ней истинно светлыми, что тогда говорилось обо всем» [Канетти, 1990: 158].

Борис Пастернак выразительно сравнивал счастье с «золотым дождём».

Женщина-профессор вспоминая, как не гладко складывались поначалу отношения с мужем, привела слова своей бабушки: (родители в то время уже умерли). Бабушка тогда сказала взрослой внучке: *Ты, моя дорогая, одна на ветру. Держись за мужа. Знаешь, худой плетень, да подпорок! Одна детей разве поднимешь?»* (05.07.2009 г.). Всего лишь пословица, но пословица в свое время спасла семью от развода и обеспечила становление двух, теперь уже взрослых детей.

В романе «Южноамериканский вариант» Сергей Залыгин создает метафору жены-светофора: красный, желтый, зеленый. Все это достаточно сложный вопрос: и история страны, и профессия, и судьба многих женщин заставляют становиться сильными, самодостаточными, умеющими управлять не только собой. Показательно, что впоследствии дочери копируют модель маминого поведения, но филология (не минздрав!) предупреждает...

Итак, художественная литература может научить любви, если уметь (и учить студентов!) вычитывать глубинные смыслы подчас в самых известных произведениях. На поверхности текста Татьяна Ларина – да, действительно плачет, получив письмо Онегина. Да, будучи в браке, она любит другого человека. Но вот что интересно: при всем при этом она ведет себя лучше всех (!), она окружена искренним почетом и, подчеркнем это, отнюдь не несчастна. Мы пересказываем сейчас статью М.А. Кармазинской «Загадка Татьяны» [Кармазинская, 1997: 20–24]. Пушкин на долгие годы вперед помог нам, влюбленным «всегда невпопад», Пушкин нас утешил, подсказав достойное, высшее поведение, понимая, однако, что это по плечу не каждому (не каждой).

Школу отношения к мужу раскрывает Джек Лондон в романе «Лунная долина»: «Жена должна воплощать в себе многих женщин. И если вы хотите, чтобы ваш муж вас любил, вы должны воплотить в себе всех женщин на свете. Будьте всегда новой, иной. Пусть на вас всегда сверкает утренняя роса новизны, будьте ярким цветком, который никогда не раскрывается вполне и

потому никогда не вянет. Будьте целым садом, полным всегда новых, всегда свежих, всегда неожиданных цветов, и пусть мужчина не воображает, что в этом саду он сорвал последний».

Иногда наше внимание привлекает неожиданная ассоциация слов, как у О'Генри в рассказе «Среди текста»: «Но я продолжал говорить в до мажоре, это самая дамская тональность...».

Изысканная речь нужна не только в обществе, на ней строится семья, но начинать лучше всего с себя самого, используя столь широкую платформу возможных вставок. Впрочем, все эти вставки нужны, скорее, для нашей внутренней речи, которая и служит опорой речи внешней.

Комплимент

Комплименты родственникам. Комплимент в художественном тексте. Производственный комплимент. Комплимент-поддержка. Выигрышные детали в комплименте. Слова, поддерживающие комплимент.

Умение говорить комплименты – искусство редкое, но весьма необходимое. Литература по комплиментам, конечно, есть, назовём, в частности, книгу Л.Г. Брутян «Комплимент комплименту» [Брутян, 2016]. Отсылаем читателя и к большой работе О.А. Алимурadowой и М.А. Каратышовой «Красота в языке: гендерный и прагматический анализ комплиментарного речевого поведения» [Алимурadowa, Каратышова, 2010]. Но в этих, как, впрочем, и в некоторых других работах, комплимент рассматривается широко, с учетом его особенностей в разных культурах. Говорится, например, что в Армении комплименты родственникам более характерны, чем в России (7 % и 4 %), а в США теперь комплимент могут расценить как сексуальное домогательство. Мы же живём среди русских людей и ещё раз подчеркнём: комплимент – редкое, но весьма необходимое искусство, особенно в привычных условиях, например, в кругу семьи, среди привычно близких людей.

Американский психолог Шими Канг считает, что самый большой, самый лучший, самый желанный комплимент для человека – это фраза: «Ты делаешь этот мир лучше» [Максимов, 2017: 180]. Мама моего товарища, поэта Володи Вишнеvского, замечательно сказала ему об этом первом миге знакомства: «Я полюбила тебя с первого взгляда» [Максимов, 2017: 34]. Кто-кто, а отец Александр, как Честертон, знал, что «секрет жизни – в смехе и смирении» [Цветочки... 2017]. Из письма А. Кроне, дочери Эдуарда Толля: «Только благодаря Вам я могла пережить эти красивые и дорогие часы».

А вот пример из прошлого, как встречает жена и мать своего мужа и сына после бани.

– *Светлее стало, как вы вошли*, – сказала Наталья Николаевна. – *Батюшки, как бел!* / Она говорила это десятки лет каждую субботу. Пьер испытывал при этом застенчивость и удовольствие (Л.Н. Толстой. Декабристы).

Князь Мышкин в романе Достоевского «Идиот» «охотно говорит комплименты и мужчинам и женщинам. Ему важно убедить человека, что тот заслуживает похвалу. А истоки обоснования у Мышкина многосторонние: молва, точное знание, аналитический взгляд, интуиция» [Погорельцев, 1994: 43–46].

В разговорной речи и сейчас немало комплиментов. Поделимся некоторыми фактами из своей «Антологии разговорной речи» (том 1), однако классифицируем все эти комплименты тематически, помимо соблюденного в книге хронологического принципа.

Комплимент малознакомым людям:

[Проводница:] Так вы едете, мужчина, или остаётесь? – [Мужчина лет 30:] Едем! С ТАКОЙ КРАСАВИЦЕЙ РАССТАТЬСЯ? (23.04.2012).

[У речки рано утром мужчина, лет 60, знакомой, пришедшей в ярко-жёлтом и белом:] Ты вообще! ГЛАЗ НЕ ОТВЕДЁШЬ! (19.06.2012).

[Продавщица кулинарии лет 40 покупательнице, зная, что та обычно берёт:] Три? [Рядом стоящая в очереди лет 48 растроганно:] КАКОЙ ПРОДАВЕЦ У НАС! ВСЁ ЗНАЕТ! (18.12.2013).

[Реализатор женщина лет 40 на рынке затемно:] Вон Боря ни свет ли заря! [«Боря» лет 45 весело:] НАТАШИН СЛАДКИЙ ГОЛОСОК слышен на входе в рынок! (29.12.2013).

[Прощаясь, попутчице в поезде:] Вы славная! – А ВЫ ТАКАЯ ЖЕ, ЛЮДЕЙ ПРИТЯГИВАЕТЕ! (22.11.2014).

[Преподаватели в коридоре женщина лет 40 и мужчина лет 45:] Здравствуйте! Куда Вы утекаете? – Никуда я не утекаю! Я ВИЖУ КРАСИВУЮ ЖЕНЩИНУ! Надо пропустить! (16.12.2013).

Производственные комплименты:

[Председатель дис. совета, г. Курск:] Вы умеете ВСЕ КЛУБКИ РАСКЛУБИТЬ! (23.05.2012).

[На улице профессор 62 г. знакомому профессору 48 л.:] Книги пишите, Саш! Я ВАС СЛУШАЮ С ВОСТОРГОМ! (27.07.2012).

[Научный консультант лет 55 официальному оппоненту после выступления:] ВЫ БЫЛИ НЕПОДРАЖАЕМЫ! (27.09.2013).

[Доцент женщина 58 л. профессору:] Здравствуйте! ВЫ ТАКАЯ КРАСИВАЯ! КАК ИЗ ДРУГОГО МИРА! (30.09.2013).

[Доцент 57 л. об отце-историке:] Пригласили в областную администрацию, что-то мы там переводили. И вдруг мне один человек говорит: «А Вы не родственница Ивана Трофимовича?» – «Я его дочь» – Ой! Какой БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ БЫЛ ЛЕКТОР!» И я почувствовала такую гордость! (03.10.2013).

[Психолог, 64 г. на улице коллеге:] Вы же не просто читаете лекции, ВЫ ЖЕ ЕЩЁ И РАЗГОВАРИВАЕТЕ СО СТУДЕНТАМИ И СЕРДЦЕМ, И УМОМ, И УЛЫБКОЙ. Это Ваши лекции! (02.11.2013).

[Психолог 64 г.:] У ВАС ТАКОЙ КРУГ ЗНАНИЙ! (01.01.2014).

[Тверь. Соискатель 27 л. благодарит совет:] ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО ЧЕСТЬЮ НАХОДИТЬСЯ ЗДЕСЬ! (13.10.2014).

[Доцент 57 л. коллеге по телефону:] Ваша книга обладает психотерапевтическим эффектом. У меня вчера после разговора с матерью заболело сердце. Я стал читать перед сном, и прошло. И спал крепко, и утром в груди уже не болело! НУ, КНИГА, КОНЕЧНО, БЛИСТАТЕЛЬНА! ЕЁ НАЧНЁШЬ ЧИТАТЬ – И СРАЗУ РАБОТАТЬ ХОЧЕТСЯ. КНИГА ВОЛШЕБНАЯ! (26.07.2014).

[Профессор, Старый Оскол:] ОТ ВАШЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ РЕЗОНАНС НЕ УТИХАЕТ! Серьёзно! (30.11.2014).

[Проректор женщина лет 50 на совещании предложившему включить двух студентов в комитет по воспитательной работе:] Николай Иванович! Вы видите, КАКОЙ ВЫ МОЗГ, а Вы не хотели! (12.02.2015).

Комплимент-поддержка:

[Встретились на конференции. Женщина-профессор, 55 лет:] Посмотрите, она ДАЖЕ МОЛОЖЕ СТАЛА, ЧЕМ БЫЛА! (27.06.2012).

[В конце разговора:] Спасибо! ВЫ УНИКАЛЬНЫ! (08.08.2012).

[Преподаватель коллеге:] Я сегодня на Вас посмотрела: Боже мой! ДА КАК ВЫ ПОХОРОШЕЛИ! КАКОЕ ЛИЦО У ВАС ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ! (20.08.2013).

[Мужчина лет 27 в сквере по сотовому:] А знаешь, почему я слово держу? Потому что я мужчина. А мужчинам нравятся симпатичный девушки, а ТЫ КЛАССНАЯ! (22.08.2013).

[По телефону:] ВЫ УЖЕ ТАКАЯ ГЛЫБА, ЧТО ВАС НЕ СВОРОТИТЬ, ЛЮБОЙ ШАГ ДЛЯ ВАС ПЛЮС! Оставят – плюс! Уберут – плюс! По-любому плюс! (11.09.2013).

[Сотрудница университета лет 38 женщине декану перед началом конференции трудового коллектива:] Как настроение, боевое? Что-то Вы не улыбаетесь? Вы всегда ТАКАЯ ЖИЗНЕРАДОСТНАЯ! (25.12.2013).

[Мама лет 27 дочери лет 5 на катке:] Устала, дочь? Целый круг! Я смотрю: У ТЕБЯ ПОЛУЧАЕТСЯ ОЧЕНЬ! (05.01.2014).

[Женщина лет 35 с дочкой лет 6 идут с праздничной площади:] Приведи в порядок и сделай себя красивой девчонкой. ТЫ ЖЕ КРАСИВАЯ ДЕВЧОНКА! (09.05.2014).

[Начальник научного отдела лет 45 по телефону о заявке на большой грант:] А если не Вы, то кто будет (заявку) писать?! ОПЫТА ТАКОГО, КАК У ВАС, КОЛОССАЛЬНОГО, НЕТУ. Вы же знаете крымчан! (20.06.2014).

Выигрышные детали в комплименте:

[Преподавательница коллеге:] Вы прекрасно выглядите, Вы прямо помолодели! САМОЕ ГЛАВНОЕ – ЧТОБ ГЛАЗА ГОРЕЛИ! (24.05.2012).

[Преподавательница по телефону:] А как хорошо, что Вы есть! Это ПРОСТО НЕБЕСНО! (14.09.2012).

[На конференции о двух заключительных докладах и организаторе:] Николай Фёдорович подготовил ДВЕ КОРОНЫ! (21.03.2013).

[Бывший проректор 55 л. о том, что посадили между женщинами:] Здравствуйте! Я опять В ЦВЕТНИКЕ! (26.08.2013).

[Профессор-философ лет 58:] ВЫ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК! МГНОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С ВАМИ – И УЖЕ ИДЁШЬ В ПОЗИТИВЕ! (30.09.2013).

[После зачёта студентка первого курса:] МЫ ПОЛЬЗУЕМСЯ С СЕСТРОЙ ВАШИМИ СОВЕТАМИ, теперь тоже зарядку по утрам делаем! (02.12.2013).

[Председатель дис.совета 76 л. на банкете:] Как можно определить научного руководителя? Не по докладу (соискателя), где всё продумано, а по ответам! Может быть, он растерялся? НЕТ, ОТВЕЧАЕТ КОРОТКО, ТОЧНО. Ведь я неоднократно читал тексты Ирины Сергеевны. Я не скажу, что я завидовал, но зависть – моё природное качество. Светлая. Я сразу узнал Ирину Сергеевну... (28.11.2014).

[Пенсионерка доцент 84 г. о председателе совета ветеранов, радостно вспоминая:] Я на той встрече была в красном платье, а пальто, тоже красное, оставила в его кабинете. Он подаёт мне пальто и при всех говорит: КРАСИВОЕ ПЛАТЬЕ! КРАСИВОЕ ПАЛЬТО! КРАСИВАЯ ХОЗЯЙКА! (10.04.2015).

[Преподавательница 55 л. и зав.кафедрой:] Здравствуй, Ирочка! – Здравствуйте, Вера Константиновна! Правда, виделись, НО ВСЁ РАВНО ПРИЯТНО! (19.02.2015).

В приведенном списке есть и прямые комплименты, и косвенные, и комплименты-сравнения и вопросительные, и восклицательные предложения с комплиментами. Как видим, в разговорной речи комплименты, конечно же, встречаются, но по жизни их надо иметь больше – намного больше. Вот почему мы приведём здесь и выписки из различных книг и киносценариев в дополнение к указанным в начале параграфа словам Шими Канга и А. Максимова, а также другие подходящие к ситуации слова.

«Держи свой ум в аде и не отчаивайся» (святой Силуан). «Сегодня память, умерший день отцу моему» (Б. Шергин). «Ветхий завет утверждает эпически спокойное отношение к смерти: «И умер Иов, насыщенный днями»... (И. Кон). «...Во имя добра и любви не дай смерти господствовать над твоими мыслями. Пока есть жизнь, надо выполнять ее приказы» (И. Шубина. Двойник). «Святая и неосторожная, / чего ты просишь? / Правды? Лжи? / Но шепчет женщина: «Скажи! / Скажи мне что-нибудь

хорошее» (Р. Рождественский). «И не было слезам скончанья...» (Б. Ахмадулина). «Не приспе еще время благоприятное». «Никто из нас другим не властелин...» «О, если б голос мой умел сердца тревожить» (А. Пушкин).

Вот ещё одна партия фраз, поддерживающих комплименты.

В романе «Сними обувь твою» о ссоре дочери и мужа Беатриса говорит так: «Даже если б это было и правдой, – мягко проговорила Беатриса, – неужели, по-твоему, это великодушно – сказать ему такое при всех?» (Э.-Л. Войнич). «Я боюсь, что Ваша деликатность держит в плену Вашу искренность» (В. Каверин). «Помириться будет трудно, но помириться надо, иначе ссора застрянет в мозгу и будет отвлекать от работы» (В. Токарева). «Не полни моря слезами, не тешь супостата печалью» (Б. Шергин). «Баю-баю. Мой милый. Ты уснул? / Молюсь. Молись. Не вечно неудачи» (К. Бальмонт). «Жизнь не спрашивает, в какой именно грязи нам приятнее вымазаться» (Э.-Л. Войнич). «Вы женщина, а женщинам нужен триумф» (Матис). «Жениться надо, несмотря ни на что. Если попадетсЯ хорошая жена, станешь исключением, если плохая – философом» (Сократ). «Чтобы выиграть по-крупному, надо уметь уступать по мелочам» (В. Токарева). «Вот он, европеец: не обещал, но сделал больше, чем обещал» [Солженицын, 1991].

Приведём комплимент на немецком языке: *Sie pflegen und weben Himmlische Rosen ins indische Leben* (Они лелеют и вплетают небесные розы в земную жизнь). Она знала этот стих и любила его, но не руководствовалась им. Вся натура её была одним этим бессознательным вплетением невидимых роз в жизнь всех людей, с которыми она встречалась (Л. Толстой, 1948: 449–450).

Приведённые выше слова хороши как дополнение к возможным комплиментам, а ключевые позиции речи (приветствия и прощания, выражение утешения и соболезнования, согласия и несогласия) как нельзя лучше открывают двери весьма значимым и таким желанным словам.

Высокоуважаемому и дорогому... Человеку, любящему Слово... от человека, любящего и слово, и не только (23 апреля 2008 г.).

Счастья, здоровья, благоденствия, благополучия Вам и Вашим близким! Пусть в Новом году будет больше времени на желанные встречи, на дела, которые дороги сердцу, на творчество, которое – свет другим!

Здоровья Вам, душевного и мирского благополучия, радости от повседневного окружения, счастья оттого, что Вы добры и что Ваша забота об ищущих побуждает их всенародно боготворить Вас, а знающих толк в людях обязывает поклоняться Вам.

Позвольте Вас приветствовать. Добрый день всем! В Вашем лице я приветствую... Мир вам! Мир вашему дому! Мое почтение!

От лица... приветствую высокий Президиум, высокое Собрание!

Мне бесконечно приятно с вами работать.

Теперь я окончательно убедилась, что Вы удивительная женщина!

Вы на нас всегда можете рассчитывать. Помните эти слова. Еще раз сердечное Вам спасибо за понимание и поддержку.

Со святыми именинами Вас! Многая лета, а ангелу Вашему золотой венец!

Я так люблю твои письма! Ты даже не представляешь, как часто они мне помогают, или ты через них. Они всегда создают светлое настроение. Ты чудо!

А теперь я пойду, доброй ночи! Вернусь вечером, а ты будь умницей и не скучай!

Примите уверение в моем совершенном почтении. Радости и тепла Вашему дому!

Не стоит благодарности. Вы очень любезны. Мне приятно, что Вы помните такую мелочь. Мне всегда приятно помочь Вам. Буду рад еще Вам помочь. *А про себя можно при этом подумать: Кто-то из отцов церкви писал, будто чувство благодарности есть проявление божества. Оттого оно редко (Ю. Трифонов).*

Воля Ваша. Вы знаете, как поступать, чтобы было лучше. Вы считаете, что можно не торопиться? Я полагаюсь на Вас! Если бы я даже узнал это, я бы считал эти сведения конфиденциальными.

Не могу с вами согласиться. Если Вы не будете стараться, мы не поладим.

Не знаю, верно ли это. Не уверен в вашей правоте. Осмелюсь предположить, что... Простите, вы не совсем правы.

Боюсь, что здесь Вы не совсем правы. Не думаю, что так. Извините, но у меня другое мнение.

О, Вы так добры! Буду считать это авансом. Постараюсь Вас не разочаровать. Спасибо!

Вы так помогли мне своим великодушием! Тронута Вашими словами-подарками. Хочется всему этому соответствовать. Это не моя заслуга.

Вас постигла невосполнимая утрата. Склоняем голову перед светлой памятью... Поберегите себя, не отчаивайтесь так! Мы Вас так любим!

Спасибо за терпение!

Да сохранит Вас Бог!

Многолетно здравствуйте!

Вы нам всем по-настоящему дороги, выдержите, переборите это горе. От всего не уберешься, смерть причину найдет – не случайно так говорят. Этот человек жил достойно, и память о нем да будет светла.

Так мы приближаемся к идее *составления фонда, словаря* изысканных слов, то есть к пополнению запаса готовых формул, которые могут не раз понадобиться в жизни. Конечно, нужен отбор. Но главное, чтобы было, из чего выбирать.

Искать другие слова...

Эксперимент со словами. Ныне забытые слова. Внимание к слову в его необъятной семантике. Соединение различных имен. Выдержки из зарубежных фильмов.

Бывает и так, что употребление всего одного слова, весёлого, заставляет читателя читать текст далее, как произошло со словом «изнемогающая». *И, похоже, что-то про меня знала эта газета, раз все же дождалась меня, изнемогающая под дождем* [Попов, 2003: 185].

Случается, что мы не знаем, куда отнести тот или иной фрагмент, но он останавливает наше внимание, так как выражает дивное чувство, например, оконченного труда: *Приятны завершённые труды* (Гомер).

Попробуем провести эксперимент: отметим слова, нам неизвестные, которые мы бы не смогли вставить в текст, если бы писали о путешествии.

Они пляшут в кабаках свою «джигу», напиваются **сам-шумом**, скверною китайскою водкой, орут песни... (с. 277). Здесь и плоть и кровь моих предков, – и где они покоятся, то место у меня уже неотъемлемо: бесспорность моего права на него освящена этими могилами (с. 301). ...А остальные **сивенькие** волосы вобранны на макушке и заплетены в длинную косу по-китайски. ... Затем вышел к нам отец-настоятель, тоже **сивый**, только более худощавый человечек с наполовину обритым черепом... (с. 303–305). ... Не имея средств на покупку одной трубки, довольствовались тем, что жадно вдыхали и **внюхивали** в себя выходящий на улицу запах опийного дыма... (с. 311). Одна **покурка** или порция опия, заключающая в себе 1/100 унции, стоит 800 чох или полдоллара... (с. 313). Рейд был зеркально спокоен: в его **изумрудно-прозрачных** водах, озаренных проникающими в глубину лучами яркими солнца, плавало множество крупных медуз... (с. 364). У девочек волосы только слегка подстригают и зачесывают чубиком назад, оставляя на висках **продлинноватые**, вроде пейсиков, ровно подстриженные космы (с. 380). Темя у мальчиков, начиная с полуторагодовалого возраста, всегда пробрито, а волосы оставлены только отдельными **пасмочками** на висках и внизу на затылке, да ещё на чубе, макушке, где они закрываются в два коротеньких, торчащих кверху завиточка, что придаёт этим бутузам преуморительный вид (с. 380). От трюма до шканцев, и снаружи и внутри всё **вымыто, вычищено, вылощено, отполировано**, словно сейчас только из мастерской. Каждая принадлежность судна, даже каждая мелочь, все деревянные поделки и металлические вещи – всё это видимо щеголяет своим лоском и блеском (с. 401–402). Горы **курились** облаками ещё более, чем вчера... (с. 358). На улицах – почти никаких запахов, потому что малейшая нечистота тотчас же убирается с них **доброхотными** дезинфекторами... (с. 455). В каждой такой комнате помещается по шести воспитанников; на каждого из них имеется особая кровать, устроенная в виде **продлинноватого** ящика, в котором помещается белье и вещи воспитанника (с. 494). ... Является угол комнаты, образуемый двумя стенами, составленными из ширм, с **достоительною** обстановкой, в виде половых циновок, лакового шкафчика и некоторой утвари... (с. 554). День был **ярко-солнечный**, совсем весенний... (с. 636). Мириады

цикад стрекотали в траве, сливаясь всем своим хором в одну бесконечную **музыкально-звонящую** ноту (?). Как только мы **ошвартовались**, первым делом, конечно, явилось у меня желание ознакомиться, насколько возможно, с городом (?) [Крестовский, 2002].

Есть, о чем задуматься! А ведь писатель Всеволод Крестовский отнюдь не занимал первое место по разнообразию слов. Представим другие примеры.

«Как непостижимо устроен этот мир, как **узорчато!** И невозможно понять ход событий» [Маркиш, 2003: 19].

«Если озимь до снега «из краски вышла» или успела **«разгнездиться»**, то будет добрый урожай, хлеб уйдет от морозов [Миненко, 1991].

Есть целый пласт **ныне забытых слов**, которые могут украсить речь современного человека. *Зефир* (западный ветер), *Борей* (древнегреческий бог северного ветра), *Аквилон* (древнеримский бог северного ветра), *Эол* (повелитель ветров). Это явление изучала А.А. Андреева [Андреева, 1999]. Возьмём другие примеры из этой диссертации. *Прогна* – ласточка, *гальциона* – зимородок, *арахна* – паук. *Тиртей* – древнегреческий поэт, поднимавший своими песнями боевой дух спартанцев, поэт-вдохновитель. *Тиртей славян* – Вяземский говорил о Жуковском. Торквато Тассо – талантливый поэт. «Туда, туда, Жуковский – наш *Торквато!*». *Цирцея* волшебница, которая целый год удерживала Одиссея на своем острове. *Кассандра* – предсказательница, предсказала гибель Трои.

«Когда-то *Прогна* залетела / от башен городских, обители своей, / В леса пустынные...» (К.Н. Батюшков. Филомела и Прона). «В полях цветы не увядали, / И гальционы в тихий час / Стенанья рои повторяли» (К.Н. Батюшков. Последняя весна).

Что перед нами? «*Чужих небес прекрасная звезда*» П.А. Вяземский. Мы не говорим о полном изучении этого пласта лексики, но взять хотя бы одно слово, употребить его в своей речи, процитировать этот стих – это уже многое даёт в восприятии русского языка.

Внимание к слову – этому может научить один эпизод из детской речи.

«Мальчика спросили: / Кем ты хочешь быть? Мальчик ответил: / Волшебником. / Все расхохотались. Мальчик удивился: / – Когда я вырасту, я, скорее всего, буду работать в банке, как папа. Но вы же спросили, кем я *хочу* быть!» [Максимов, 2018: 33].

Нужны носителям языка и детальное описание, в общем-то, знакомых слов: *непринужденность*, *резерв*, поскольку иначе их использование будет поверхностным.

«127. *Непринужденность во всем.* Она животворит достоинства, вдохновляет речи, одушевляет дела, красит всё прекрасное в человеке. Прочие достоинства – украшение натуры, а непринужденность – украшение самих достоинств; даже в рассуждениях её весьма ценят. ... Она всюду легко пройдёт и с изяществом всех опередит; она предполагает внутреннюю свободу и придаёт всему завершённость... она бывает присуща доблести, уму, мудрости, даже царственному величию. Она придаёт приятность отказу, изящно выходит из любого затруднения» [Грасиан, 1984: 30].

«170. *Оставлять резерв.* Залог победы. Не всё выкладывай, не всю силу пускай в ход. Даже знания оставляй про запас – тем удвоишь им цену; всегда что-то надо приберечь на всякий случай. Резерв в бою важнее, чем удалство; он и отвагу придаёт и уверенность. Благоразумный действует только наверняка. И в этом смысле так же верен удивительный парадокс: «Половина больше целого» [Грасиан, 1984: 39].

Такое внимание к словам делает чтение привлекательным, а сами слова становятся более действенными. Мы, наверное, знаем, что означает «аристос», но слова Ивана Александровича Ильина заставляют более ответственно подходить к выбору лиц, становящихся аристократами.

«Аристос» значит по-гречески лучший. Не «самый богатый», не «самый родовитый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привилегированный, не старший возрастом. Но именно – лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальнзоркий и образованный» [Ильин, 1990: 65].

Вот ещё пример употребления слова, на первый взгляд далекого от идеала, но только на первый взгляд

«...Топография есть основа цивилизации, а топограф – первый её посланец, производящий незримое размежевание местности, подлежащей освоению. Он же оставляет на местности приметы, которые были бы понятны людям: маяки или знаки на видных местах, всякому последующему человеку внушающие спокойствие и уверенность, что до него в этих местах уже прошли люди и по этим знакам он рано или поздно, а всё же не потеряв головы, дойдёт, куда нужно. Знаки разбивают бесконечность пространства, как часы – время, не дают пространству превратиться в болезнь отчаяния» [Голованов, 2004: 198].

Ещё что мы заметили – это свободный переход от одного имени к другому, при этом смысл рассуждения сохраняется, но оно становится стереоэффектным.

«Мопассан. Бунин его ставил высоко. Он выполнил во Франции для французов то, что должен был сделать мастер. Он остов нации создал. Живые ростки пробудил и в буржуа, и в каждом. Он умер от базедки очень рано, в 43 года. Это какой природа дала ум этому человеку! А болезнь тогда не умели распознавать. Начались галлюцинации, как у

Гоголя. Считали сумасшедшим. А признаки болезни он потом описал: неподвижные черты лица, выражение страдания на лице. И человек всегда мечется, необъяснимое чувство тревоги. Я себя поняла, когда прочитала об этом. Бунин, оказывается, здесь о безысходности пишет, о пессимизме. «Конец Мопассана» – литературный портрет в 9-м томе. А в «Бернаре» сгусток: Пушкин, Гоголь, Мопассан, сам Бунин и сам Бернар! Я по десять раз каждую строчку перечитываю у Мопассана. Я после Горького вообще всё так читаю. ... А Бунин читал Мопассана в подлиннике и переводил. Задумал книгу о Мопассане, но стал писать «Жизнь Арсеньева», но – растворилось это в других книгах, произведениях. «Бернар» – это как тот народ, который смог это сделать. И там такие языковые переключки – в каждом слове, как в капле, и гнев, и надежда, и свет. В каждое слово столько вложено! Как сказала Комлик: не везёт Бунину с теми, кто его исследовал» (10.09.05).

Речь идёт о значении Мопассана для Франции и о его жизни, такой кроткой, но при этом у Л.П. Пожигановой упоминается Бунин (неоднократно!), Пушкин, Гоголь, Горький... Приводится и мнение Н.Н. Комлик о буниноведах.

Представим **выписки из зарубежных фильмов**, отражающих изысканную речь и потому могущих служить ориентирами в нашей речи.

– Бог пошлёт Вам своё утешение, а сейчас Вы должны смириться с потерей дочери!

– Жаль, что не смогу облегчить Ваши страдания.

– Сколько же ты пережила, Мария!

– Как хорошо, что мы сегодня пришли к вам.

– Я тебя очень люблю и не хочу, чтоб ты страдала.

– Прости, если обидела. Бог свидетель, случайно вышло.

– Ты всегда находишь нужные слова.

– Спасибо, что пришел. – Для меня это удовольствие.

– Тетя умеет ранить очень больно.

– Чем корректнее я с Вами, тем настойчивее Вы оскорбляете мою семью.

– Иногда я тоже её не выношу, но она родственница.

– Дочка, у Констанции плохое здоровье. – И я должна всё это терпеть? – Нет, Изабелла, но будь снисходительна.

– Будьте любезны, принесите чай для троих.

– В тебе столько нерастроченной нежности! Подари её ребёнку!

– Этот подлец запятнал своё имя. – Молчи. Только Бог нам судья.

– Диего, мальчик, я хотел бы извиниться перед тобой. Я вёл себя как зверь. Забудь обиды. – Ладно, я всё забыл.

– И я тебя люблю.

– Хочешь сказать, что я прощён?

– Я знала, что ты поймёшь меня.

– По крайней мере, я мог помечтать о своём счастье.

– Он вёл себя достойно.

– Теперь я хочу наслаждаться каждым твоим успехом!

– Прости, прости, что я усомнилась в тебе.

– Она сильная женщина. – Да, это так. Но и сильным нужна поддержка, внимание.

– Предоставь времени и расстоянию решить эту проблему.

– Хотя бы пообещай, что подумаешь.

- Знаешь, в чём дело? Ты его любишь. – Н-нет, нет.
- Мария, прости, что я много говорю, но ты любишь его. – Нет, Рита, нет.
- Не беспокойтесь, падре, я вам сразу же позвоню
- Нет, сеньор, поверьте, вы, правда, ошибаетесь.
- Мне очень неловко принимать эти деньги, но всё же я благодарю Вас,
- Что же, тогда исключим эту возможность.
- Знаешь что, Филиппа, кажется, ты права.
- Твоя мама – почтенная женщина, достойная, честная. И все твои подозрения совершенно беспочвенны.
- Не терзайся, сынок, сейчас...
- Дорогой, они разберутся сами!
- За твои муки Господь не оставит тебя.
- Я хочу, чтобы Вы улыбнулись, тогда я поверю, что Вы на меня не сердитесь.
- Я вообще считаю, что обижать самое простое. И кому от этого легче?
- В жизни нет ничего невозможного!
- Ай, Бета, прекрати, что с тобой! Ты стал пессимистом!

Искать другие слова... В рассказе Дины Рубиной «Я и ты под персиковыми облаками» есть любопытный эпизод: «Но чаще, чем игры, он требует любви. Немедленного её подтверждения. Ласкательные клички, которыми я его называю, зависят от его поведения в тот момент и от моего настроения. Все превосходные степени пущены в ход: собачка моя первостатейная, моя высоконравственная животина, мой грандиозный пёс, невероятная моя псина, легендарный маршал Кондрашук, приснопамятный собачий гражданин, присяжный поверенный Кондратенков... и т.д.» [Рубина, 2012: 136]. Такое чуткое отношение к слову оборачивается маленькими открытиями. Так, например, открытием эффекта имени.

«Итальянцы уже при рождении получают такие звучные имена, что просто обязаны становиться великими художниками, писателями, учеными... <...> О, какие имена! Такие имена, что порой не веришь своим глазам и думаешь: да нет, не может быть, это псевдоним циркового наездника! / Чезаре Кьянти! Лучано Пискорелли! Лоренцо Рота! Патриция Кларетти!» [Рубина, 2012: 125].

Обращения

Чувства в письмах. Как называли адресата. Богатство обращений в современной речи.

Остановимся на обращениях В.В. Маяковского в письмах к Лиле Брик. Переписка датируется 1918-м годом. Вторая часть писем приходится на 1922-1923 годы.

Дорогой и необыкновенный Лилёнок! / Люблю тебя, солнышко моё милое и тёплое! / Дорогой, но едва ли милый ко мне Лилик! / Дорогой, дорогой, дорогой Лилик.

Дорогой Мой Милый Мой Любимый Мой Лилятик! / Любимый, милый мой, солнышко дорогое Лилёнок! / Лилёк / Детик / Лилик / Лиличка / Детка / дорогой и любимый Лилёнок / детонька / лучик / любимый / солнышко Личика / Личика / Лилятик / мой любименький солник / Солнышко Личика [Маяковский *https*].

А письмо заболевшей Лиле в феврале 1923 года целиком состоит из эмоциональных обращений.

Лиска, Личика, Лучик, Лилёнок, Луночка, Ласочка, Лапочка, Деточка, Солнышко, Кометочка, Звездочка, Деточка, Детик, Любимая, Кисанька, Котёнок! Целую тебя... Улыбнись, Котик! [Маяковский *https*].

При этом многие обращения повторялись и неоднократно, как например: *Детик, Лилёк, Лилечка, Детонька*. Так что уровень В.В. Маяковского исчисляется ещё и богатством обращений к любимой женщине. Конечно, обращения характеризовались всем строем писем, приведём лишь две цитаты.

Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь. Смешно об этом писать, ты сама это знаешь. (03.02.23). Я никогда не смогу быть создателем отношений, если я по мановению твоего пальчика сажусь дома реветь два месяца, а по мановению другого срываюсь, даже не зная, что думаешь, и, бросив все, мчусь. Не словом а делом я докажу тебе, что я думаю обо всем и о себе также, прежде чем сделать что-нибудь (08.02.23) [Маяковский *https*].

Талантливые люди не стеснялись выражать свои чувства в письмах. Так, переписка Бориса Пастернака открывает нам личность поэта с неожиданной стороны. Например, в письмах жене.

Женечка, дорогая моя Женюрочка, Ласочка, душа и радость моя и моё будущее, ясная моя, Дорогая Гулюшка, милая белая девочка, Золотая моя, Золото моё, моя тихая без-без-без-без-безбрежная прелесть, милое моё туманящее, колеблющееся и к горлу поступающее сокровище [Макаркина, 2000].

А вот обращения Б. Пастернака к двоюродной сестре Ольге Михайловне Фрейденберг:

Дорогая Оля! Дорогая, дорогая Оля! Оленька, дорогая моя! Дорогой мой друг! Дорогая Олюшка, золото! Олечка, дорогой мой друг! Дорогая, золотая моя Олечка! Дорогая Оленька, родная моя! Дорогая моя Олечка, сестра моя! [Макаркина, 2000].

«Великий, обожаемый поэт!» – так начинает Пастернак своё первое письмо к Э. Рильке [Макаркина, 2000].

Суриков писал жене и дочке Оле: «Поздравляю, Олечка, с наступающим днем ангела, а тебя, лапик, с именинницей» (Астрахань, 1901 г.) [Кончаловская, 1965].

Представим здесь же письмо молодого П.А. Флоренского жене и детям, датированное 1915 годом. П.А. Флоренский работал в санитарном поезде Черниговского дворянства: *«Миленькие мои птички, мамик и детки! ... Не скучайте, мои гульки, будьте веселы и здоровы. Не сердитесь на своего папу за то, что он уехал, хотя и всё остается с вами. Целую вас, мои птички»*.

Обращения были распространены везде, в различных социальных слоях и соответственно в фольклоре, причём в приличной форме. «Крестьяне в эпосе мужиками не называются. Под мужиками подразумеваются разбойники» [Пропп, 1955: 371].

Задумаемся и над тем, как расценивались отец и мать в фольклоре. Отец и мать ... светел месяц, красно солнышко.

Что за светел месяц со звездами –
То мой батюшка с сыновьями,
Красно солнышко со зрями –
То моя матушка с дочерями.

А как хорошо звучит старинное обращение в отрывке из романа: *Любимиче мой!* – отвечала Владычица. – *Я тебе во всем помогу...*

Нам кажется, что в русском языке было немереное богатство обращений, но оказывается, что и в нашей разговорной речи подобных обращений множество. Вот некоторые из записей, относящиеся к февралю – сентябрю 2012 года.

[Рынок. Продавщица бакалеи:] Сейчас, МОЯ СЛАДКАЯ! <...> Будьте здоровы, ЛАСТОЧКА! (05.02.2012). [На рынке знакомая лет 40 продавщице:] Нет, КОТИК, для себя уже брАла! (08.04.2012). [Дочери на рынке:] ДОНЮ, ты не туда идёшь! (01.05.2012). [Кондуктор троллейбуса женщинам:] Присаживайтесь, ДЕВОЧКИ, присаживайтесь, пожалуйста! (05.05.2012). [Реализатор:] Спасибо! Не забудьте, РЫБОЧКА, пакетик! (07.05.2012). [Ветеран, лет 70 в ответ на приветствие молодой женщины, лет 25:] С праздником Вас! – Спасибо, СУДАРЫНЯ! (09.05.2012). [Незнакомая девочка лет 5 подошла к ветерану, лет 77:] С праздником Вас! – Спасибо, МИЛЕНЬКАЯ НАША! (09.05.2012). [Мама в троллейбусе черноволосой девочке лет 4-х:] Выходим, СОЛНЫШКО! (21.05.2012). [Мужчина лет 50 женщинам 50-60 лет, продающим творог, шуточно:] УВАЖАЕМЫЕ ДАМОЧКИ! (07.06.2012). [Дипломница на защите:] Добрый день, ДОРОГАЯ АУДИТОРИЯ! Я бы хотела представить вам свою работу (21.06.2012). [Молодой человек лет 27, водителю:] КОМАНДИР, открой здесь, пожалуйста! (25.06.2012). [Мужчина лет 30 по сотовому растроганно:] Аллё! МАЛЕНЬКАЯ МОЯ! Пришли, ЗАЙЧИК? Давай, МОЯ ДЕВОЧКА! (12.07.2012). [Приходит на речку мужчина лет 65, видит знакомых женщин, одна из которых накачивает пресс, сгибаясь на скамейке:] Привет, МОИ ЗОЛОТЫЕ! Это же истязание! (23.07.2012). [Женщина лет 60 покупает абрикосы. Продавщица:] ДЕВУШКА, с вас 120 рублей! – Ну, раз «девушка», пожалуйста, можно и больше! (03.08.2012). [За столом женщины: преподаватель 63 г. и врач 71 г.:] – РИТОЧКА, съешь! – Ой, ВЕРОНЬКА, не хочу! КОТИНЬКА, ЗАИНЬКА, не

хочу! Уже наелась! (27.08.2012). [Покупательница на рынке лет 60 рано утром реализатору, женщине лет 45:] МОЯ ЛАСТОЧКА, почём помидоры? – Пока не знаю, СОЛНЫШКО. Сейчас хозяйка скажет... (02.09.2012). [Внук:] Ба-аб! – [Бабушка 57 л.:] СОЛНЫШКО ТЫ МОЁ РАСЧУДЕСНОЕ! (09.09.2012). [Пенсионерка, в прошлом инженер, 57 л., о шестилетнем внуке:] И сам захотел [учить украинский]! Ах ты, КУКЛЁНОЧЕК ЗОЛОТОЙ! (09.09.2012). [Женщина лет 40 в маршрутке по сотовому:] Да, ВАЛЮШЕЧКИН! Привет! Нет, я поехала опять в стомат поликлинику. Я сегодня в ночь. <...> Хорошо. Давай, ВАЛЮША! (23.09.2012).

Я услышала на рынке 23 апреля 2020 г.: *Надюнчик!* Говорилось это знакомой женщине-реализатору.

Так что в отношении состава обращений русский язык находится в интенсивном развитии, которое, конечно же, усиливается благодаря всевозможным экспрессивам, и знаковое «Как обратиться к женщине или мужчине лет 30-40?» решается по-своему, интонационно, хотя общепринятого обращения сейчас действительно нет.

Диминутивы

Уменьшительно-оценочные слова в 2014–2015 годах и в истории языка. Богатство речи.

Эта часть книги похожа на предыдущий раздел по ситуациям с уменьшительно-ласкательными наименованиями, то есть с диминутивами. Конечно, часть их записана на рынке, но только часть. В производственной сфере, в семейной речи диминутивов великое множество. Приведём диминутивы, зафиксированные нами в 2014 году, они весьма красноречивы.

Мужичок, Димош, гостиничка, хрупенький, киски, киосочки, площадочка, скамеечки, узенько, площадочка, ножечки, лошадка, мужичок, Божечка, хачапурки, ладночки, завозик, повседневочка, походик, «Читай-городишко», поменьшенькие, побольшенькие, большеенькие, спокойненько, закрывалочка, стояночка, поездочек, варёночка, капусточка, мороженко, с утречка, ночка, сумица, аккуратнечко, ладночка-ладночка, отличненько, понятненько, ровнечко, нормальнечко, ладнечко, капризненький, ладночка, туточки, пироженьки, (сумасшедший) домик, нормальненько, дамочки, нежненько, собачки, прекрасненько, кучечка, стыдноватенько, Галюнчик, раньком, потолочки, боковушечки, лифток, ладненько, крупненький, приличненький, быстренько, счастливенько, творожок.

Представляется, что и в этой области русского языка недостатка нет. В доказательство этому предложим ряд более полных примеров.

[Делопроизводитель 35 л. по телефону:] В любом случае, печаль такая, ПЕЧАЛЬКА! (11.01.2015). [Начальник управления по телефону:] Я и так, и так вышлю. И список, и сами ТИТУЛКИ, на которые присвоен ISBN (14.01.2015). [Член совета

профессор 48 л.:] У меня совсем КРАТЕНЬКИЙ вопрос по второму положению, вынесенному на защиту (23.01.2015). [Проверяющая 60 л. о странице документа:] Это вот откуда, ПОСЛЕДНЕНЬКАЯ? То, что вы делали, бьёт с тем, что я делала! (03.03.2015). [Планёрка. Декан:] Карту студента они там купят, на самом деле она даёт льготы какие-то. Но она стоит ПРИЛИЧНЕНЬКО... (17.03.2015). [Декан о дефиците бюджетных мест:] И по истории 10, но всё равно СЛАБОВАТЕЛЬНО! По такому же приколу философия, теология: десять платных (24.03.2015).

Количество диминутивов с развитием языка уменьшилось? Исторически говорящие правы. Диминутивов было много, очень много в истории языка. Примеры?

Туман – туманик, туманчик, туманичек, туманушек (туманушка).

Звездочка, звоздоньки, звездушки.

Зорюшка, зоренька, зоринка, зорька.

Таким образом, использование диминутивов есть хорошая традиция нашей общерусской культуры. А вот из стихотворения В.В. Маяковского «Киев» несколько строк.

Лапы ёлок
лапки,
лапушки...
Все в снегу,
а тёплые какие!

Звукоподражания

Звукоподражания в речи взрослых. Краски языка.

На первый взгляд, кажется, что звукоподражания свойственны детской речи, но пристальное наблюдение показывает, что и у взрослых манера передавать звуки вещей, животных, других людей находится в прекрасном состоянии. Подтвердим это некоторыми своими наблюдениями.

[Женщина, 42 г. о поезде:] Я думала: голову снесут! Я и не спала! Ночью дверь (у туалета) ШИРК-ШИРК! (26.06.2012). [Поезд, женщина, лет 35, подругам в поезде:] Там ямки на дороге! Я так боюсь! А он (водитель) – ФЬЮ-Ю! (29.06.2012). [Женщина 57 л.:] Поедут на рыбалку. Крючок поломается – они его ЧИК! в ковёр! Потом она их вынимала... (24.07.2012). [Мужчины, лет 75, идут с пляжа: А помнишь, как она рассказывала на всю аудиторию [подражает высоким голосом и очень быстро] ТЭ-ТЭ-ТЭ-ТЭ-ТЭ-ТЭ?! (27.07.2012). [Доцент 55 л. по телефону:] Если я начинала своё играть, то могла прийти соседка и не то что грубо, а ТЮ-ТЮ-ТЮ... Ксеничка, играй (что задали)... (28.07.2012). [День военно-морского флота. Мужчины 35 и 30 лет на лавочке в сквере вспоминают, кто где служил. Старший:] Мы как БМВ вывозим... И над Эдиком такая фигня! Эдик задний ход дал: ДЖ-Ж-Ж! (29.07.2012). [Учительница 51 г., г. Харьков:] Мама чернобыльцев мыла, институт ведь радиологической медицины! Так перед тем как заходить на смену, – полстакана водки. И после. Она нейтрализует. Мыли порошком стиральным. Порошком! Вещи вот так вот. Ну, люди приезжали, подходят: чемодан. Подносят

прибор, а он вот так: ПЭ-ПЭ-ПЭ-ПЭ-ПЭ! Вместе прямо с чемоданом в кульки, всё вывозилось, хоронилось. Да, мама у нас работала... (27.08.2012). [О дочери:] Она говорит: я замечаю, что перестала улыбаться! У нас весело было в семье. Я, говорит, вспоминаю бабуся. Она заходила в комнату: «КУ-КУ!» (28.09.2012). [Студент студенту об экзамене:] Я знаю: там надо сначала без ВАУ-ВАУ (строго)! (23.11.2012). [Женщина-инженер 57 л. о похудении через приём активированного угля:] А потом превратишься в паровоз: ПЫХ-ПЫХ-ПЫХ! ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ! (01.02.2013). [На вокзале молодой человек лет 25 ласково девушке, видимо, едут на юг:] Только, чур, не заболеть! [Девушка, лет 22, шутливо:] КХЕ-КХЕ! (14.07.2013). [Врач 72 г., Харьков, по телефону про адвоката:] Я ж вчера целый вечер звонила: ТЮЛИ-ТЮЛИ! ТЮЛИ-ТЮЛИ! ТЮЛИ-ТЮЛИ! И всё! А потом как отключился! (04.09.2013).

Мы и не думали, пока не начали собирать и записывать, что в речи взрослых людей столько звукоподражаний. А учит нас не только жизнь, но и литература, в которой звукоподражаний прячется немало. Откроем роман «Авиатор» Евгения Водолазкина и выпишем два примера.

«Для сибирских маршей папа купил мне барабан – настоящий, обтянутый кожей. В отличие от игрушечного, он издавал протяжный, звенящий и в то же время глубокий звук. И так хорошо, так сладко мне тогда барабанилось: ТРАМ-ТАРАРАМ, ТРАМ-ТАРАРАМ, ТРАМ-ТАРАРАМ – ПАМ, ТРАМ-ПАМ-ПАМ» [Водолазкин, 2016: 58]. «Папа привёз из города астраханский арбуз. Помыли его – полосатый, блестящий, с хвостиком. Щёлкали пальцами по поверхности – ДОНГ! ДОНГ! – густой звук, упругий. Настоящий. Не имелось среди нас специалистов по арбузам, но было очевидно: не может так плохой арбуз звучать» [Водолазкин, 2016: 66].

Таким образом, мы нашли как минимум три величины (обращения, диминутивы, звукоподражания), где богатство речи развивается неплохо, хотя и здесь есть возможность усовершенствовать этот навык. В заключение приведём одну выразительную цитату:

«Старая нянька Льва Толстого в мерном звуке часов слышала не привычное всем «тик-так, тик-так», а «кто ты – что ты?», сам же великий писатель слышал в себе этот вопрос всю жизнь» (Оксана Лисковская // Книжное обозрение, № 39, 25 сентября 2000 г.).

Производственная лексика

Производственная лексика как альтернатива заимствований. Словосочетания. Названия лишайников. Экскурсии на предприятия: записывать, рисовать, обсуждать. Сочетание действий: не уставать?

В книге В.Н. Прохоровой «Русская терминология» [Прохорова, 1996] анализируется немало примеров производственной лексики, которая противостоит современным заимствованиям и которая открывает всю красоту живых обозначений.

Жандарм – крутой скальный выступ, значительно возвышающийся над линией гребня и затрудняющий путь по гребню. *Седловина* – седлообразное понижение в гребне. *Металлический фартук* наружного подоконника. *Щека* арки. *Воротник* оси – кольцевой выступ на оси. *Волосовина* (волосная трещина) – порок стального изделия. *Бублик* – в акробатике приспособление для выполнения стоек на голове партнера. *Юбочка* электролампы. *Глазурные органы* – внутренности человека, покрытые блестящей плёнкой вследствие заболевания. *Лепесток* – деталь противопылевого респиратора. *Мечтание* – недостаток охотничьей собаки, когда она поглядывает в разные стороны и зевает, носа не держит у земли. *Тяги* – украшения стен здания в виде выступающих полосок, протянутых вертикально.

Ярко выглядят производственные слова даже без пояснений.

Звуковой ветер, контактное дерево, управляющее время, время успокоения, полка, балкон, плавательная дорожка, снежная доска, камин, носик газовой горелки, стебель борта, ложе ногтевое, одеяла асбестовые, шов сварной, мешок слёзный.

Все эти названия прочно вошли в нашу жизнь, настолько прочно, что и не воспринимаются как слова, противостоящие многочисленным заимствованиям. И в нашей разговорной речи таких обозначений немало, хотя они настолько привычны, что незаметны в своей массе.

Другое дело – *словосочетания*, которые, случается, не менее выразительны и потому более заметны в нашей речи («Антология разговорной речи», том IV).

В ручном режиме, в точечном режиме, в ноль уходим, порожняки возит, нагрузки звонковые, линейка оборудования, две палаты генералить, уйти в прошлое, стоять по той же самой цене, показать рабочее поле, голый профессор, три башмака отправляется, маршрутчиком быть, раскассировать по поручениям, отчеты сделаем на хорошем качестве, ушло на финансы, донборы какие-то...

Некоторые употребления уже вошли в узуальный ряд:

Белый шум – случайный стационарный процесс, энергетический спектр которого равномерен на всех участках. *Черный ящик* – объект исследования, внутреннее устройство которого не принимается во внимание или неизвестно.

Но тем интереснее и другие употребления, окказиональные, например, из той же подгруппы цветообозначений:

У [Евгения] Носова есть дивные диалектизмы! Я люблю эти КРАСНЫЕ НИТОЧКИ в произведениях (09.2005). Водитель видит следы недавнего ДТП, говорит женщине-профессору:] О! Опять КРАСНЫЕ СТЕКЛЫШКИ! (2005). [Водитель троллейбуса, женщина, лет 45:] Присаживайтесь, женщина! Тут пробка, будем стоять. – А что такое? – ЗЕЛЕНУЮ ВОЛНУ ВКЛЮЧИЛИ! (08.05.2013). [Два знакомых водителя в автобусе, лет 45:] Ну шо? – Да ничего, «шо»! Сейчас сутки намотал – чуть не плакал! Вообще ЧЁРНАЯ ОСТАНОВКА (много людей?) (15.07.2013).

А вот пример из более свежих: [Водитель:] НЕДЕЛЯ СЛАБАЯ! Троллейбусов много! Много троллейбусов, разрыва нет (04.03.2016).

Таким образом, и в производственной сфере немало примеров выразительной, а подчас и весьма изысканной речи.

Когда мы читаем специальную литературу, то часто оказывается, что мы многого не знаем, например, не знаем названий лишайников.

Пармелия бороздчатая растет на стволах деревьев, *пелтигера собачья* – можно встретить на обочине лесной тропинки, *ксантория настенная* (золотянка) на заборах, крышах домов, не только на деревьях, «бородатый» лишайник – *уснея длиннейшая*, *кладина звездчатая* – украшение леса... [Шапино, 1991].

Но знакомство хотя бы с несколькими видами открывает нам богатство окружающей среды.

«В Англии существует целая серия брошюр, указывающих, что в каком предприятии надо смотреть, на что обращать внимание при посещении океанского парохода, дока, что смотреть на текстильной фабрике, на кожевенном заводе и т.д. Такие брошюры очень полезны. Экскурсии в производство довольно широко проводятся в Англии. Очень интересные есть описания экскурсий в производство, практикуемых в отрядах скаутов. Скауты во время экскурсий делают у себя заметки, рисунки, чертежи, планы. Потом сообща обсуждают виденное». «Технике записывания и зарисовывания во время экскурсий надо учиться так же, как, например, составлению конспектов прочитанных книг» [Крупская, 1978, том II: 176, 178].

А в конце параграфа несколько слов о психологии тех, кто участвует в производственной стихии жизни. Вспоминается царевна из сказки Пушкина: «Она умудрялась между делом и обихаживать, и кормить семерых богатырей, и пребывать в неизменно-ровном прекрасном настроении, как будто изнурительная работа по дому вовсе не обременяла её» [Седакова, 1998: 281]. Какой пример! Сказка-то не только детям адресована, она и для взрослых. Готовы ли мы так жить, так себя вести, чтобы открывалось нам ещё и ещё широчайшее поле производственной лексики?

Ценность устаревших слов

Элегантность речи через обращение к старине. Системные качества церковнославянизмов. Необходимость для этики. Обильные синонимические ряды. Фразеологизмы с соматикой. Ошибки в переводах. Помощь при неприятностях. Секрет Беатрикс Поттер.

Самое трудное, пожалуй, но и самое востребованное – это следующий вариант: слова и обороты, казалось бы, устаревшие, но, тем не менее,

элитарная речь в них нуждается. Спросим себя, а зачем нужны архаизмы? Ответ будет не столько простой, сколько многослойный, обращённый к нашему человеческому опыту. И потому надо уделить внимание не только новым, но и старинным словам. Их можно употреблять изредка, прибегать к ним с некоторой долей почтения к старинному слову. Например: в письмах: *глубокоуважаемый...* или *Низко кланяюсь*.

Достойно сожаления, что...; Смею ли я просить вас о...; Не соизволите ли Вы... Было бы хорошо, если Вы... Достойно замечания, что...

...Что тут скажешь? Говоря на настоящем, давно прошедшем, русском языке, – *благоволите сообразить* (Ю. Мамлеев).

Мы ещё будем писать об удивительной ценности церковнославянского языка, но в отношении изысканности речи ценность могут представлять и отдельные слова, о чем мы и собираемся поговорить сейчас.

В своей статье об Анне Ахматовой Наум Коржавин подчеркнул весьма важную вещь: в отличие от красок, которыми, создавая свои полотна, пользуется живописец, слова уже наполнены отсветами смыслов, они несут на себе следы тех текстов, в которых были употреблены. «Слово же, с которым имеет дело поэт, никогда ему полностью не принадлежит. Определённое значение было связано со словом до рождения автора и будет независимо от него связано с ним всегда. ... Так что можно и должно выявлять и использовать скрытые возможности слова, его «потаённые» смысловые и эмоциональные оттенки, но нельзя относиться к нему как к инертному материалу. А поскольку оно само – осмысление, само – явление культуры, то и связано оно с Духом прямой и тесней, чем различные тела, вещества, предметы...» [Коржавин, 1989: 243].

В настоящее время экспрессию словоупотребления создают, с одной стороны, заимствования, с другой – жаргонизмы, тогда как обращения к лексическим фондам церковнославянского языка открывают возможность использования, например, калек с древнегреческого языка и созданных по аналогичным моделям слов: *благостройный, благоукрашение, благосердие*. Конечно, здесь необходимы и чувство меры, и чувство контекста, чтобы приглашённое из глубины веков слово не выглядело бы карикатурным.

Благорачительный – очень усердный. *Благославие* – добрая слава. *Благоумие* – *благоразумие, благонравие, благоволение, благожелательность, благополучие*. *Благонаследие* – *духовное богатство, духовное наследие*. *Благодвижение* – *усердие, послушание*. *Благопослушание* – *повиновение, покорность*. Всего насчитывают за прошлые века 477 лексем с начальным благо-. А нам, живущим в XXI веке, хотя бы одно из них можно употребить?

В церковнославянском языке наблюдаются обильные, щедрые синонимические ряды. Об этом читаем у Е.В. Прониной, исследовавшей 2778 церковнославянских, как мы бы сейчас сказали, глаголов [Пронина, 2002]. Представим некоторые синонимические ряды.

Похвалить, прехвалить, восхвалить, величить, возвысить, блажить, возвеличать, благодарствовать, славословить, славить и т. д. Мочить, кропити, намочити, облить, омакати, омочити, полияти, росити, умочити, украпляти и т. д. Плодити, плодиться, плодоноствовать, процвести, приплодити, растити, разбогатети, сзрети, угобситися.

Встречаются неизвестные нам случаи: *собитися* – быть одиноким, *любоплакати* – любить плакать, *окрылити* – взять под крыло, *сростатися* – сбежаться в одно место, *старейшинствовати* – быть старейшинами. Интересно, что только у глагола *завидовать* синонимический ряд предельно мал: *завидети, позавидести*.

Спрашивается, зачем всё это знать сегодняшнему русскому человеку? Для общего развития, конечно! (Вспомним про японцев, которые знают свою поэзию IX века). Но помимо этого, может сложиться ситуация, когда какое-то старинное слово вдруг окажется востребованным, необходимым именно сегодня, сейчас.

Gloriosum opus scriba sacrorum librorum. – Славен труд переписчика священных книг. Такими словами можно пошутить над ребёнком, переписывающим что-то себе в тетрадь. *Divinitus deus scientiam* – божественно-царственное знание. А эти слова подойдут и как ирония, конечно, но и как величавое определение сказанному другим человеком.

Старинные слова **необходимы для этики**. *Ибо иго моё благо, и бремя моё легко* (Мт, XI). *Не нам, не нам, но Имени Твоему, Господи, дай славу!*

Возьмём слово «доброхитростный». Оказывается, это особый подход к проблеме, когда зло исчезает или намного уменьшается, поскольку священник действует доброхитростными методами: «...ведь даже в истории Православной церкви уже к XVII веку сошла на нет идея преподобного Иосифа Волоцкого о необходимости борьбы со злом средствами «доброхитростной мудрости». Нужны принципиально новые, реально работающие на оздоровление и консолидацию массового сознания идеи» [Горюнков, 2005: 132].

Читаем в старинном тексте: «*Те же глаголют государевы бояре и воеводы, мудроучительне наказуют ко всему христианскому воинству и псковичемъ...* (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, XVI в.). До чего же хорошо сказано: *мудроучительне наказуют!* Здесь стирается резкость у слова *наказуют*, а слово *мудроучительно* приобретает смягчённый, более тонкий смысл.

Слова апостола Павла: «*Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего*» (Рим. 12:2), переведённые на современный язык, несколько утрачивают свою силу.

«Несмы достоин» – главное в сознании священника.

Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием (Экклезиаст, 1:8).

«Слово звучит лишь в отзывчивой среде» (П. Чаадаев). Право: «*Еже писах – писах*» [Алейников, 2005].

Старинные слова зацепляют наше внимание сдвигом формы, например: *Не осуди брата ни речью, ни мыслию. И подъ братомъ ямы не рыи.*

Внимание к слову дорогого стоит, и нам, филологам здесь есть что сказать. *С очей на очи.* Это была очная ставка. Поставить друг с другом, чтобы снять показания. *Аки борове* – Половцы шли как свиньи? Нет, надо перевести: как лес сосновый, конца не видно этим столбам, шли густой массой. *Высок усердием* – так Ломоносов характеризовал Петра I.

В своем трактате «Пир» Данте (1265–1321) говорит о четырех смыслах толкования любого текста: 1) буквальный, 2) аллегорический, 3) моральный, 4) сверхсмысл, или духовное объяснение. Мы же, трактуя старинные слова в тексте (да только ли старинные?), часто ограничиваем себя двумя смыслами вместо четырех.

Читая Пушкина, мы встречаемся со старинными словами. *Когда для смертного умолкнет шумный день / И на немые стогны града / Полупрозрачная наляжет ночи тень...* (Пушкин. Воспоминание). Вместо «площади» употреблены *стогны*, вместе «города» – *града*, но стихотворение завораживает. [О рассказе Л. Толстого «Косточка»] ...А грешник *восплакал горько...* [М. Горелик]. Приведем строки из современной поэзии: *Перо воспишет, звуки воспоют, / лоб озарится измышленьем новым* (Б. Ахмадулина). *И снова спать, спать долго, спать всегда, спать замкнуто, как в материнском чреве* (Б. Ахмадулина).

Фразеологизмы с соматическим компонентом в языке XI–XVII вв. выглядят весьма красноречиво:

Вносить ногу – заходить, приходить

Главу выклонить – поднять голову

Иметь жестку выю – быть упрямым, непреклонным

Всесердечные очи – о духовной зоркости

Литие сердца – великодушие

Вознести сердце – обрадоваться

Брови воздвигнуть на кого-л. – выражать гнев, неудовольствие

Навесить чело – нахмуриться, глядеть исподлобья, опустив голову

Бить во перси – ударять себя в грудь, выражая скорбь

Изронить слезы – заплакать

Напасть на выю – броситься на шею, обнять

Вложить в уши – запомнить

Бездверные уста – о том, кто не сдержан в речах
Дать хребет – повернуть назад
Костью двинуть – нарушить предсмертную волю, завещание

Обратим внимание на последний фразеологизм в списке, объясняющий нам, почему старинные слова: *Костью моею не двиньте и брата своего Василия не обидьте!* – читаются с пониманием.

Несколько затемненные церковнославянские слова требуют раскрытия. «*Да даст Господь дождь земли твоей прах, и персть с небесе снидет на тя, дондеже сокрушит тя и дондеже погубит тя* (Втор. 28 23–24). Страшные засухи, будучи сами по себе великим бедствием и ведя за собою ряд других еще больших несчастий для народа – либо голод, либо моровое поветрие, либо тяжкие повальные болезни, – бывали прежде, бывают и ныне. Посему-то Святая Церковь, болезнуя о людях и природе видимой и желая предотвратить народные бедствия, от засухи происходящие, издавна составила молитвенный обряд, или последование в бездождие, – обряд весьма трогательный, исполненный глубочайшего сокрушения и пламенных молений [Амфитеатров: <https>].

«...И хотя враги усердно вымораживают его душу, она неистошимо пламенна и – “дондеже есмь” возжигает свет во тьме» [Горький, 1925].

Откроем словарь русского языка XVIII века и выпишем некоторые слова.

Возвучать (хлябь моря), ***впросоль*** – слегка посолив; ***впрохолодь*** (Квартира была впрохолодь), ***впросырь, всотеро*** (в сто раз), ***воскрылие*** – края ризы, ***воскрылитъ*** – побудить к полёту (Россия! Дух твоей Царицы Твоей был славой воскрылен. Капнист), ***возбодриться, означаться, возлегалище*** (Дневное возлегалище волчье), ***вознебречь*** (Не вознебрежи воззрети в конце книги в Каталог), ***воспылиться*** (И шар земной воспылится. Радищев), ***воспрославить*** (...И коль громкими воспрославила Россию делами. Дионисий), ***воссиять*** (Без редкого терпения Гений не может воссиять во всей своей лучезарности. Карамзин), ***восстенать, воссоболезновать, выпись*** (Сделать краткую выпись из оной книги) (Словарь русского языка XVIII века).

О, как они обогащают речь! А если их вставить в художественный текст, то они приобретают – некоторые из них – ещё и ироническую краску.

Лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием все оды пишем, пишем,
А ни себе ни им похвал нигде не слышим.
(Дмитриев)

Иногда старинные слова помогают **переживать неприятности**:

Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Студными бо окалях душу грехми и в лености житие мое иждих...

«Святой Иоанн Лествичник писал, что *...болезни посылаются для очищения согрешений, и иногда для того, чтобы смирить возношение*» [Бурова, Лосева, 2011: 20].

«*Благо мне, Господи, – повторял он беспрестанно в молитвах, – яко смирил мя еси!*» [Кончаловская, 1965]. «*Не тогда только делай дело, когда хочется, но особенно, когда не хочется!.. Данный тебе талант трудолюбно делай, окаянная душа!.. Царство небесное силою берётся*» (Иоанн Кронштадтский).

Слова святого Иоанна Златоуста тоже весьма выразительны: «*Да поглотит сердце Господа и Господь – сердце и будут два сии едино*» [Пространство..., 1999: 596].

«*И молим Бога, да прольёт Он кротость...*» (Пушкин изжил своё недоброе чувство к Мицкевичу).

«...Говоря словами Иоанна Златоуста – *«и намерение целует»* (то есть приветствует), приписывая стихотворению то, что в нем ещё не совершилось, хоть к этому и устремлено» (Валентин Непомнящий).

Сделаем отступление. Есть уникальные детские книги Беатрикс Портер, целиком построенные на старинных словах. «Книжные слова» – «Я негодую», – изрекла миссис Табита Скок, когда котята разбрасывают свою одежду; в этой же повести говорится, что поведение котят «нарушило благопристойность и мирное течение чаепития». В чем тут дело? Что, Беатрикс Поттер была реликтом XIX века и **не могла отринуть словарь эпохи своих родителей** или же она сознательно имитировала манеру более раннего периода – а если так, то зачем?» [Демурова, 2006: 195-197].

Обращение к старинным словам придает речи особый шарм, можно сказать: **придаёт элегантность**. «...Чем старше человек, тем сложнее ему выглядеть элегантно или, например, что чем старше человек, тем меньше у него остается желания выглядеть элегантно» [Колодина, 2002]. Именно людям в возрасте, серебряном возрасте, к лицу будет иногда вставить в свою речь *Кому повем печаль мою?* или *В ню же меру мерите, возмерится вам*.

Из диалектного запаса

Слова-диалектизмы и государствообразующий язык? Добавленные краски. Без слова мы не видим вещи. Новое знание.

Выпишем из небольшого словаря диалектных слов некоторые предложения. Почему бы их не включать иногда в свою речь? Выделим в них понравившиеся нам слова.

Руки привыкли работать, так *молча* не сидят. Ведь *любужи́ко* суп поест, а делать самой неохота. *Люлькаеши́* ребёнка, песни поёшь. Дождь помочит, так *лисее́т* всё сено. Заблудилась я, а кругом-то эдак *лесно*. Пусть у тебя ничего не болит, *лёготы* бы тебе да *моготы* [Словарь вологодских говоров, 1989].

Всё принадлежит языку, который не случайно назван государствообразующим, и мы можем пользоваться всеми его сокровищами, исключая, повторим, всё то, что не красит речь. Приветствуем ещё ряд примеров.

Береза была деревом «об четырёх делах»: мир освещать, крик утишать, больных исцелять, чистоту соблюдать. Представляла лучиной, очипом для люльки, лекарством и веником (Г. Волков).

Коли грибовно, так и хлебовно.

Девка такая египетка, коли она только спит, всё работает (СРНГ).

В орловских говорах полевую гвоздику называют «божьи звездочки» и «божьи слёзки».

Конечно, конечно, здесь нужен особый отбор. В записях живого народного языка немало слов резких, даже грубых. Найти хорошие слова непросто. Но надо ещё обратить особое внимание на наименования бытовых вещей. В литературном языке эти вещи часто не проговариваются, не называются, а в диалектном – по-другому. ...Вещи даны человеку не только в пользование, но и в научение. «Мир вещей – погружённый в молчание и терпение монастырь, через который люди проходят странниками, учась послушанию» [Эпштейн, 1988: 333].

«...А зимой на ногах – чуни. Это что-то вроде лаптей, но сплетённые из веревок. На чулки наматывались белоснежные портянки (из холста) и надевались чуни. От пяточной части чуней тянулись верёвки – оборы, которыми крест-накрест заматывались (крепились) портянки. Обуться в чуни, чтобы было красиво и гладко, – искусство. ... Чуни – удивительно удобная, тёплая, лёгкая обувка. Никакие снежные заносы не страшны» [Василевская, 2003: 51].

«Когда ребенок не знает названия вещей – он как бы не видит их» (Л.С. Выготский. Мышление и речь). Это утверждение относится и к взрослой речи, диалектизмы позволяют нам несколько расширить своё зрение, устранить «близорукие глаза эгоиста» (Э. Кант). Секрет привлекательности в том, чтобы всякий раз быть чуточку иной, неожиданной, а значит свежей. Примеры?

«Кунцево – раньше было село, а в селе жили птицеловы... Синицу раньше называли кунцей... кунца!» (Г. Семенов).

...Среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и «сердца горестных замет» бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который поэтому зовётся «июнь-ау!» [Ключевский, 1967: 314].

Вряд ли такое обозначение июня было общеизвестным, однако как хорошо оно обогащает речь, делает её живописной!

У Фёдора Абрамова встречаем: *Не теперь сказано: сын-то мой, а ум-то свой*. Или: *Три товарища, которые мешают работе: ленко да нехотенко да ещё третий – тихонко*. Можно было в «Траве-мураве» обойтись без этих слов (они же диалектные!), но тогда пропадёт и весь шарм повествования.

«У разного народа я спрашивал, что такое «кура», и заметь, но всякий раз люди (учителя-филологи, краеведы, служащие, рабочие и крестьяне) с улыбкою и недоумением пожимали плечами. Но решительно все нашлись ответить: это, дескать, диалектизм, и чего ты от нас, милейший, хочешь. Само слово «диалектизм» всякий раз звучало весомым оправданием их незнанию, оно въелось уже в нашу психологию, как ограничитель, некий тормоз или черта, за которую переступать нет проку, а то и опасно. А вдруг что случится, верно? Вообще в свойстве человеческого характера иметь некоторую пачку индulgенций, спасающих от всякого рода неприятностей. И никакой напряженности ума, хотя при сравнительно лёгкой работе сразу понятна образная основа слова: кура, курить, куриться, дым, дымиться, в виде дыма. В наше сознание словно бы вживлён некий датчик: это устаревшее, это лишнее, это ненужное – и память отвыкает работать. Оказывается вдруг, что для нашего общения хватает трёх сотен слов, из коих возможно сочинить повесть или роман. “Зачем слова? – восклицают некоторые литераторы. – Главное – мысли, идеи”. Но слово-то само по себе и есть образное выражение мысли, её незаурядности. Чем скуднее мысль, тем беднее язык, тем скорее пошлет душа, о чем ещё сто лет тому назад пёкса Даль» [Личутин, 1986: 63].

«Кто чаще всего был словотворцем, духом, словесным украшателем будней, их музыкою, бахарем, сказителем, баюнком, врачевателем сердца и желанным вралем?»

Диалектное слово – это наше, русское слово, наше богатство.

Вот метафоры земли (выделим графически названия этих земель!). **Наволочная пожня** – низменный заливной луг лучшего качества; **новины** – посредственные сенокосы; **росчисти** – лесные пахотные поля; **кулига** – росчисть под пашню; **оплошная земля** – земля в грязных местах; **осота** – мокрые сенокосные места; **ровная** – средняя земля; **полевая** – плохая земля; **хвощ** – мокрые сенокосы близ рек и озёр. **Покрытая хвощом**; **тяжёлая** – дурная земля; **чищенина** – расчищенные под сенокос росчистки; **веретья**, **бережина**, **бугры**; **жирная земля** – хорошая, добрая... [Личутин, 1986: 108-109].

«Соколы и ястребы по возрасту делятся **на гнездарей, слетков, молодиков, розмытов, дикомытов**. Коли глаза голубые – то молодая птица, не более четырёх месяцев от роду; ежели оранжевый глаз – то птица в годах. Если на груди рябое пятно вдоль, то птица-слеток, едва с гнезда снялась; ежели полосы мелкие, частые, тельняшкой – это уже розмыт, ронявший перо, вылинявший, привыкший к вольной жизни. Такого ястреба приучать к руке трудно, но и сладко» [Личутин, 1986: 140].

Эти диалектные слова вмещают в себя столько знаний и столько чувств, так что интерес к ним не может угаснуть.

Повторим: здесь нужен весьма строгий отбор. Далекое не все слова областного распространения годятся для включения в изысканную речь, и словари диалектных слов скорее укажут на недопустимое и недозволенное употребление слова, чем на приемлемое и красивое.

Беседую с профессором Светланой Алексеевной Кошарной, делюсь с ней своими, не самыми хорошими мыслями о диалектизмах и слышу, слышу протест: «Нет, это смотря где собирать! Мы собирали на севере, в Коми АССР, там есть деревни, где живут русские. У них такая нежность к слову, у бабушек этих! Это островная философия: вокруг другой язык, а у них русский, старинный. А какие диминутивы! *Лапоточки, босячки... Творог* – в значении «тесто». Спрашиваем: почему? *Но мы же творим его руками!*» (29.04.20).

В самом начале книги мы, помнится, открестились от жаргонизмов, хотя и в них встречаются интересные обороты: *выкинуть ноздри* – погулять, *капнуть на жало* – дать взятку. Ситуация похожа и с диалектизмами. Много, очень много мы не берём, но кое-что пригласить в свою речь не только не возбраняется – такие вставочки делают речь живее, интереснее, богаче. Как в математике, статистике: 90% и 10%. Чуть-чуть! Здесь правит бал строгий отбор, конечно.

Особые, изысканные слова сохранились в **некоторых семейных родословных**. Достаточно часто использовался фразеологизм: она одинаково владела *и пилой, и иглой*. Одна старая женщина говорила своим близким в последний свой миг: *Роднитесь!* Замечательное слово! В другой работе вспоминают пожилую женщину, часто повторявшую: *На белом свете, маковом цвете!*

На иностранных языках

Вкрапления из других языков. Ориентация на цитаты. И слова, памятные из книг, и афоризмы, и предложения. Уточнение цитаты. Украшение речи, но и напоминание о других языках. Дословный перевод.

Очень осторожно, но обязательно (скажем не так явно: желательно) использовать слова и обороты (чаще, конечно же, обороты!) на иностранных языках.

Подсчитаны французские вкрапления в произведениях Пушкина – более 200 тысяч! Каково?

Надпись-завещание на переплётах Гролье – «*Portia mea, Domine, sit in terra viventium*» – Да будет доля моя, Господи, на земле живых» [Давыдов, 2019: 78].

Как говорится, *struggle need variety* – Борьба требует разнообразия.

L'ordre c'est le Divin sur la terre – Порядок – вот Господь на земле.

Ultimatum time – Бойся последнего.

Che la mia ferita sia mortale – Да будет рана моя смертельна.

Ulti ombri ides nostri – Что тень – дни наши.

Dixi et animam meam salvavi – Сказал и облегчил душу перед Богом.

Recordare, Iesu pietas – Помните, Иисуса сострадание.

Consensus gravissimus – Наиважнейшее соглашение.

Grazia, signore, grazia (итал.) – спасибо, господи, спасибо.

Mors civilis – гражданская смерть.

Fluctuat nec mergitur – Колеблется, но не тонет (герб Парижа).

Из испанского: *No corras tanto. Deja que pasa el tren* – Не беги так.

Пусть поезд уйдет (из песни кубинского музыканта Чана Посо, убитого в 1949 году в Нью-Йорке).

Дальнейшие три примера взяты из книги [Соломатина, 2010].

Hoc est vive re bis, vita posse priore frui (Уметь наслаждаться прожитой жизнью – значит жить дважды).

Sic fata voluerum (Так было угодно судьбе).

Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen – Туда, туда, где цветут лимоны.

Конечно, художественный текст показывает, точнее – подсказывает, как употребить то или иное выражение на незнакомом языке, почему и лучше ориентироваться на цитаты. Приведём из книги о врачах некоторые из них.

Gens una sumus. Мы – одно племя! ...А кольца по молодости носить было модно – *gens una sumus!*

И не так дорого. *Sitanta licet componere magnis*. Если столь малое можно сравнить с великим.

Каждый сам себе и свет, и тьма, и производная второй степени. *Nil mortalibus ardui est*. Нет ничего недоступного для смертных.

Одним словом – *iners negotium* (показная занятость).

...Она бы, наверное... повесилась. *Absit invidia verbo* (Пусть не вызовет неприязни сказанное).

Habeat sibi. Cogitationis poenam nemo patitur, не правда ли? Ну и бог с ним. Никто не несёт наказания за мысли.

Три большие звезды на кителе. *In pleno* (В полном составе).

Но на первых порах можно включать в своё выступление отдельные слова с переводом, это украсит речь, сделает её эффектнее и интереснее.

Procul duduo (Без сомнения).

Modus operandi (Способ действия).

Ex professo (По профессии).

Ambo dic (Дважды скажи).

Маловато? Добавим ещё из латыни, теперь из книги М. Старицкого «Богдан Хмельницкий» [Старицкий, 1964].

Sine timore (Без страха).
Retro, sanana (Изыди, сатана).
Edite, bibite (Ешьте, пейте).
Dominus vobiscum (С вами Бог!).
Saneta veritas (святая истина).
Non possumus (не в состоянии).
Casus fatalis (роковая причина).
Homo novus (новый человек).
Suum cuique (какой есть).
Sancta mater (святая мать).
Liberum veto (право запрещать).
Casus belli (причина войны).
Eo ipso (следовательно).
Male (плохо).
Corpus delicti (состав преступления).
Virtus sanctissima (святая правда).

Иногда удобнее использовать развернутые обороты, афоризмы:

Abi no disco omnia – Устами одного говорят все.
Manu facta, manu destruo – Что руками создано, то руками и разрушается.
Errare humanum est – Человеку свойственно ошибаться.
Vita nostra brevis est – Наша жизнь коротка.
Edamus, bibamus, amemus – Будем есть, пить, любить.
Futurum incertum – Будущее неопределенно.
Vox populi – vox dei – Глас народа – глас божий.
O tempora o mores! – О времена, о нравы!
Splendere et imperare – Блистать и повелевать.
Pro bono publico – Для общественного блага.
Divide et impera – Разделяй и властвуй.

Concordia resparvae crescunt, Discordia magnae dila buntur – Согласием возвышаются и малые дела, а несогласием разрушаются и большие.

Задумаемся, почему не приживается у нас немецкое выражение: *Eigentum gibt Sinn für Ordnung!* (Собственность рождает стремление к порядку)?

Задумаемся, почему бы не вставить иногда в свою речь хотя бы отдельные слова: *Ipsa facto* (в силу самого факта)? А утверждение *Semper Idem* (Я всегда тот же) пригодится практически к любой ситуации. *Do ut des* (Даю, чтобы ты дал) – это для внутренней речи.

«Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, потом действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «*audens*» – дерзающий» [Жюль Верн, 1957: 179].

«И я боюсь теперь, что не найду того, что надеялся найти. *Omnia praeclara rara**. Я был предупрежден. И за два тысячелетия европейской истории мало что изменилось...» [Голованов, 2002: 10]. *Всё прекрасное редко.

Каким эффектным может стать прочтение отрывка из молитвы Блаженного Августина!

Cum vero etiam de coelis te laudant, laudant te, Deus noster, in excelcīs omnes angeli tui, omnes virtutes tuae, sol et luna, omnes stellae et lumen, coeli coelorum, et aquae, quae super coeelas sunt, laudant numes tuum... С небес тебя хвалят, хвалят тебя, Господь наш, все ангелы твои, солнце и луна, все звезды и свет, небо небес, и воды, что за небом суть, хвалят имя твоё... (Новый мир, 1973, № 5. Мариэтта Шагинян).

Тексты нам показывают (подсказывают!), как употреблять иноязычные выражения. Приведём ещё ряд примеров из литературы.

«Работай в меру и оставляй силы и время для усвоения: ведь набивание головы без усвоения дело не только не полезное, но прямо вредное. Усвоение же совершается во время отдыха, в тиши чувств, – даже в некоторой скуке: «*fastidium est quies*» («*taedium est quietem animae*»), – скука – отдохновение души». Старайся вдумываться в делаемое и усвояемое, старайся быть благодарной за то, что есть, а не роптать за то, чего нет, как в окружающем, так и в окружающих» [Флоренский. Письмо дочери Ольге, 14–15 июня 1935 г.].

«Тогда, если будет этот запас конкретных образов, цветов, запахов, звуков, пейзажей, растений и т.д., то этот запас может легко оформиться и дать почву для отвлеченных построений. А если этого нет, то это будет в плохом смысле слова система. *Systemglaube ist Aberglaube*, сказал Новалис, – Системотверие есть суеверие. Система может быть и хороша, но... без этого основания и без этой цели она лишена ценности» [Флоренский, 1998: 599].

«Всё спеша и буравя вперёд тоннелями интуиции, сколько я оставил позади себя неосвоенных гор! А ведь: *tantum possumus, quantum scimus* (Столько можем, сколько знаем)» [Солженицын, 2000].

За границей во время командировки зашёл разговор о том, почему сейчас русские писатели плохо пишут. И речь не шла о Тургеневе, Толстом, Чехове, а приводились имена Андрея Белого, Бабеля, Булгакова, Шолохова, Пастернака, Паустовского. «На прощанье я спросил у того последнего моего собеседника в кафе, откуда у него такой пиетет русской словесности. Он улыбнулся и сказал: *Literatur pur*, литература без примеси, потом помолчал и добавил: – *Literatur par excellence*, литература прежде всего. Абсолютная литература» [Вебер, 2005: 244].

An meinem Leben und meinem Schicksal liegt nichts, an den Wirkungen meines Lebens liegt unendlich viel. От моей жизни и моей судьбы не зависит ничего, от деяний моей жизни зависит бесконечно много (Иоганн Фихте).

Моцарт был гением в заимствовании чужих идей. ... «Реквием» Моцарта – плод коллективной работы (11 человек). Моцарт умел заимствовать. «*Tulit alter honores*» («Однако слава принадлежит другому») (Знание – сила, 1998, № 11–12).

Futura sunt in minibus deorum – Будущее в руках богов.

Августин, трактат «Против лжи»: *non est fallere, sed mysterium* (Не обман, а тайна) [Вайнрих 1987].

Dementia ex seperatione – слабоумие от одиночества.

«Жизнь Ленина в 1906–1907 годах некоторыми своими чертами была *mutatis mutandis** как бы своего рода предвосхищением будущей жизни в Кремле, в качестве правителя России» [Валентинов 1991: 66]. **Изменения искать*.

И се ту, как говорят французы. Это всё. Здесь французское выражение передано по-русски, русскими буквами. Сравним такое же вариативное написание: «*Цо то бендзе*» – что-то будет (по-польски).

Особое внимание можно уделить **инскриптам**, то есть надписям на книгах (они же – экслибрисы), гербах. Например: Девиз *Fuimus* – по-латински «Мы были» – для шотландских Брюсов стал девизом, начертанным на ленте герба графа Брюса». «Вокруг щита располагается цепь кавалера ордена Святого Андрея Первозванного со словами «За веру и верность» [Филимон, 2013: 229, 230].

Бывает и так, что иностранный текст звучит несколько **загадочно**: *Le Grand Vide**; Пустота – это большой стиль, но она должна быть достойна наполненности Парижа... (*Великая пустота – франц.).

Deo Gloria! Слава Богу (лат.).

No corras tanto que el tiempo no acaba – Не спеши, ибо время не кончается.

Латинский язык мы, если и учили, то недолго, но английский? Но почему-то и из английского языка мы не включаем в свою речь хотя бы некоторые пословицы, некоторые цитаты.

Sorre to be personal. Так принято извиняться перед собеседниками за то, что говорящий вынужден посвящать их в свои личные дела (Знание – сила, 1994, № 5).

One apple a day get a doctor away – Одно яблоко в день гонит доктора прочь.

East or West, but home is best – Восток или Запад, но дом – самое лучшее.

Knowledge itself is power – Эрудиция сама по себе возможность.

Fine feathers make fine birds. – Красивые перья делают красивыми птиц.

The older the goose the harder to pluck. – Чем старше гусь, тем труднее его ощипать.

It is a good horse that never stumbles and a good wife that never grumbles. – Хороший конь никогда не спотыкается, а хорошая жена никогда не ворчит

She was only an optician's daughter, but she really made a spectacle of herself. – Она была только дочерью глазного врача, но она действительно сделала из себя зрелище (*spectacle* – очки, *spectacle* – спектакль).

To measure one's desires be one's – Соизмерять свои желания с возможностями.

The last, but not least – Последнее, но не менее важное.

The older the goose the harder to pluck – Чем старше гусь, тем труднее его ощипать.

Better an egg today than a hen tomorrow – Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра.

I invite you to my past – Приглашаю Вас в моё прошлое.

Stiff upper lip – С жёсткой верхней губой – так говорят об англичанах.

The different dimension – Иное измерение.

To fall in love буквально «падать в любовь». Кошка с балкона падала в любовь.

Thank a lot – Большое спасибо.

Life imitates Art far more than Art imitates Life. – Жизнь подражает искусству намного больше, чем искусство – жизни.

Miracles still happen – Чудеса всё ещё случаются.

Мы столько лет учили иностранный язык, так неужели мы не можем (или не хотим?) включить из него хотя бы некоторые фразы или слова?

Представим более подробно выигрыши от знания **дословного перевода** некоторых фразеологизмов, почерпнутых из испанского, французского, немецкого и английского языков. Материал нами взят из докторской диссертации Н.В. Друзиной [Друзина, 2005].

Англ.: *have / hold/ keep an ear to the ground* – слушать, приложив ухо к земле (знать, что происходит вокруг и что может произойти, быть в курсе дела, прислушиваться к общественному мнению).

Англ.: *have (got) guts* – иметь внутренности (быть твердым, решительным человеком, иметь сильный характер, сильную волю).

Исп. *tener muchos pies* – иметь много ступней (легок на ногу).

Франц. *avoir la tête bien meublée* – иметь хорошо меблированную голову (иметь большие познания).

Франц. *avoir un cœur sur tes lèvres* – иметь сердце на устах (говорить искренне, откровенно).

Франц. *frapper a la mauvaise porte* – стучаться в плохую дверь (ошибаться в человеке).

Из канадского варианта французского языка: *Avoir le bras long* – иметь длинную руку (иметь влияние).

Исп. *estar al dia* – быть в этом дне (не отставать от современности, идти в ногу со временем).

Франц. *etre dans son midi* – быть в своем полдне (быть в расцвете сил).

Франц. *être sous les rames* – быть под вёслами (потерять всякую самостоятельность, попасть в полную зависимость от кого-либо; быть на поводу у кого-либо).

Франц. *etre dans les eaux de qn* – быть в чьих-то водах (разделять чье-то мнение, чьи-то взгляды).

Нем. *im Hafen sein* – быть в гавани (хорошо устроиться, преуспеть в жизни).

Франц. *être à flot* – быть на плаву (делать карьеру).

Нем. *J-d ist ein stiller Mann* – кто-либо тихий человек (кого-либо уже нет, он умер).

Исп. *ser hijo de susactor (de sus obras)* – быть сыном своих действий (быть всем обязанным самому себе).

Англ. *to be a devil for work* – быть дьяволом для работы, работать как черт, работать за двоих.

Согласимся, хотя бы некоторые из этих фразеологизмов могут сделать нашу речь немного интереснее.

Наконец, хорошо смотрятся высказывания о других языках, которыми мы не владеем, но которые нам открывают особенности их территории и народа.

«Языки, построенные линейно, перепрыгивают через ступеньки и какие-то ходя могут пропускать. В отличие от языков концентрических, которые ничего не пропускают. Кажется, что люди, говорящие на концентрических языках, медлительные, а на самом деле они полный анализ делают. Путешествие по-якутски – «айян», означает «иди, творя». Есть только направление, конкретного маршрута нет, в любую сторону можно свернуть, любые элементы импровизации испробовать. По-якутски остановка – отнюдь не потеря времени» [Цирульников, 2017: 214].

«В ненецком языке – с непривычки довольно сложном для произношения – четыре первородные стихии обозначены словами простыми и мелодичными, как ноты: «и» – вода; «я» – земля; «ту» – огонь; «нум» – небо. Это перво-звуки, перво-основа. И в тот день, кроме пульсаций этой основы вокруг, собственно, ничего не было» [Голованов 2002: 244].

Как видим, иностранные языки привносят свои краски в стихию нашей речи, и отказываться от них, даже если мы всё забыли или вообще знаем лишь два-три слова, нецелесообразно.

Цитатные включения

Первое по значимости место. Самоперебив. Где прячутся цитаты. Цитата для выражения мысли. Перенимать готовые формулы. Шлюзы любви. Для перехода в веселье. Для утверждения новизны. Методологические поправки. Для опровержения. Цитата для богатства текста. Ощущение тайны. Ощущение близости.

Итак, новый блок нашей ориентации – это ориентация на микротексты. Мы не будем говорить, что запоминание больших отрывков само по себе влияет на речь, хотя, конечно же, влияет. Мы о другом эффекте: о действии, которое нацелено на развитие личности. И этот эффект отразится не сразу, не скоро, но отразится, конечно же, благодарной памятью о таком учителе. Взрослые, как известно, наизусть не учат, но здесь важное место занимают понравившиеся цитаты, о них мы и поведём сейчас речь.

На первое по значимости место в этой части выписок можно поставить **цитаты**. «Беда начитанности – искать во всем «восхитительную цитатность» [Книжное обозрение. 2001. 12 дек.]. Беда? Да как сказать! Процитировать яркий текст – это значит не просто украсить свою речь, но придать ей еще одно измерение. Эти цитаты таятся внутри нас, помогая жить, но иногда их можно вплести и в свою публичную речь. Профессионал-психолог не может не опираться на богатства национального языка. Задача филолога-прикладника разыскивать такие богатства. Надо, однако, учесть, что сама по себе цитата в идеале должна быть говорящей. Как-то мы выписали высказывание В.В. Розанова, посвященное М.Ю. Лермонтову: *«Лермонтов чувствует природу человеко-духовно, человеко-образно. И не то, чтобы он употреблял метафоры, сравнения, украшения – нет! Но он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо»* [Розанов, 1991: 47]. Однако выписанное без отсылки к стиху, побудившему философа к такому признанию, мало информативно и для нас. Здесь цитация требует большего размера, простора для мысли.

Бывает и так. Некогда выписанная цитата: *Интуиция – это в высшей степени профессионализм* – находит своё подтверждение в другой цитате. Знания соприкасаются, взаимодействуют, доказывая друг друга.

«Михаил Притула, профессор в области производственной администрации, установил теорию, что с возрастающим знанием в определенной области совершается постепенное изменение в мышлении и умозаключении». Мозг систематизирует информацию в группы. Эти широкие образцы информации дают иногда мозгу возможность обойти медленные, трудные аналитические шаги и перепрыгнуть прямо к интуитивным заключениям. По словам Притулы, чутьё улучшается в той мере, в какой мозг всё больше связывает друг с другом эти образцы» (Пробудись, 1992, 8 мая).

Интуиция является тяжело заработанной наградой опыта. Текст будто бы скрывает важную мысль, но, тем не менее, она в нём присутствует. Например, вставные конструкции. Казалось бы, не в них искать (находить) ценные мысли. «...Самоперебив оказывается весьма эффективным средством контроля над речью, призванным следить за относительной адекватностью продуцируемого речевого отрезка первоначальной мысленной модели, за целесообразностью речи относительно обстоятельств её произнесения, реакциями собеседника и т.д.» [Онишко, 1997: 10].

«Дорогой Борис Николаевич! (И это слово – дорогой – примите не в «эпистолярном» значении, а в настоящем, первичном: как знак, что Вы, что всякое приближение к Вам мне желанно, дорого. И как жаль, что мы утратили возможность всегда, во всех случаях, все слова принимать в их настоящем смысле!)» (Из письма В. Брюсова Б. Бугаеву (Белому)).

Перед нами замечательный пример, когда вставная конструкция, «самоперебив» берет на себя функцию, не сопоставимую по значимости с обычными нашими обращениями в письмах.

Иногда неожиданным является само бытие цитаты. Приведём древнейшее русское любовное письмо – эпитафия к повести В. Тендрякова «Затмение»:

«Пусть разгорится сердце твое, и тело твое, и душа твоя до меня, и до тела моего, и до виду до моего» (Берестяная грамота XV века) [Тендряков, 1977].

Особый разговор о цитатах из драм (и мы приводим далее такие примеры), но главное – главное надо сказать сейчас, сказать заранее.

У нас же воображение богатое, как тайга. Поэтому, кстати, и театр в России так интересен всем – от мала до велика (не только в смысле возраста, но и в смысле статуса). Потому что в театре спрессованы все тексты, все фактуры, все времена». «То есть драматург обязан быть на уровне современного театрального языка. А язык театра очень сложен. Это, по сути, поэзия, причём поэзия, которая разворачивается сразу в нескольких плоскостях... Выбирая текст, я должен учитывать и тех, кто ничего не понимает, и тех, кто понимает кое-что, и тех, кому надо дать чрезвычайно рафинированную пищу. И это всё моя публика, они все приходят на мой спектакль и сидят плечом к плечу. ... В Шекспировском театре стояли плебеи, сидела аристократия, то есть аудитория в себя включала все слои общества. Следовательно, Шекспир, когда писал пьесу, неизбежно чередовал высшую поэзию с низкой прозой. Диапазон в его пьесах – от рафинированной философии и психологии до грубых балаганных шуток» (Владимир Мирзоев). (Книжное обозрение № 16, от 17 апреля 2000 г.).

Перикл платил афинским гражданам, чтобы те ходили в театр. Это идёт не от богатства кошелька, а от уникальной роли театрального искусства, отраженной в театральных словах.

Высшее – зависти цель. Бурям открыты вершины (Овидий). Наряд меняет нрав мой (В. Шекспир). Над шрамом судит тот, кто не был ранен (В. Шекспир). Что я пожну, когда так страшно сею? (В. Шекспир).

Деликатность цитаты – о, это особый разговор. Вот фрагмент из дневника Л.Н. Толстого: «Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно всё только хорошее. **Смешно! Нельзя, бабушка.** Всё равно, как нельзя, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтобы жить честно, **надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться**» (Л. Толстой. Дневники). Написано это для себя, но как близко всем, кто читает! Мы выделили эти слова в дневнике, почему и запало это в память. В другом месте Л. Толстой пишет: **Надо мне работать, как пианист.** Это требование к себе, но оно распространяется и на читающих этот дневник.

Нахождение понравившейся цитаты – процесс сугубо творческий, направленный внутрь себя. Если бы мы не интересовались нарядами, украшениями, бижутерией, то вряд ли бы нашли и выписали цитаты про Эвиту Перон. Чего стоит такое определение: «война нарядов»!

«Там, кстати, и началось соревнование в элегантности. Своими украшениями и французскими нарядами Эва решила затмить светских дам, помещиц-аристократок. Думаю, что именно тогда, 9 июня, Эва задумала поразить всех – и два года спустя выписала для торжественного бала невообразимое платье от Диора, самое роскошное из всех, какие когда-либо видел Буэнос-Айрес. Простите, что я останавливаюсь на подробностях, понятным только женщинам. Но сама Эва не раз говорила: “Я разобью их на их же поле, это будет война нарядов”...» [Поссе, 2005: 184]. «Я потребовала платье, чтобы поднять себе настроение... Эва царила в этом дворце чудес в деловых костюмах, заказанных в самых элегантных домах моды Буэнос-Айреса и Парижа. Чудесные шляпки, драгоценности от Рикьярди...» [Поссе, 2005].

Согласимся, внимательное чтение обогащает нас, придаёт ещё одно измерение пресловутым минутам, проведенным перед зеркалом. Вместе с тем чтение этого романа обогащает незаметно и наш стиль (на протяжении всех трёх книг чередуются повествования от 1-го лица и от 3-го лица). Стилистически интересный ход был представлен!

Любое чтение вообще напоминает геологическую разведку. *«Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!»*. Так князь Мышкин сказал умирающему от чахотки Ипполиту во время прелестного летнего праздника. Всего лишь одна фраза из романа, но ведь ценная. А вот из другого романа того же автора, отец говорит сыну своему Алеше Карамазову:

«А я тебя буду ждать: ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил, мальчик ты мой милый, я ведь чувствую же это, не могу же я это не чувствовать!...» «Нечто в этом роде случилось с Федором Павловичем и по приезде

Алеша. Алеша «пронзил его сердце» тем, что «жил, всё видел и ничего не осудил». Мало того, принес с собою небывалую вещь: совершенное отсутствие презрения к нему, старику, напротив – всегдашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушную привязанность к нему, столь мало её заслужившему.

И ещё приведём цитату из романа: «...Мой старец сказал один раз: за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах...». Утешает нас, поддерживает в минуту трудную?

Представим список цитат с выделением в них главной идеи.

И поставив обратно на полку Эдгара По, я ушёл успокоенный. Будет ли книга прочитана, важно для её читателей. **А для самой книги важно быть написанной** [Эпштейн 2013: 232]. Человеку невозможно без ласки, и её всегда не хватает и будет не хватать, потому что **потребность в ласке всегда больше любой ласки** [Шишкин 2011: 230]. К будущему, оказывается, надо готовиться. Как? **Искать контакт с теми, кто рядом**. <...> Отсутствие контакта с ближними – нонсенс, вроде рояля, от которого утерян ключ. Невозможен диалог – и всё обесмысливается [Шапиро, 2013: 145–146]. Нам нужно не забыть между делами: / мы тоже бабочки с прекрасными крылами, / за нами вслед встают – неясные пока / – **поэты – шелкопряды языка...** (Светлана Кекова. Любовь не слаще мёда и вина). Но мать вдруг вздохнула протяжно и мне вдруг пришло в голову, что здесь всё равно ничего не поделаешь – **сломать можно не отдельно эту систему мыслей, а только самого человека вместе с ней**.

Продолжим перечень цитат, но теперь с указанием на возможное их использование.

Цитата для самоподдержки и самоуспокоения: *Просто мы на крыльях носим / То, что носят на руках* (Б. Окуджава).

Для переживания разлуки с любимым: *Люби меня, припоминай и плачь. / Все плачущие не равны ль пред Богом? / Прощай, прощай! Меня ведёт палач / По голубым предутренним дорогам* (А. Ахматова).

Для переживания любви: *Приди, о ночь! Приди, о мой Ромео! Мой день в ночи, блесни на крыльях мрака белей, чем снег на ворона крыле. Ночь кроткая, о ласковая ночь, ночь темноокая, дай мне Ромео! Когда же он умрёт, возьми его и раздробь на маленькие звезды. Тогда он лик небес так озарит, что мир влюбиться должен будет в ночь и перестанет поклоняться солнцу* (В. Шекспир).

Для переживания измены: *Венчалась Мэри в ночь дождей, / И в ночь дождей я проклял Мэри. / Не мог я отворить дверей, / Возникших между мной и ей, / И я поцеловал те двери* (Г. Табидзе).

Для переживания неприятности: *Поскольку предан я мечтам, то я сижу в тюрьме не весь. / А часть витает где-то там, / И только часть ютится здесь* (И. Губерман).

Для выражения сочувствия близкому человеку: *О рыцарь, что тебя томит? О чём твои печали?* (Дж. Китс).

Для осознания своего «невежества»: *Не знаю – это не да и не нет. Это пространство вариантов, когда может выйти что угодно. Я люблю «не знаю». Из знаю дорога ведёт в одном направлении. Не знаю открывает множество путей. Это как роза ветров. Ветер может подуть в любую сторону* (Ольга Кучкина).

Для осознания сделанной ошибки: *Я тебе по этому поводу скажу: ума, знаешь ли, никому не хватает, никому на свете, а всё дело в том, кто, чем и как этот дефицит компенсирует, какой хитростью, болтовнёй, самомнением, подлостью...* (Сергей Залыгин).

Для осознания пожилого возраста: *Стареть – это прекрасно!* (Кристофер Джонс).

Гуманитарное образование – это идеальная настройка личности на любые задачи, любые препятствия. У нас есть языковые формулы, которые побуждают вести здоровый образ жизни, решать внутрисемейные, весьма драматические проблемы, преодолевать стрессы и их последствия, но эти сокровища надо уметь находить и дарить окружающим. В этом и состоит востребованность и привлекательность филологии. Об уникальности цитатного включения в текст пишут, например, историки:

«Хвала цитате! Логические рассуждения философа историк может изложить яснее и компактнее своими словами. Но подлинные события мысли должны быть представлены в подлиннике. Лишь они одни способны обеспечить реальное присутствие автора и возможность с ним собеседования. Главная задача историка – найти эти вспышки мысли, эти корни мысли, а не отвлекаться на прослеживание подробностей ремесленных разработок» [Соболев, 2000: 170].

Профессионал-психолог не может не опираться на богатства национального языка. Задача филолога-прикладника разыскивать такие богатства.

– *А дети у Вас есть?* (беседую с молодым газовщиком, долго и «трудно» ремонтировавшим колонку). – *Дочь. Это раньше было: много детей... А теперь такая интересная жизнь...* (декабрь 2008 г.). Газовщик интуитивно высказал мысль, о которой мы читали в статьях психологов: эмоционально, то есть для утоления эмоций отцовства и материнства вполне достаточно одного ребенка. Здесь и таится ловушка, о которой мы не подозреваем: лучше больше дать одному, лучше что-то сделать для своего карьерного роста, «лучше меньше да лучше». Фантастикой воспринимаются слова Мариетты Шагинян в опубликованных воспоминаниях «Человек и время» о ее бабушке, подарившей своему супругу два десятка детей, и благодарный отец заказал знакомому писателю написать о своей жене книгу, и эта книга с фотографиями семейства хранится сейчас в литературном музее Еревана.

Цитаты как таковой в последнем отрывке нет, она дана в пересказе, как в следующем отрывке, но ценность её не ослабевает.

Альберт Камю – писатель, объяснивший нам, что секрет счастья скрыт в умении приспособливаться ко всем на свете катастрофам (Иностранная литература, 2002, № 4).

Скажем сильнее: именно в пересказе чужой мысли акцент может быть сделан на будто бы незаметном слове (например: на союзе), но как от этого выигрывает сама мысль:

Тимофеев-Ресовский сказал о Дарвине: «Он был гениальный, но очень умный и очень осторожный человек». Одно только это «но» чего стоит! [Ваншенкин 2002].

Приведем ещё один пример, побуждающий считать ситуацию в планетарном масштабе: Когда Морозова после 25 лет заточения спросили, как он это вынес, узник ответил: «Я сидел не в крепости, а во Вселенной».

В рассказе «Как был куплен лес» Юрий Нагибин писал о графине, любившей композитора П.И. Чайковского и помогавшей ему:

«Дело даже не в том, что семнадцатилетняя девушка отважно и вполне сознательно согласилась разделить судьбу непростого и очень взрослого человека Карла фон Мекка, и не в том даже, что, кроме самой Юлии, она дала жизнь еще десятерым, а в том, сколько любви, сил, заботы, волнений излила она на каждого, не растеряв при этом ничего в собственной личности, собственных, непричастных семье и детям интересах» (Ю. Нагибин).

В этой цитате хорошо подчеркнута обилие материнских дел и забот, которые отнюдь не помешали женщине, графине фон Мекк сохранить своё лицо, свою тайную привязанность к Чайковскому.

«Цитата подобна цикаде. Неумолкаемость ей свойственна». Эти слова принадлежат Осипу Мандельштаму, и они означают, что выписанное будет долго жить и не единожды может пригодиться. Одна и та же цитата хорошо срабатывает в различных ситуациях, и это прекрасно.

«Книга является носителем тайны, можно сказать, все тайны в ней. Хорошая книга, как хорошая лошадь, выведет из любой беды ездока» (Знание – сила, 2007. № 8. С. 114). «Язык богаче, чем любая интуиция. В словах мы способны услышать нечто большее, чем увидеть в вещах. ... Достаточно прочесть стихи истинного поэта, например Рильке, и мы поймём, что язык, как он говорил, раскрывает нас самих себе» [Башляр 2009: 352]. «Времени много создал Уранид, / Только много – не значит бессчетно...» (Нева, 2011, № 4. С.14).

«Вот и всё. Смежили очи гении. / И когда померкли небеса, / Словно в опустевшем помещении / Стали слышны наши голоса. / Тянем, тянем слово залежалое, / Говорим и вяло, и темно. / Как нас чувствуют и как нас жалуют! / Нету их. И всё разрешено» (Д. Самойлов). Это стихотворение написано после смерти Анны Ахматовой, но согласимся: оно шире, гораздо шире этого скорбного события. *«Нету их. И всё разрешено»*. Какие сильные слова!

«Чем рассказывать мне, что в данной вещи хотела дать – я, лучше покажи мне, что сумел от неё взять – ты» (М. Цветаева). «Происходит ломка патриархальной цивилизации, которая существовала веками и выработала свою культуру. Русская литература XIX века во многом патриархальна, и очень многое сейчас прочитывается по-другому» (Павел Басинский).

Цитата может быть проводником главных идей, как например, цитирование ученого XVIII века Иоганна Георга Гамана в научной статье В.Х. Гильманова. Такие слова прочно оседают в памяти читающего текст. «Гаман предвосхитил многие поиски современной герменевтики, исходя в своей теории понимания из необходимости соблюдать строгие и «нежные» правила понимания морали в отношении познаваемого объекта, чтобы не «поранить» святое измерение его инобытийности, инаковости, особой единственности: это – «понятийного смирение», «немое внимание», «глубокое благоговение» и даже самопожертвование» [Гильманов, 2004: 51-52].

А.Н. Лебедев-Любимов приводит высказывание Б. Витиеса о том, что люди имеют способность перенимать готовые мысли и суждения, которые впоследствии оказывают на них же интеллектуальное действие. Данное явление получило название интеллектуальной рецепции, которая, согласно теории, подкрепляется не столько рациональной, сколько эмоциональной рецепцией или стимулами, которые воздействуют на органы чувств [Лебедев-Любимов, 2004: 108]. Нужна цитата в подтверждение? Извольте! «Человек должен нести ответственность за неделанное» (Н.П. Бехтерева).

Цитаты нам необходимы. Во-первых, они **открывают шлюзы любви**. В первую очередь – любви к своей семье: Вот признание в любви самой идее семьи, высказанное А.А. Шахматовым: «Я вообще люблю всякое семейство, люблю эту семейную, блаженную гармонию, обожаю начала, на которых зиждется семья...» [Макаров, 1981].

Или вот ещё одна слабо осознаваемая нами любовь – любовь детей к родителям.

«Любовь материнская, ласка отцовская тысячекратно воспеты, а кто воздал должное прекрасному, воспитывающему нас и обогащающему чувству любви детей к своим родителям? Щедро и безоглядно одаривают они нас тем, чего мы так упорно добиваемся от других людей: верой, надеждой, любовью» [Афанасьева, 1978].

В цитатах можно найти выраженную любовь к дереву: Вот как пишет Марина Цветаева о князе С. Волконском, о его страсти к обычному дереву: «Учитель – прежде всего садовник. И как прав, как зорок к себе Волконский, с его – отродясь – нелюбовью к хозяйству и страстью к дереву. Земля – ради хлеба, дерево – ради неба. Дерево, это псалом природы. Дерево в саду бесполезно, дерева жизнь – славу петь, парк же кн. Волконского равнялся 250 десятинам, – 250 десятин бесполезности, 250 десятин славы Божьей!» [Цветаева, 1991]. А. Ельчанинов записывает в дневнике: «Павел (Флоренский) любил растения с детства с какой-то усиленной нежностью, жалостью и пониманием. Он говорит, что любит их за кротость, за их непосредственную близость с землёй» [Священник Александр Ельчанинов, 1996].

В цитатах есть любовь к незаметным, будто бы домашним вещам, наше внимание иногда приковывают слова, посвящённые самым бытовым предметам, например, настольной лампе: «Настольная лампа. Без неё нет уюта, нет ощущения тепла, нет замкнутости и нет тишины» [Писигин, 2002].

А любовь к могилам? Когда заходит речь о кладбище, о надписях на постаментах (эпитафиях), то у меня из глубины жизни всплывают два слова: тишина и достоинство.

«От кладбища многое идёт. У нас могилы не связывают с воспитанием. А если могилы не уважают, значит, прошлое не уважают, предков. ... Можешь лекцию предложить «О значении кладбищ для человека». – Кладбище – оно для города летопись, исторический мемориал, оно в любом случае ценность...» [Гранин, 1980].

Помимо переживания любви цитаты даруют нам **ощущение веселья**, незлобного юмора.

Разговаривают два эстонца: – Ну, вот, скоро Новый год, хороший праздник! – Да, хороший, это почти как секс! – Да, но всё-таки секс лучше! – Да, но Новый год чаще.

Но всё же, как говорят в фельетонах, «действительность превзошла ожидания».

...Как говорится в добром старом анекдоте: да, но всё-таки!

Прошу прощения: Старый Мазай разболтался в сарае.

Впрочем, это переживание веселья, радости отнюдь не исключение в цепи наших ежедневных усилий. «...Радость глубже скорби. И кажется мне теперь, что душа на одиноком и многоскорбном пути учится различать и выпитывать в себя волны радости, струящиеся от каждой вещи... Бог укрепляет меня не восторгами чрезвычайных посещений – удел избранных, – а тихим светом, излучающимся через неожиданно утончившуюся и ставшую прозрачной оболочку всего окружающего» [Священник Анатолий Жураковский, 1984].

Цитаты нужны, поскольку **открывают нам новое** в общеизвестном, привычном, банальном, приевшемся. Сколько раз мы слышали о В.Г. Белинском «неистовый Виссарион», а оказывается...

Он (Белинский) по поводу каждой повести, которую анализировал, создавал свою повесть, а по поводу поэмы – поэму. Литературоведческие, конечно... Я называю его своим любимым писателем. Не критиком, а писателем: читается, как «Обрыв» или «Три мушкетера». Не оторвёшься. Только ещё гораздо мудрее! Говорят: «Неистовый Виссарион» – и вроде всё. Выказались, изучили! А он тончайший, умнейший. Неистовым был Отелло! ... Хотя «неистовым» его тоже классик назвал. Но ведь они не рассчитывали, что мы каждую их фразу будем бесконечно «обкатывать», заменяя ею собственное мнение» [Алексин, 1986].

А вот тоже о Белинском:

Недавно, прочитав три тома писем Белинского, я увидела, какое огромное место в жизни людей сороковых годов XIX века занимало эпистолярное искусство. Письма делались душевной потребностью, их писали целыми тетрадями, они настолько приближались к профессиональному литературному труду, что почти переходили в особый жанр. Писались они подчас совсем незнакомому человеку... [Шагинян, 1973].

...А те, с которыми он познакомился, не могли объяснить ему, как задуманный сюжет превращается в законченное произведение. Этого не знали даже великие критики. Не знал, например, Белинский, иначе он не написал бы слабую пьесу [Каверин 1983: 10].

В связи с последним примером вспоминаются слова А.И. Солженицына: ...Дар критика редчайший: чувствовать искусство так, как художник, но почему-то не быть художником (Солженицын. Бодался теленок с дубом).

У вас возникло желание заглянуть в том сочинений Белинского? Уже одно такое желание дорогого стоит. Полноте, да только ли про Белинского читаем? Вот цитаты о Стендале.

Статьи Стендаля невозможно читать подряд, абзац за абзацем. Столько незнакомых имен, названий, намеков, цензурных обманов, умолчаний. Зато какие мысли, замечания, анекдоты! Даже подпрыгиваешь от удовольствия... [Конецкий, 1983].

«Не стесняться», «не вычеркивать», «быть самим собой», «сообразовываться со своим состоянием» – вот те императивы, которым Стендаль подчиняет свой стиль и которые заслужили ему репутацию небрежного «манкирующего» стилиста [Эпштейн. Парадоксы новизны].

Захотелось перечитать, проверить справедливость цитат о Стендале, не правда ли?

Россию отнюдь не случайно называют литературоцентричной страной. Буквально каждое событие, каждый факт жизни вызывает в памяти цитатные слои. И мы вновь возвращаемся к событию, факту уже с высоты птичьего полета. Так, мы не замечали, как важен в коллективе буквально каждый человек. А цитата нас этому учит.

Дух коллектива – это нечто плохо определяемое, легко уязвимое, как экология тундры или пустыни. В пустыне вырой один куст – и образуется «язва выдувания». Так и в хорошем коллективе... [Грекова, 2011: 299].

Иногда благодаря цитате мы узнаем о некогда известных идеях, например: про Григория Нисского (около 335 – около 349), развивающего теорию сфрагидации – наложения душою знаков на вещество. Или из другой работы: *Принцип эктропии* – теоретически созидательной деятельности

логоса – противостоит принципу энтропии – хаосу как всеобщему уравниванию и разрушению, или идея *эквивинальности развития* (тождественности, одинаковости) (Знание – сила, 1992, № 9).

Сколько всегда споров о справедливости, а у И.А. Ильина читаем:

Напротив, справедлив человек тогда, когда ему удаётся обходиться *неодинаково с неодинаковыми людьми*, и притом – *соответственно их неодинаковости*. Справедливость требует индивидуализированного подхода к человеку, личного учёта, приспособления; справедливость не отвлечённа и не механична – она *художественна и любовна*, она старается верно (предметно) рассмотреть каждого человека и указать ему в жизни верную (предметную) сферу свободы и права. / Итак, справедливость требует не «равенства», а предметного неравенства [Ильин, 1991: 81].

Нам не приходилось сопоставлять концепт «страдание» с концептом «смысл», тогда как у Н.А. Бердяева читаем:

Только христианство учит тому, что страдание выносимо и имеет смысл. Страдание было бы невыносимо, если бы оно было бессмысленно. Но смысл делает страдание выносимым [Бердяев, 1992: 100].

Далее, не раз приходилось нам собирать родословные, накоплен уже большой фонд их, и потому признание Ральфа Эмерсона показалось замечательно справедливым.

Американский философ и историк Ральф Эмерсон утверждал: «Истории нет. Есть биографии». Мысль, конечно, крайняя, но в ней – большая правда (Наука и жизнь, 2004. № 10).

Иногда новое знание нам открывает глаза на давно вроде бы известные вещи, о которых мы не задумывались.

В талмуде есть мудрое изречение: «Приучай уста твои говорить как можно чаще: я не знаю». «...Вы отмечаете, что нет ни одного полного химического анализа животного организма. Сюда бы следовало добавить ещё, что в какую область ни ткнёшься, на первых же шагах оказывается, что самые простые и самые насущные необходимые явления вовсе не изучены систематически, а имеются лишь разрозненные обрывки, разболтанные в произвольных схемах. В результате всё то, что действительно существует, что всячески для нас важно, полупризнаётся или вовсе не признаётся» (письмо Флоренского Вернадскому от 21 сентября 1929 года).

Есть на Востоке хорошая пословица: прочти сто книг, а напиши одну. Но напиши такую, чтобы в сто прочитанных народ уже носа своего не совал, а читал бы только твою. И не просто читал, а зачитывался (Вавилов Н.И. Научное наследство. Том X. Из эпистолярного наследия. М.: Наука, 1987).

Тексты, которые мы пишем, когда стараемся, куда лучше нас (Саша Соколов // Российская газета, 2 марта 1991 года).

Новое знание, например, о связи Никколо Паганини и Чайковского мы получили на небольшой «лекции» перед концертом в Коренной пустыни. Вот запись этих важных для нас слов:

«Никколо Паганини и Чайковский. Паганини в истории был несколько опорочен, он претерпел обвинения в безрелигиозности, безнравственности. Но нам удалось читать его дневники. И его романтические традиции продолжил у нас Чайковский, но он переложил это на православную почву».

Новое знание может распространяться на будто бы хорошо знакомые вещи, например, на сюиту.

В музыке есть одна замечательная форма (она есть и в литературе), где кульминации вообще нет, а есть то, что в математике именуется «дурной бесконечностью», – сюита. Последовательно проходит ряд образов, картинок, событий на одну тему, а иногда вовсе без общей темы, а цепью отдельных темок – сюита, следование. Но сюиты не переживаются как симфонии, сонаты, где единая тема выносится на гребнях многокрасочного её развития, в узле кульминации, воспринимаемой всем нашим организмом как целое, главное. Можно запутаться в материале своего искусства и жизни, переборщить в накоплении этого материала, и тогда переборщение не создаст законченного кристалла, не сцепится в узел, не соединится, не удастся как целое, а в лучшем случае кусочками уляжется в сюиту, где главная тема расплывается в своем материале, уйдёт в него, как вода в песок. И надо помнить, что материал искусства всегда – бежит от конца, не хочет окончиться, и чем его больше, тем сильнее... (М. Шагинян).

Или вот так: сколько мы путешествовали по нашей стране, но никогда не соотносили нашу необъятную страну со всем миром, как это сделано в рассказе Виктории Токаревой.

Объехать нашу страну – все равно, что путешествовать по всему миру. Каждая союзная республика имеет свой аналог: Молдавия – Италия, та же языковая группа. Грузия – Испания, Азербайджан – Турция (В. Токарева).

Похожая мысль встречается в другом тексте, у Льва Аннинского:

Читать литовца – значит читать католика, читать украинца – очень часто читать униата, читать азербайджанца – читать шиита, а узбек – это всегда суннит (Книжное обозрение, № 17, 24 апреля 2000).

Нет, здесь рано, рано ставить точку. Цитаты обогащают нас новым знанием, и конца этому не видно.

Дело в том, что будущее изменяет прошлое (не трактовку прошлого, а само прошлое) <...> «Исподтишка меняются портреты» – не поэтический парадокс, а источниковедческая реальность. Мы все прекрасно знаем, что портреты меняются. И это нельзя свести к тому, что меняемся мы (изменение субъекта) – меняется память, в том числе и память народа, а реальность памяти – реальность истории [Лотман, 2004: 136].

Ведь известно же нам, что многие великие люди страдали такими свойствами, которые несовместимы со здравым смыслом, – например, страстью к положительному труду. Менделеев работал даже во сне, Петр Чайковский только во сне и не сочинял, Лев Толстой оставил после себя девяносто с лишним томов шедевров, Саврасов бесконечно воспроизводил в красках прилёт грачей [Пьецух, 1999].

И вдобавок: с жизнью надо обращаться, как с женщиной. Разве не следует перед ней преклоняться, разве не следует ей потакать? Уступай жизни, уступай, дай ей тебя одолеть... [Гамсун, 2002: 41].

Новое знание касается и **уточнения методологии исследования**. Приведём некоторые цитаты. Парадоксально звучит буквально каждая, но ведь и справедливо:

На самом деле «Занимательную ботанику» написал физик Александр Васильевич Цингер. В двадцатые годы он поехал лечиться за границу и там, будучи больным, занялся любимым делом – ботаникой. Мне уже несколько раз встречались случаи подобного рода. Николай Владимирович Смирнов, академик математик, причем блестящий математик, говорил мне, что тайная его страсть – музыка, что всю жизнь он мечтал стать музыкантом. Примерно то же было и с Александром Васильевичем Цингером – любовь к ботанике жила в нем с детства. Можно подумать, что любовь – это одно, а способности – другое и им необязательно совпадать. Возможно, двойственное это чувство перешло к нему от отца – математика и почетного доктора ботаники [Гранин, 1987].

Мало кто знает, что Джоанна пишет всю серию о Гарри Поттере одновременно, помимо работы над текущим текстом, делая записи и пометки для будущих книг [Смит: 2003].

Вдобавок, хотя он – с полным на то основанием – верил в себя, он все-таки старался не слишком себе доверять и не слишком быстро с самим собой соглашаться, зная, как слова, изобретаемые нашим умом, порой услужливо вводят нас в заблуждение [Паж <https://>].

Идея вскочить на коня задом наперед преобразует и древние, и кросс-культурные убеждения, парадигмы, мастерство и метамастерство таким образом, что мы, к нашему восхищению, находим решение там, где их никогда не принято было искать [Минделл, 1999: 219].

«Мне повезло, – упрямо повторяет Г.П. Гладышев, – я рано понял, что нельзя всю жизнь работать на одну тематику. Мир так не живёт. Настоящего исследователя интересует всё. Человеческая любознательность не имеет границ. Разве можно запретить себе думать? (Вот занимайся полимеризацией, а дальше не смей). Нет, конечно. Задача лишь в том, чтобы выбрать что-то конкретное, решить в рамках возможного, а потом взяться за другое» [Знание – сила, 1993, № 9. С. 20].

По свидетельству А.А. Чижевского, К.Э. Циолковский говорил ему, что будущим людям понадобятся все виды знания – «все науки, религии, верования, техника, словом, все возможности, и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы – ещё злостные невежды – данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира» [Циолковский, 1986: 425].

Как видим, общее в науке и религии – опыт. Многие церковнослужители были великими учеными: каноник Коперник (1543), аббат Мендель (1884), Священник Павел Флоренский (1937), святой митрополит Иннокентий Вениаминов (1879), архиепископ Лука Войно-Ясенецкий (1961), патер В. Шмидт (1954), аббат Леметр (1966) и др. [Пространство..., 1999: 603].

Боже мой, думал Георгий Андреевич, в этом возрасте меня невозможно было оторвать от книги! Более того, он был уверен, что его успехи в физике каким-то таинственным образом

связаны с прочитанными и любимыми книгами. Занимаясь физикой, он заряжал себя азартом вдохновения, который охватывал его при чтении. А ведь счастье этого состояния он испытал до физики. Книга была первична [Искандер, 1996: 8].

Она сама воспитывала свой вкус путём проб и ошибок, покупая и прослушивая самые разные записи. Одним из её любимых произведений стала соната для фортепиано «Аппассионата» Бетховена, и она постоянно слушала её, когда работала секретарем-машинисткой [Смит, 2003]. *Это об авторе детского бестселлера Джоанне Роулинг.*

Стараясь изменить какой-то отдельный город, повернуть его развитие в желаемом направлении, будем помнить, что он связан с другими городами. С распложенными рядом – сильнее, с более отдалёнными – несколько слабее. Но в конечном счете есть связь со всеми городами. Система есть система. Она ещё и гомеостазом обладает, то есть способностью к саморегулированию. Вот и возникают зачастую очень неожиданные следствия, которые могут оказаться гораздо более значимыми, чем те изменения, которые мы предполагали внести [Шупер, Валесян, 1995].

В последнее время было показано, что наибольшей прочностью обладают, с одной стороны, бездефектные кристаллы, а с другой – кристаллы с максимальным количеством дефектов [Камышанченко, 1988: 6].

Речь здесь будто бы о самом разном: о роли художественной литературы и религии, об осторожности доверять словам и о желании менять занятия, о записях, важных на будущее, и о таинстве нахождения решения, о роли мигрантов и роли максимального количества дефектов в кристалле. Но ведь и это ещё не всё.

Цитаты нужны для **углубленного понимания** будто бы известного ранее. Он ввёл образ вертикального человека – стоящего и бодрствующего, не спящего. «Поэтому, скажем, в евангелическом образе спящих апостолов (когда Христос обращался к ним с просьбой: “Хоть сейчас не спите, побудьте со мной”) не содержится ничего психологически порицаемого в адрес самих апостолов, здесь просто описывается удел человеческий. Все мы засыпаем. Но одновременно этот образ указывает и на те моменты, когда у нас может быть мысль, а именно: когда мы бодрствуем во всем составе своего существа и напряжения всех доступных нам сил» [Мамардашвили, 2000: 209].

Мы воспринимали мысль Христа как упрек, а оказалось, что здесь на порядок глубже: сказанное относится и к апостолам тоже, и вообще надо стремиться бодрствовать чаще, чем мы привыкли.

А вот разговор о правилах. «Недавно я понял, чем мне мил девятнадцатый век, во всяком случае его начало: были правила – везде и всюду. Правила хорошего тона, дуэльный кодекс, правила поведения на балу, танцевальные правила, купеческое слово, кодекс ремесленников – у всех сословий и слоёв были свои законы, и ты всегда знал, как себя вести. Понятно, что надо было их выучить и выполнять. А что делать теперь? / Невероятно тяжело продолжать выполнять какие-то правила, когда все вокруг этого не делают» [Семёнов, 1998: 5].

Мы не задумывались, что в прошлом было больше порядка, что правила работали, а оказалось, что нам теперь надо регулировать свое поведение, несмотря на постоянные протесты окружающих лиц.

Цитаты нужны **для подтверждения нашей мысли**, которая и не нуждается в новом подтверждении, однако встреча с таким текстом бывает радостной.

Не дать жить новому существу, отказаться от собственнического продолжения? ...Не потому ли почти у всех народов почиталось это смертным грехом, что сим решением отнимается у рода-племени не только надежда на будущее, но и перечёркивается его прошлое! [Афанасьева, 1978].

Известно, что в жизни (и в истории) большую роль играют так называемые нечаянности. Природа (творческие её силы) любит как бы удивлять человека, видеть его удивленное лицо. Поэтому чего мы особенно сильно ожидаем, или желаем, очень часто, до странности часто, не исполняется (В.В. Розанов).

Бедность, как и вся сфера культуры, здравоохранения и фундаментальной науки, нуждается в защите. Но сегодня в ней не в меньшей степени нуждается статус «сильных» от подозрений в алчности, зависти агрессивно-послушного большинства, от бюрократических пут [Смирнова, 1992].

Священство – единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной и где ты все время живешь «всерьёз» [Священник Александр Ельчанинов, 1996: 25].

Более того, в ряде городов мы увидели, что мигранты – те, кто для социолога всегда были как бы заведомым негативом, чаще всего несут в себе наибольший культурный заряд и наибольшую привязанность к месту. Они приносят с собой опыт из других регионов, они часто становятся наиболее яростными сторонниками развития этого места [Глазычев, 1995: 48].

Как правило, период физиологической неофилии сменяется возрождением любви к наследию. Это может происходить очень постепенно; большинство из нас – пожилых – может засвидетельствовать, что в шестьдесят лет гораздо выше ценишь многие взгляды своего отца, чем в восемнадцать. А. Мичерлих удачно назвал это явление «поздним послушанием» [Mitscherlich, 1953; Лоренц, 1992: 47].

Мама никак не успокоится. Зачем это вообще? К друзьям нужно просто так приезжать. Без ничего! Чтоб друзья тебя просто так любили, какая ты есть. Раньше подарков не носили друг другу. Только – в праздник. А теперь пошла мода! Все что-то ташат. Зачем? Ах, без этого уже, видите ли, неловко. И самому, значит, надо уже обязательно тащить? Только с подарком? [Журавлёва, 1982].

Цитаты дают **знания, которые мы пропускаем в книгах**, но которые почему-то потом, оказывается, для нас важны. Например, знания о Ясной Поляне и о хозяйке её, Софье Андреевне Толстой.

Ясная Поляна жила по строгому распорядку. «В девять часов утра пили кофе, в час дня завтракали, в 6 часов обедали и в 9 часов пили чай» [Солоухин, 1986: 44]. «Мать, Софья Андреевна, и в глазах детей, и тем более в глазах светских дам была великой

труженицей. Огромная семья, сложное хозяйство, ежедневное переписывание рукописей мужа, ведение его издательских дел, а ещё и помощь мужу в его просветительской работе, в его сочинениях, потому что ни одна работа Толстого не вышла без её “цензуры”, а “Азбука” сочинялась всем семейством» [Афанасьева, 1978].

Или знание, что домашний труд может доставлять удовольствие, может иметь художественную компоненту.

Когда я был маленьким, то не было никакой нужды в моей помощи, и тем не менее я старался шить, гладить, стирать, готовить, особенно перед праздничными днями и вообще принимать участие в домашних хлопотах. Этими начатками я приобрёл возможность, если надо, обойтись без посторонней помощи, а кроме того ряд тёплых и поэтических воспоминаний. Надо, чтобы домашний труд был не печальной необходимостью, а родом художественного творчества. Что же касается до скучных его моментов, то ведь и в самом высоком творчестве есть много черновой работы; усилия, терпения и самопринуждения, окупающихся результатами (П. Флоренский. Письмо жене от 20 марта 1937 г., Соловки).

В последние годы начали отказываться от письма ручкой, за столом. Каковы последствия этого? «Занятия каллиграфией – превосходное средство, чтобы излечиться от последствий нервных шоков. Этот факт установили гонконгские врачи. Они утверждают, что когда человек старательно выписывает иероглифы, он полностью расслабляется, частота его пульса снижается» [Андреев, 1994: 145].

Мы не сразу обратили внимание на разработку ученых о жизненном расписании [Ежов, 2008: 58–68], но нижеследующая цитата заставила задуматься над этим.

В год замужества моей первой жене было двадцать четыре. Тот самый возраст, когда всё вовремя: любить, становиться матерью, создавать семью и даже разводиться [Попов, 1982].

Продолжим перечень.

Особенно нуждаются в смене впечатлений городские дети, неизбежно отдалённые от природы. ... «Случилось» – это своего рода формула детского восприятия. И день только тогда может считаться интересным, когда что-нибудь «случается». Зато под «случилось» дети подразумевают подчас самые, казалось бы, обыденные с точки зрения взрослого происшествя. ... Дальние поездки, когда каждый день что-нибудь непременно «случается», когда всё внове, дают зарядку на целый год [Глоцер, 1964].

Люди, занятые публичной деятельностью, обязаны следить за тем, как они выглядят со стороны, как входят, выходят, какими видят их. Это становится частью профессии, совершается автоматически, помимо сознания: всё время видеть себя в незримом зеркале – и жесты, и манеры, регулировать тембр голоса. Что в душе у вас – разглядит не каждый, но каждый видит, что на лице [Бакланов, 1981].

О том, что российский школьник не только один из самых грамотных, но и один из самых списывающих в мире, известно всем (Знамя, 1999, № 9).

Нет, наверное, работы труднее, чем работа в паре, очень тяжело идти со своим супругом по жизни рука об руку, не взваливая себе на плечи больше того, чем можешь нести, и не отдавая ему без конца свою ношу. Нет больше науки, чем наука сотворчества, радости, чем радость от совместного созидания. Нет более тонкого равновесия, чем равновесие двоих, когда надо научиться и брать, и отдавать, и переключаться с одного на другое, и делать всё это вовремя [Седакова, 1998: 49].

Цитаты нужны ещё и потому, что **позволяют сопоставлять слова**, например: слово «ум» и слово «уважение».

...Ум – это некое полное и абсолютное уважение к тому, что ты видишь. Полное и абсолютное уважение, не оставляющее никакого места для вольных интерпретаций [Мамардашвили, 2000: 176].

Бывает и так, что одно только слово в цитате оказывает сильное впечатление, например, слово «усталость».

...Старших нужно уважать. Нужно принимать во внимание их мудрость и их усталость [Загребельный, 1980].

В цитате могут быть противопоставлены слова «неприятность» и «беда». «Версия внешне проста: человек больше боится неприятности, чем беды. Это легко заметить даже внешне: от неприятностей бытового уровня человек сильно пасмурнеет, становится раздражителен и некрасиво зол, когда же приходит БЕДА, он выглядит достойно, подчас даже прекрасно в своем горе...» [Слаповский, 1999: 316–317].

В рассказе Виктории Токаревой остро звучат слова: «в первый раз». А ведь мы и не задумывались об этом, не правда ли?

Паша вдруг почувствовал, что стул под ним сдвинулся в сторону и поплыл. Такое случилось в первый раз, но районный врач сказал, что всё бывает в первый раз. Нужен отдых, нужен отпуск... (Токарева. Паша и Павлуша).

Цитаты нужны как **материал для опровержения**.

С этой точки зрения неосновательными выглядят опасения польского философа и писателя-фантаста С. Лема, утверждавшего в своей знаменитой книге «Сумма технологий», что мы рискуем безвозвратно потерять нечто фундаментально важное, если не будем развивать сразу все отрасли науки по всему её периметру [Знание – сила, 1997, № 12. С. 67].

Интересная мысль, но ведь Станислав Лем прав, и мы стоим на стороне писателя-фантаста, не правда ли?

Эксперты обладают специальными навыками, но преследуют свои интересы и цели. И то, и другое ограничивает их опыт. Они – профессиональные редуционисты. Экспертное знание отражает неполноту экспертного опыта. И было бы глупо рассматривать его как истинное. Адаптация экспертных идей к ценностям

общества – это задача суперэкспертов, а именно философов. У них есть чувство перспективы, а кроме того, они знают, что вредит, а что идёт на пользу людям [Фейрабенд, 1993: 46-48].

Это самое опровержение может быть внутренним, касающимся традиционно опороченных фигур, таких, как А.Х. Бенкендорф, который писал Пушкину: «Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» (Новый мир, 2000, № 3).

Константин Победоносцев, Алексей Аракчеев, Дмитрий Толстой – эти имена давно и прочно стали опозоренными, даже забытыми, между тем...

Заслугой Константина Петровича Победоносцева была реформа начальной народной школы. Победоносцев покрыл Россию, самую отдалённую, глухую, сетью церковно-приходских училищ.

Аракчеев соединил деревни узкими шоссейными дорогами.

Классическая гимназия с двумя мертвыми языками... Министр Дмитрий Андреевич Толстой считал, что «Изучение мертвого языка трудно, поэтому крайне необходимо». Нет, не просто труд, а такая усердная последовательность, какой не даёт никакой другой предмет, в особенности новейшие языки. Перевод с них доступен любому верхогляду. А при легковесности, лени, которые свойственны русскому человеку, при стремлении к нелепому подражательству нужен такой язык, который бы не имел ничего общего с шаткой действительностью, вел к устоям и вырабатывал у учащихся привычку к основательности и незаемному мышлению. «Его система вела наверх, в высшие этажи власти – власти аристократов. Но каких? Аристократов ума (браво, браво!), аристократов знания (браво, браво!), аристократов труда... (Знание – сила, 1995, № 4. С.96-97).

Дополним статью. Аракчеев «собрал одну из лучших в России библиотек, выписывал практически все научные журналы того времени, а в руководимых им военных поселениях завел даже институт по подготовке учителей. А природные способности и таланты военного министра, который долго считался одиозной фигурой, стали залогом победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года». «Активно реформировал русскую артиллерию, стал главным начальником военных поселений (с 1817 г.), а в 1823–24 гг. стал главой т.н. «русской партии» [Аракчеев <https://>].

Во времена Пушкина был ещё один писатель, который канул в Лету забвения, а когда-то был весьма читаемым, это Булгарин. С интересом читаем о нём, читаем и удивляемся собственному незнанию.

Абрам Рейтблат пишет: «То, что писал Булгарин, имело успех, а это случалось не с каждым русским писателем. То, что его роман «Иван Выжигин» на протяжении полутора лет вышел тремя изданиями, – беспрецедентное явление для русской литературы. Ни одна книжка ни до ни после (до конца XIX века) такого успеха не имела: ни у Достоевского, ни у Толстого, ни у Лескова. Этот роман перевели на все (!) основные европейские языки – французский, немецкий, английский, итальянский – и на неосновные: польский, чешский, шведский, испанский и т.д. Естественно, Булгарину очень многие завидовали, и это плохо сказалось на его репутации. Булгарин вел себя нескромно: нападал, вступал в споры и

полемику, не считаясь с авторитетами. С Вяземским он пикировался очень остро – это всё, опять же, любви не вызывало. То, что он получал большие доходы, помимо популярности, – тоже» («Горький», 2018, 17 августа <[http:// gorky.media](http://gorky.media)>).

Неисповедимы пути, это правда, но цитаты помогают преодолевать такое незнание.

Цитаты открывают представителей других национальностей, причём с неизвестной нам стороны.

За 17 лет не было случая, чтобы чукотская мать отказалась от ребёнка. Чукчанки – преданные и смиренные, не борются за главенство в семье, и рядом с чукотской женщиной всякий мужчина чувствует себя королем. ... Древние законы Севера наказывают роженицам молчать, чтобы первый крик Радости был слышнее в бескрайнем безмолвии тундры [Писигин, 2001].

Память рода неистребима. Она, генная память, *у всех людей* неистребима. И Никон помнит, что он мордвин, и Некрасов – что поляк, и Аракчеев – что армянин, и Борис Годунов – что татарин, и Николай Романов – что датчанин [Аннинский, 2006: 286].

«С облегчением Машка выскочила на свежий воздух, присела на лавочку перевести дух и вспомнила выписанные когда-то слова Шопенгауэра. Достала блокнот и сверилась с записью: «Самая дешёвая гордость – это гордость национальная. Она обнаруживает в субъекте недостаток индивидуальных черт, которыми он мог бы гордиться, ведь иначе он не стал бы обращаться к тому, что разделяется кроме него ещё многими миллионами людей. Но убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственное и гордится нацией, к которой он принадлежит, он готов с чувством умиления защищать все её недостатки и глупости» [Умарова, 2017: 39]. Поразительно, что это пишет немец, он же вскрывает причину такого психологического феномена.

Цитаты открывают нам нас самих. Действительно, стоит вчитаться в чей-то текст, и мы ловим себя на мысли, что это действительно так. Мы просто не задумывались о том, что говорится в цитате.

У Блаженного Августина есть замечательная фраза: «Где же ты теперь, моё детство? Ибо не может быть, чтобы тебя нигде не было». С этими же словами мы, может быть, обращаемся ко всему дорогому, ко всему хорошему, что было когда-нибудь в нашей жизни, обращаемся с такой горечью, потому что больше его не видим, и с такой надеждой, что, может быть, когда-нибудь увидим опять [Фудель, 1991].

Не так давно мой одиннадцатилетний сын признался, как он был рад, что долгое время никто в семье не отрицал существования деда Мороза, и как, спрашивая об этом, он боялся, что придётся убедиться в его отсутствии [Спиваковская, 1981].

Интересно, почему по войне тоскуют больше, чем по мирным временам? Суровый аскетизм, мобилизация всех сил для выживания. Вот что запоминается [Поссе, 2005: 211].

Когда что-то приходит к концу, следует помнить, что начинается что-то. Совет полезный, хотя и трудновыполнимый, поскольку известно, что мы теряем, а не что приобретаем (Рудольф Штейнер).

Я вышел из класса, горя так беспросветно, как могут только дети горевать, впервые столкнувшись с большим горем, которого они ни умом, ни душой не могут осилить [Слаповский, 1999: 275].

И, согласимся, бывают весьма грустные открытия: «Не ошибусь, сказав: из каждых десяти писем с родины девять содержали только просьбы, лишь в одном – существенные мысли о России, о сегодняшних бедах её» [Солженицын, 2003: 83].

Цитаты нужны для лучшего **понимания нашего прошлого**, например: гимназии на Васильевском острове, возглавляемой К.И. Маем.

Гимназию К. Мая (1856–1918) окончили 118 великих людей: Рерих, Бруни, А.С. Попов, В. Серов, Елисеев, Лихачев, Л.В. Успенский, дети Римского-Корсакова, Семенова-Тян-Шанского, языковед Фасмер.

Экскурсии за один год (1911–1912):

Морской музей.

Музей императора Александра III

По следам Петра Великого.

По следам Екатерины Второй.

Панорама «Завоевание Кавказа».

Сельскохозяйственный музей.

Исаакиевский собор.

Зоологический музей.

Путиловский завод.

Художественный музей барона А.Л. Штиглица.

Пивоваренный завод Дурдина.

Переселенческая выставка.

Фабрика Чешера.

Общество спасения на водах.

Выставка печати.

А ещё были поездки в пригороды: Дюны, Екатерингоф, Удельный парк, Царское Село, Пулковое (с посещением обсерватории), Красное Село (с посещением бумагоделательной фабрики Печаткина и с участием в празднике древонасаждения).

Путешествия в другие города: Новгород, Псков, Москва.

Библиотека гимназии насчитывала 6080 книг, в том числе 800 книг на немецком, французском, латинском и греческом языке.

Учебный день протекал с 9 до 16, но в субботу и в среду с 8 до 12 часов. Для изучающих древние языки был дополнительный час с 8 до 9 утра. Уроки длились 53 минуты, перемена – 7 минут. С 12 до 13 – большая перемена для завтрака (молоко и булочка сколько хочешь!) и для гимнастических упражнений в течение 30 минут. На перемене поощрялась подвижность [Лихачев, Благово, Белодубровский, 1990].

Мы привели всего один пример, но какой!

Цитаты остро необходимы для богатства текста. Они могут взывать к фольклору, или к чему-либо высокому, или просто к другой манере письма (выделим далее эти моменты!), и тем самым стремятся разнообразить стиль.

А накануне рыбалки снятся такие поклёвки, такие увесистые «чурки» и всякая рыбацкая блажь, чего в реальной жизни не всякий раз удостоишься, исстари ведь известно: **не всё с рыбкой, ино и с репкой**» [Носов, 2003]. «Близость их была столь редкой и полной, выявлялась она и в общности вкусов, и в строе речи, и в тональности юмора. С годами у них даже мимика сделалась похожей, и они обещали к старости стать супругами-попугайчиками. Иногда, по глазам угадав не высказанную ещё мысль, они хором цитировали любимого Бродского: **«Так долго вместе прожили, что вновь второе января пришлось на вторник...»**. Для их особого родства Маша нашла и особое немецкое слово, разыскала его в каком-то учебнике языкознания – *Geschwister*. Ни в одном из известных языков такого слова не было, оно означало «брат и сестра», но в немецкой соединенности таился какой-то дополнительный смысл» [Улицкая, 1999: 227].

Здесь перед нами в цитатах и фольклорный след, и поэтическая строка, и лингвистический изыск.

«Было у меня с Пулином и особое, только наше с ним общение. Когда я немного подрос, он начал со мной заниматься математикой *privatissime*, как он говорил по-латыни. Эти “приватнейшие” уроки, с глазу на глаз, сделали меня тем, кем я впоследствии стал и кем, к сожалению, перестал быть» [Грекова, 1978].

А вот включение в цитату вставных конструкций с будто бы опровержением и слова на немецком языке: «Глубина понимания человеческой природы (это в сказках-то о животных!), отсутствие назидания и сентиментальности (это в сказках-то для детей!), ирония, склонность к *understatement* (преуменьшение, сдержанное высказывание), совершенство языка и стиля» [Демурова, 2006: 195–197]. Такие слова адресуются 24-м сказкам Беатрикс Поттер.

«*Var, Var, верни мне мои легионы*» – фраза Августа стала крылатой. Не отсюда ли пошло слово «варвар»? О, здесь можно прочертить целый спектр использования фразы: от трагедийного до комического, но ведь это и прекрасно?

Приведём ещё пример такого богатства цитирования. «Здесь Розанов – гениален: он великий мастер русской прозы, передающий в своих писаниях все интонации живой разумной речи (что до него удавалось передать одному лишь Аввакуму). Это не только мастерство. Есть особый, высший смысл в розановских писаниях. <...> ...Те восхитительные мелочи жизни, которые Розанов так любил и так хотел (бессознательно) *спасти*, например, тот

«томительно-свистящий вентилятор», который напомнил Василию Васильевичу о вечности... [Иваск, 2001: 431]. Здесь перед нами цитата в цитате про томительно-свистящий вентилятор, но при этом ещё и новое для нас знание про Аввакума, и искреннее желание спасти, именно спасти от забвения «мелочи жизни».

А вот слова самого Розанова:

«Небольшого роста, светлый-светлый блондин, с пробивающимся пушком, золотистыми, слегка вьющимися волосами, как я теперь понимаю, он для меня был **«Аполлон и музы»**. Он сам весь светился любовью к знанию и непрестанно и много читал. Ну а я был **«подмастерье»**. **«Сапожник»** и **«мальчик при нём»**: самое удобное положение и отношение для настоящей выучки. Клянусь, нет лучшей школы, как быть **«мальчиком»**, **«подпаском»** и **«на посылках» у настоящего ученого, у Менделеева или Бутлерова**. Но мне «настоящий ученый» был бы непонятен и, следовательно, не нужен или вреден: а вот Николай Алексеевич Николаев и был то самое, что нужно было и даже что **«Бог послал»** ... Но он сам, я сказал, непрерывно и много читал, и я просто стал читать то же, что он: сперва Белинского, затем Писарева, Бокля, Фохта и проч. Кончив уроки, я шел к его столику и брал из кучки книжек **«что-нибудь неучебное»**. Понимал я? Не понимал? Ну, конечно, фактов, сообщений «науки» я не понимал или понимал это в 1/10 доле, но живым, чутким и (в ту пору) безгранично деятельным умом я схватывал самый центр дела...» [Сукач, 1991: 154].

Мы выделили слова, которые «цепляют», благодаря которым текст играет своими эмоциями, запоминается.

Даже в обычной речи, в семейных записках включение цитаты в текст обогащает его. *Уважаемая Вера Константиновна! / В связи с тем, что мы заигрались, то не вымыли посуду. Просим извинить. Я вас люблю. К чему лукавить? Погрейте, поешьте, сварите, не ждите раньше 3.45 нас. Ich*». Инженер комментировала ситуацию с коронавирусом и вдруг в конце вставляет фразу своей мамы на украинском языке: *«Шо будэ нашему Ваньке: разорвэ – так разорвэ!»* (23.04.20). Мелочь будто бы, а текст заиграл!

И, конечно же, в цитации немаловажное – это **ощущение тайны**. Да, цитация многое открывает в мире, но пасует перед великими, вечными тайнами бытия.

А вот есть вещи, которые являются тайной. Это о них говорил Гете, что постичь эту вещь нельзя одним рассудком, к этому требуется ещё вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта – тайна! Творчество художника, музыканта – тайна! Любовь – тайна! Красота – тайна. ... Тайна – это то, что никогда не может быть полностью

исчерпано только рассудочным, аналитическим путем познания... [о. Мень, 1992: 59]. Им и в голову не приходит, что во все времена гений был и будет тайной за семью печатями (мыслящая материя – это вообще, согласитесь, чудо, а материя, которую может сочинить «Моцарта и Сальери»...). Нам неведома природа гениальности, мы даже не можем дать ей определения, мы просто её узнаем... [Чайковская, 1986: 242].

Но жизнь есть нечто такое, о чём никогда нельзя сказать «вот здесь», то есть точно. Жизнь нельзя назвать, обозначить, локализовать. Про жизнь никогда нельзя сказать конкретно, однозначно, потому что жизнь – это всегда что-то ещё [Мамардашвили, 1992: 102].

– Почему всегда я? – возмутилась Катя. / – Потому, – улыбнулась Ника, и Нора в который раз восхитилась: никаких увещаний, объяснений, доводов [Улицкая, 1999: 80].

Не ведая, что творишь, – это высший восторг кайфа. Черт его знает, может, все наши открытия от этого? От отваги неведения? Десять раз мордой об стол, а на одиннадцатый – таблица Менделеева [Щербакова, 2000: 42].

Решительно ничего так не обнадёживает душу и не освежает ум, как появление новых задач, которые к тому же возникают изнутри, по неизвестным мне самой законам [Фрумкина: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/frumkina/literat.htm>].

Бумажную фигурку она сначала долго рассматривала, а затем спрятала в сумочку. Скорее всего, бабушка Казу хотела изобразить именно тануки, но сообщать об этом всем любопытствующим было совершенно незачем. *Нам, людям*, подумала она, *тайны нужны не меньше, чем правда* [Роббинс, 2005: 104].

[Доцент о картинах Айвазовского:] *Какая-то тайна у этих картин есть! Они светятся. Какая-то тайна Божия. Вот Бог метнул в человека – и это в картине* (11.09.05).

Утрата тайны невосполнима. Но знаешь ли ты, что значит имя «Калипсо»? «Та, что скрывает». Путешественники XX века ищут не разгадок, а загадок, или, на худой конец, приключений на свою голову, чтобы спасти человечество от кошмара всеведения и самодовольства. Над тем же, мой друг, колдуем и мы, добровольно перенесаясь из столицы на край отдалённой глинистой отмели, чтобы оставить на ней отпечатки наших сапог» [Голованов, 2002: 23].

И вдруг, внезапно мы находим в цитатах памятную нам передачу **счастливого ощущения близости**, личной узнаваемости:

«Он молча накрыл своей широкой лапой крошечную, нежную кисть, беззащитно распластанную на деревянной столешнице. Сжал её, и она, словно ожившая птица, перевернулась с брюшка на спину и лапками поскреблась о его ладони. Конечно, всё она понимает» [Николаева 2005: 92]. «Главным счастьем была доброта в янтарных глазах Глеба Евгеньевича, когда он клал свою руку, широкую, тёплую, на мою. Обмен теплом между двумя руками. Между двумя душами» [Грекова, 2011: 173].

А как украшают речь **отрывки из стихотворений!** Не всегда понятные, но поэзия и должна быть слегка загадочной, закрытой, такой, к которой мысль всё возвращается, чтобы понять или хотя бы почувствовать это предпонимание. У Марины Цветаевой читаем:

Что другим не нужно – несите мне:
Всё должно сгореть на моём огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В лёгкий дар моему огню.
Пламень любит лёгкие вещества:
Прошлогодний хворост – венки – слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!

О стихах разговор впереди. А сейчас мы привели большие списки не самых известных цитат, но цитат, способных успокоить, удовлетворить слушателей, да и нам самим при случае можно ориентироваться в этих вещах.

Много сказано, а всё-таки **чего у нас нет?** «У нас до сих пор четко не определен познавательный статус таких форм, как литературно-художественный манифест, кредо, программа, проект. Очевидно, что это самая подлинная и первородная теория литературы, но только повернутая лицом в будущее, творимая по законам воображения. Литература нуждается в таких опережающих теориях – бродильных дрожжах художественного процесса» (М. Эпштейн). Дело в том, что в области науки и техники проектные формы сейчас, что называется, в моде. Даже более того: гранты выдаются под проекты, ещё до получения оптимальных результатов, тогда как в гуманитарной сфере, особенно в области литературы, таких проектов почти нет. Полагаем, что нет жанров, характерных для прошлых эпох: баллад и од, мадригалов и записок путешественников, романов с продолжениями и трактатов, и... и... Продолжите список! Прошлое велико, многокрасочно, и подражать ему трудно. Например: колыбельные песни. А ведь в них вводились и страшные существа, способные успокоить расшалившегося младенца.

Все же нельзя сказать, что Испания безраздельно предана буке. У нас больше любят пугать чем-то реальным. На юге грозят «быком» и «мавританской царицей», в Кастилии «волчицей», а на севере, в Бургосе, буку фантастическим образом заменила «зорька». Точно так же в Германии в одной из самых любимых колыбельных песен поется про овцу, которая «придёт и укусит», – вернейший способ утихомирить малыша [Лорка, 1987: 72].

Афоризмы в контексте и вне

Афоризмы вне контекста. Контекст в помощь афористической мысли. Скрытая афористика. Не искать, а находить. Спор с афоризмом. Правка афоризма.

Мы писали о цитатах, но к цитатам приближаются **афоризмы**, и среди них должен быть проведён пристальный личный отбор. «*Любите книгу – источник знаний*», «*Подлецы – самые строгие судьи*». Ничего нет плохого в этих афоризмах, только их распространённость несколько мешает нам их использовать. «*Слово есть поступок...*» Джон Рескин, «*Слова – тоже поступки*» А. Франс. Мы не утверждаем, что автор брал чужой афоризм, к этой же мысли он мог прийти и сам, но как раз здесь нужен убедительный контекст, раскрывающий красиво сформулированную мысль, почему нам бывает недостаточно афористики вне контекста. Ещё раз подчеркнём: мы не против афоризмов, они могут помочь, очень помочь.

Нежное и ласковое слово слона за ниточку ведёт (Жан Жак Руссо). Чем глубже скорбь, тем ближе Бог (А. Майков). Выигрывая в сочности – проигрываешь в точности (Н. Гумилёв). Заблуждение не покидает нас никогда (И. Гете). Часто пишется – казнь, а читается правильно – песнь (О. Мандельштам). Чины людьми даются, а люди могут обмануться (А.С. Грибоедов). Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды (Э. Хемингуэй). Задача художника – выбить людей из машинальности (А. Арбузов). Люди говорят массу глупостей, а сами так вовсе не думают (Э.-Л. Войнич). Чем больше работы, тем лучше человеку (В.Н. Ажаев). Жить хорошо, а хорошо жить – ещё лучше.

Но по жизни нам, бывает, необходима и несколько иная афористика. Обратимся к этой, «иной» афористике, выделяя в высказываниях наиболее значимые моменты.

Вы мига не тратьте напрасно – / **Часы нам не часто дарует Господь** (Н. Гумилев. Волшебные папиросы). На границе прозы и поэзии расположено поведение. **Если человек не в силах ничего создать, он может подать пример** [Мандельштам, 2002: 14]. **Каждый шедевр несёт в себе нечто таинственное.** В нём есть всегда что-то, что заставляет вас испытывать лёгкое головокружение (Роден). Люди тратили жизнь на то, чтобы вписаться в рамки. / Люди тратили жизнь на то, чтобы вписаться в рамки, не зная, что **настоящий трагедийный путь человека – выпасть из рамок...** (О. Кучкина). Мы не можем, не в состоянии преувеличить значения этого события. Оно величественно и великолепно. Ура, господа! **Всякое дело требует ухаживания** – поухаживаем же за нашей общей радостью! (В. Распутин. Новая профессия). «**Самый опасный – второй шаг!** – предупреждал меня Твардовский. – Первую вещь, как говорят, и дурак напишет. А вот – вторую?» (А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом).

Многие афоризмы работают как внутренний, тайный язык, улучшающий восприятие жизни, поэтому, чтобы их помнить, надо время от времени их повторять.

«Она помолчала немного, потом снова заговорила: – Помнишь, ты как-то сказал, что Элоиза научила тебя не быть жестоким? Так вот Артур научил меня не презирать ни одной живой души. Наверное, **ангелы тем и отличаются: они заставляют людей преобразиться, просто приблизившись к ним.** Но я научилась слишком поздно» [Войнич, 1963: 518].

Где же находить интересные афоризмы? Можно искать афоризмы в специальных сборниках, коих насчитывается немало и в коих афоризмы приводятся ожидаемо. Укажем одну из книг: [Таранов, 2000]. Но настоящий, живой, действенный афоризм прячется в художественном тексте, где он логично вплетён в структуру повествования, подан как необходимый элемент и украшен сугубо разговорными феноменами, что и подчас затрудняет его разглядывание. Это с одной стороны. Но с другой – эти обстоятельства и показывают нам, как и когда лучше употребить понравившееся нам выражение.

А стать личностью – значит играть сольную партию в собственной жизни. Тогда и за последствия отвечать не так обидно (Софья Тарасова). Так вот, война стала в советской литературе метафорой любого экстремального и экзистенциального опыта (И. Кукулин). В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы (Н. Винер). Полезно поразмышлять над ошибками, сделанными великими умами, поскольку они часто имели серьезные основания, чтобы их сделать (Луи де Бройль). Антиэлитарность – одно из наших глубочайших заблуждений. Кроме нас, нет в мире общества, которое не признавало бы, что среди людей есть лучшие. Н. Бердяев в 1918 г. предсказал, что борьба с элитой лучших неизбежно приводит к элите худших (Знание – сила, 1991, № 7). В забвении – тайна вечной молодости. Мы стареем только из-за памяти. Мы слишком мало забываем (Э.М. Ремарк). «Прошлому повезло, оно осуществилось. Будущее всегда несчастно – неизвестно, будет оно или нет» [Алексеев, 1991: 122].

В книгах, статьях немало скрытой афористики, до которой надо ещё додумываться. Но кто знает: может быть, через сколько-то лет она окажется максимально точной, подходящей к месту?

Привить теории вкус к разнообразию, вариативности, соревнованию разных концептуальных и терминологических систем – это и значит открыть для нее мир воображения, тот, который заключен в ней самой... <...> Цель теории – умножение идеальных существований, которые отчасти пересекались бы с наличными фактами, отчасти расходились бы с ними, образуя многомерное пространство возможных миров. Тем самым умножаются степени духовной свободы человека... (М. Эпштейн). Но в искусстве действует совсем другое «на самом деле», чем в жизни (Денис Драгунский). Творчество – это инстинкт. Если угодно, я пишу, чтобы увидеть (Джон Макгахерн). Шанель признавалась: «Любая уроженка стран Запада должна сделать всё возможное,

чтобы понять, что же такое “славянский шарм”. Я была очарована русскими. Их вечное “всё моё – это твоё” просто опьяняет [Бестужева-Лада, 2018: 57]. Но я мог бы сказать! Следи за случаем, Пётр. Следи за случаем, юноша, ибо случай – отец судьбы. ...Взрослость вообще отличается от юношества тем, что стремится все случайности прожитой жизни выстроить в порядок необходимости... ибо случай – зерно причинности, ждущее дальнейшего воплощения [Голованов, 2004: 18, 19]. Облокотись. Прислушайся. Как звучно / Былое время – раковина муз (Набоков. Не родившемуся читателю, 1930 год). ...Мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого (Платон. Цит.по: В.И. Толстых. Сократ и мы. – М.: Политиздат, 1981). Как сказал Керк Дуглас, умная женщина всегда сексуальна [Паж [http](http://)].

Мы поэтому и назвали параграф: афоризмы в контексте и вне, потому что разглядеть такую афористику бывает недосуг, непросто, и тем сильнее она впечатывается в сознание адресата текста. Приведём ещё ряд примеров.

Вера Александровна постучала узкими пальцами по столу. / – Знаешь, как бабушка говорила в таких случаях? **Гость от Бога...** / Шурик пошёл открывать (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик). Но **ругать генералов во время войны нерационально**. Это другая крайность. Простые умы сделают выводы, которые пойдут дальше, чем задано (Л. Тимофеев. Дневник военных лет). ...Поручил ему заведование лаврской типографией, при этом пророчески сказав: **«Будешь управлять лодочкой, а со временем тебе дастся корабль»**. Это на первых прах молодой заведующий [Антоний] показал, каким надлежит быть духовному начальнику. Строгий к самому себе, благий и кроткий к своим подчинённым, он не требовал, чтобы ему служили, а сам был всем слугою (Подъём, 2003, № 5. С. 213). Вообще Чик заметил, что чем слабее умственно человек, тем меньше он чувствует оттенки. **Оттенки – это лакомство умных**, вот что заметил Чик [Искандер, 1983: 306].

Таким образом, параграф неточно назван. Пабло Пикассо говорил: «Я не ищу, я нахожу!». Так и мы. Заглядывая в книгу, читая, перечитывая, мы не ищем афоризмы, мы счастливо их находим!

Женский тип тот же, но в Эле доброта. Доброта – это тоже внешность [Токарева, 1991]. Дано мне тело – что мне делать с ним / Таким единым и таким моим? (О. Мандельштам). Англичане говорят: чем хуже у тебя дела, тем лучше ты должна одеваться (Радио России, февраль 2020 г.). Я повернул зрачки глазами в душу (В. Шекспир). Если ты приобрел имя, совершенно не важно, как тебя зовут (Вернер Мич). Ребёнок – это не просто зеркало. Это зеркало с рентгеном. Просвечивает насквозь [Максимов, 2017: 50]. Ближний есть некий представитель Бога (Радио России, 20.07.2014). ...Монах Василий сказал кому-то за моей спиной: **«Бес боится смирения...»** [Шеваров, 2002: 128]. Бесцельных совпадений нет (Б. Кенжеев). Светло живёт душа в неочевидном мире... (Б. Ахмадулина). Нужно всегда начинать с середины (В. Шкловский).

Посмотрите, как пластично вписан афоризм в текст романа. «В романе Роберта П. Уоррена «Вся королевская рать» главный герой говорит, что

«добро нельзя получить в наследство. Ты должен сделать его из зла... Из зла, – повторил он. – Знаешь, почему? Потому что его больше не из чего сделать...» (Новый мир, 1968, № 9).

Иногда афористическая мысль требует продолжения, раскрытия. **«Но господь любит равновесие. Давая вам одно, он обязательно отнимает другое.** Поэтому поосторожней с просьбами, как знать, чего вы лишитесь, получив богатство и славу» [Донцова, 2004: 212].

– Подходят на улице, глядят, как я рисую, – сказал Кац. – А товарищей нет. **Товарищи украшают жизнь тех, для кого она недостаточно хороша сама по себе.** А мне не нужно ничего украшать, я вполне доволен. У меня есть мир, хлеб и молоко [Маркиш, 2003: 51].

Бывает, что мы и сам афоризм узнаем в чужом пересказе, но суть его от этого не меняется: *Ромен Роллан говорил, что нельзя победить раз и навсегда. Побеждать надо ежедневно* (Литературная газета, 27 июня 1973 г.). Бывает, что нам важнее перестановка в цитате: *«Случай ненадёжен, но щедр»* – любил повторять Натан из Демокрита, но у того: *Случай щедр, но ненадёжен*. Деятельный оптимизм! «Мы верим в удачу, – не одноразовый подарок судьбы, а трудное движение с приливами и отливами...», – объясняет свой оптимизм Натан Эйдельман. «Действительность выше видимости, выше факта. Кажется, тот же Платон считал, что ухо мудрее глаза» [Федоров, 1992: 63].

Расскажем и про собственный опыт работы над словом в процессе перевода. В 2014 году я участвовала в конкурсе стихов, посвященных переводу, и стала одним из трех победителей конкурса за стихотворение «Переводчику».

О том, что непереводаемо,
Молчит строка.
Какими смыслами сладима,
Что так сладка?

Какою бездной – гулкой, грозной –
Рождён твой зык,
Неумолкающий, стозвёздный
Другой язык?

О, перекрестие усердий
Всех толмачей!
Подчас счастливей мы на тверди
Чужих речей...

Я пыталась выразить то уникальное впечатление, которое возникает у поэта, переводящего на свой язык стихи других поэтов. В 2016 году снова был конкурс на лучшее стихотворение, состоящее из

четырёх строк, посвящаемое выдающемуся поэту и переводчику Ашоту Сагратяну, и мне опять повезло, я стала одним из десяти дипломантов конкурса за стих:

*«...А вечным двигателем Зла / присутствие Добра являлось»,
«Достоинство – оружие немногих», «Владея словом, жизни не боятся!» –
Слова Ашота дорогого стоят! Но и чужой язык – он может стать моим,
И благородный рыцарь перевода мне устранил ещё одно незнание...*

Мне хотелось, чтобы афоризмы Ашота Сагратяна проникли в живую жизнь не только азербайджанского народа. Впоследствии, уже вне конкурса, я чуть исправила перевод афоризма: *Владея словом, жизни не боятся* (Ашот Сагратян) – *Тот, кто владеет словом, не боится жизни*. Это уже не строка из стихотворения, это афоризм.

Название произведения тоже бывает актуальным, ведь многие названия становятся афористичными.

«По одному тому, как писатель умеет расставить слова в названии своего собственного произведения, можно судить о том, насколько он умеет обращаться со словом» [Субботин 1986: 166]. «Верно найденное название книги, даже рассказа, – никак не случайно, оно есть – часть души и сути, оно сроднено, и сменить название – уже значит ранить вещь» (А.И. Солженицын).

Вот почему мы согласны с мнением Даниэля Аля о неудачном названии одного рассказа.

«Не может мать не узнать в течение нескольких дней родного сына, даже если он предстанет перед ней в надетом на голову чёрном мешке. Предположим, однако, что такое всё же произошло. И сколько случаев каких только не бывает! Но при чём здесь русский характер? Исключительные случаи могут происходить где угодно и с кем угодно. Но исключительное потому таковым и зовётся, что не является характерным, и, следовательно, ни о каком типичном для данного народа складе характера не свидетельствует. / Короче говоря, я считаю, что заглавие «Русский характер», достойное украшать большой и, если угодно, бескрайний цикл рассказов на эту тему, в данном случае потрачено понапрасну» [Аль, 2007: 90].

Так что будем запоминать встретившиеся нам афоризмы ради своей речи и ради тех, кто нас слушает и, будем надеяться, слышит.

Церковнославянские вставки

Идеальный язык в действии. Отрывки церковнославянского языка в разговорной речи. Пассионарные тексты. Ориентация на другие языки. Полюбить церковнославянский. Заучивание отрывков наизусть. Красота и сложность древнейших языков.

Помимо цитации и находки афоризмов, при внимании к пословицам при работе над собственной речью необходимо и обращение к старинному

церковнославянскому языку (или шире вообще к старинным формам). Редкие, неизвестные «формулы» остро нужны носителям языка. Обычно люди не способны оценить их достоинства до того времени, пока не услышат их из чужих уст. *Бог идеже хоцет, побеждается естества чин.* Загадочно? Но в контексте эти слова приобретают выразительность и силу.

«Бог идеже хоцет, побеждается естества чин. Платоша читал мне вслух Покаянный канон, и мы открыли для себя эти потрясающие слова. Нет, не потрясающие. Это как-то слишком дешёво для них. Слова, полные радости и надежды. Для меня их смысл уже давно очевиден, но так хорошо его выразить я не могла. Я и на Гейгера, конечно, надеюсь – он в медицине не последний человек, но гораздо больше на Того, в Чьих руках и медицина, и Гейгер, и мы с Платошей. / Мы можем получить Его помощь только силой веры в Него, а значит – и силой нашей просьбы. Здесь должны соединиться две вещи: желание выздороветь и вера. И то и другое должен проявлять не только больной, но и его близкие. Близкие, я думаю, даже в большей степени, потому что у них больше сил (они ведь здоровы), а больной подвержен депрессиям [Водолазкин, 2016: 354–355].

Конечно, употреблять цитаты из церковнославянского языка нужно не часто, но сила их от этого только выигрывает. Это могут быть и отрывки из молитв, к которым полезно иногда прислушаться.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Благослови, Бог, милуяй и питаяй нас от юности нашей... да преизобилуем во всякое дело благое. В качестве девиза любого художника, любого творца он (о. Мень) называл строчку псалма: *«Пою Бога моему дондеже есмь»* [Цветочки..., 2017:461]. Монах Василий тихонько пел в храме: *«...Ризу мне подаждь светлу... укрепи мя во благих, хранителю мой, и настави мя чудно к тишине...»* [Шеваров, 2002: 132].

Слова церковнославянского языка несут в себе печать высоких текстов, которых относят к категории пассионарных. «Как в истории, по Льву Гумилеву, появляются пассионарные личности, так и в литературе есть пассионарные книги. Их едва ли больше десятка... По сути, каждая пассионарная книга рассказывает о пришествии в мир Бога в том или ином обличье» [Орбий, 2012: 92]. Заучивание, запоминание, цитирование этих текстов формирует особый строй личности.

«Множеством Славы стерл еси супостаты» – вот метод религиозной борьбы, единственный – уничтожать, «стирать» всё темное в себе обилием, мощностью божественного сияния [Священник Александр Ельчанинов, 1996: 49].

На разработку этой темы нацелил нас проведённый анализ сочинений студентов национального отделения, выходцев из Бухары, преимущественно узбеков и таджиков, которые 7 мая 1991 г. заполняли развёрнутые анкеты *«Языки моей семьи»* с 10-ю пунктами вопросника. *На каком языке говорят в вашей семье? На каком языке вы предпочитаете читать художественную литературу? На каком языке вы разговариваете во сне?* и т. п.

Помимо сохранившихся 72 развёрнутых анкет мы проанализировали также порядка 300 сочинений на тему «Мои дедушка и бабушка» (1987–1991 гг.). Через десятилетия в этих работах бросилось в глаза то, на что в те годы мы не обратили должного внимания. Очень многие респонденты отмечали: дедушка выучил арабский язык, чтобы читать Коран. Несколько реже знание арабского языка (кстати, весьма и весьма сложного, с баснословным богатством словаря!) авторами сочинений и анкет фиксировалось по отношению к бабушкам и папам.

Спрашивается, учим ли мы любовно, заинтересованно, по собственной инициативе церковнославянский язык, чтобы читать знаковые тексты на этом языке, чтобы понимать богослужение? Скорее нет, чем да.

В вузовских курсах гуманитарного профиля учебный предмет «старославянский язык» отнесён к классическим языкам. Будущие филологи, учителя-словесники, историки знакомятся со структурой и особенностями этого, действительно, классического (мы бы даже сказали: идеального!) языка, однако так называемые остаточные знания исчерпываются особенностями старославянизмов, их функциями в тексте и фразеологизмами библейского происхождения.

Значительное число статей, посвящаемых старославянскому языку, содержательно концентрируется также вокруг этих «частностей», знание которых необходимо (кто бы спорил?), но для общей палитры понимания и оценки значимости церковнославянского языка этих сведений явно недостаточно.

Мы не призываем сейчас носителей современного русского языка, прежде всего состоявшихся филологов, припоминать особенности склонений существительных, или такие формы прошедшего времени, как перфект и плюсквамперфект, или многообразие форм будущего времени (в современном русском языке задействованы всего лишь две формы, тогда как раньше их было пять!). Наш посыл лежит в несколько иной плоскости.

Во-первых, это проявление поощрения, уважения к церковнославянским текстам, «обнарождения» некоторых из них. Так, прекрасной инициативой стало размещение на стене второго этажа главного корпуса «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» старинного наставления учащейся молодёжи с сохранением ныне утраченных букв кириллицы: ятя, юса, омеги, ижицы, ера... «Обычный» текст: *С юных лет старайтесь овладевать знаниями...* не вызывал бы должного психологического эффекта.

Во-вторых, в собственную речь, в выступления (впрочем, и в печатные тексты тоже) филологам целесообразно включать, где это уместно, слова из церковнославянского языка, а также при случае раскрывать их, как гениально умел это делать А.С. Пушкин.

Наконец, в-третьих, нужны выученные наизусть тексты, фрагменты текстов. Согласимся, в структуре языковой личности современный русский язык играет всеми красками не в ситуациях приземлённого, обыденного общения, а когда мы читаем наизусть стихотворение Пушкина, или отрывок из «Тараса Бульбы» Гоголя, или басню Крылова, или любимившиеся строфы и строки Есенина, Маяковского, Пастернака. Пусть это будет всего три-четыре небольших текста, но без адаптации, на «настоящем церковнославянском», чтобы воздействие старинного слова было глубоким и сильным. Кстати, так поступала доктор филологических наук С.Г. Шулежкова (г. Магнитогорск), заставляя студентов заучивать отрывки из старославянского языка. Об этом рассказала Светлана Григорьевна в Курске на конференции 10 октября 1984 года.

В советские времена писатели подчас включали в свои произведения цитаты из библейских текстов, и повествование сразу выигрывало. В романе (жанр обозначен как роман в письмах) В. Каверина «Перед зеркалом» читаем: *«Она наудачу раскрыла книгу Морозова: «И не будет в тебе ни звуков играющей арфы, ни поющего голоса, ни трубного гласа, ни музыки тех, что играют на свирелях и других инструментах, – прочитала она. – И не будет в тебе ни художника, ни художества, и шума жерновов уже не будет слышно в тебе». Какие предсказания! «Так будет же», – подумала она упрямо».*

О ценности древнейших языков повествуют и зарубежные деятели. В статье «Влияние Библии короля Иакова на политический язык Авраама Линкольна» Дж. Берджесс напрямую связывает успех выступлений «величайшего публичного теолога Америки» с тем, что они были «насыщены фразами и ритмами Библии короля Иакова». Приводя фрагменты его речи, автор показывает, что при немногочисленности прямых ссылок на Священное Писание ее текст изобилует библейскими аллюзиями... Каждое предложение имеет «библейский тон». Именно библейские интонации и придают речи Линкольна весомость и мощь. И далее говорится о «библейской безграмотности» в современной Америке, об утрате традиции заучивать Священное Писание наизусть [Берджесс, 2013: 238, 241].

Современные американские лингвисты Чамберс и Уилки пишут в «Краткой истории немецкого языка» (1970 г.) о Мартине Лютере: «богатство словаря, меткость идиом, сила и прямота стиля характерны для всех его произведений... Мастерски выполненный перевод Библии... в течение

четырёх последующих столетий более, чем какая-либо другая книга, оказал глубокое и неизгладимое стилистическое воздействие – не говоря уже о его духовном воздействии – на поколения ораторов и писателей вплоть до наших дней... [Прус, 2008: 22].

Итак, старинные слова, строки, «контексты» обладают мощным воздействующим зарядом, потому что оказывается, человеку остро необходим идеальный язык или как минимум образ идеального языка. При всей своей престижности, острой необходимости и распространённости (а, возможно, что именно по этим причинам!) английский язык такую миссию сейчас выполнять не может. Более того, пишут и о том, что употребительность и распространённость английского языка приводит к обеднению и искажению искони присущих языку лексических и грамматических богатств.

Идеал (такова его природа!) почти всегда в прошлом как нечто уже доказавшее свою состоятельность. Церковнославянский язык прекрасно подходит на роль идеального языка. Таким образом, нескончаемые споры о том, на каком языке вести богослужение, будут постепенно нейтрализованы. Однако, как любой идеал, идеальный язык требует работы и заботы, попечения и популяризации, сочетания анализа и... удовольствия от использования. Миссия филолога-прикладника – разыскивать подобные свидетельства ценности церковнославянского слова.

Приведём в качестве примера фрагмент из «Истории русской церкви» митрополита Макария:

Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благотворнейшие как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово [Митрополит Макарий, 1994: 191].

Современный писатель Валентин Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» посвятил церковнославянскому языку проникновенные слова устами мальчика Ивана, открывшего словарь:

Полистав, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь испугнуть: лепота, вельми, верея, чресла, навет, златозарный,

светосиянный... и откинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глухом заточении и никогда не слышавший слов: мама, люблю, дорогой, спасибо, никогда от рождения своего не ведавший ласки и не засыпавший под колыбельную, он бы их тотчас понял и узнал при встрече, потому что он и не жил без них, всё ждал и ждал, когда прикоснётся к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нём мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все эти понятия в Иване были, их надо было только разбудить... «Душу мою озари сияньми невечерними», – пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в восторге и изнеможении [Распутин, 2009: 154–155].

Церковнославянский язык достаточно сложен. «Развитие языка идёт отнюдь не от простого к сложному, скорее как раз наоборот – латынь, санскрит, старославянский, древнегреческий и древнеанглийский обладают гораздо более богатой и сложной структурой, чем современные языки, которые произошли от них» [Петров, Борейко, 2011]. Не менее сложными оказываются и истолкования, например, библеизмов, о чём пишет, в частности, Ек.А. Попова в статье «Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики [Попова Ек. 2004: 112–121].

Разумеется, мы ориентируемся сейчас на прикладные аспекты: поощрение интереса к церковнославянскому языку, цитирование любимившихся выражений, реконструкция некоторых слов в лингвоэтическом аспекте, заучивание наизусть отдельных отрывков из текстов.

Нашего современника и соотечественника церковнославянский язык способен обогатить и укрепить духовно, оснастить новыми смыслами и новой символикой, утолить его голод по идеальному языку, окрыляющему повседневность с её энтропией, динамикой и непредсказуемостью.

Поэтические вкрапления

Поэзия нужна языку. Поэзия добавляет красок этике, науке, она является свидетельством аттрактивности, поэт помогает нам выражать чувства...

Концепт «поэзия» относится к числу наиболее известных среди читающей публики концептов, но, тем не менее, и наиболее уязвимых, позволяющих представить то самое противоречие ощущений, сосредоточенных в этом слове, которое возникает при чтении стихов. Попробуем представить это многообразие определений поэзии, почерпнутых из самых различных источников.

Поведём речь сначала о самих поэтах. «Большая слава делает имя словом. Есенин, Пастернак – как бы уже не фамилии, а слова. Слова, которых до них не было, а у нас есть. Восточная традиция, мешая призвание с лаской, оставляет поэту, как вечному общему ребёнку, лишь его имя, уже без фамилии. Так, в любимой Беллой Ахмадулиной Грузии (или в Грузии, столь любящей Беллу Ахмадулину...) звучат слова-имена Шота, Галактион. Дети нации. Их кличут, зовут: где вы? идите скорей сюда, к нам! скучно без вас...» [Битов, 2007]. Имя поэта – это уже слово. Есенин, Пушкин – это уже не только имена поэтов, это поэтические знаки, но здесь свои сложности, свои игры. Так, Пушкина цитируют, а Баратынского скорее нет, чем да. Имя Баратынского несколько меркнет в пушкинском окружении, хотя это был превосходный поэт.

Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу, и на земле моё
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах. Как знать?
Душа моя окажется
С душой его в сношение,
И как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

(Евгений Баратынский)

Точно также произошло с Есениным и Маяковским. Есенин становится символом поэзии, а Маяковского в США ценят гораздо больше, чем у нас, на его родине. Так что в общем национальном словаре имена самых известных поэтов становятся словами.

Обратимся теперь непосредственно к самой поэзии. Сейчас стихи будто бы не в первом ряду, не в моде, а нам вдруг пришла мысль поговорить о поэзии отдельно, особо, захотелось почувствовать, как они, эти поэтические вставки, лирические изыски украшают речь, делают её запоминающейся, оттеночной, изысканной. Замечательный ученый Александр Афанасьевич Потенбня был глубоко прав, утверждая: «Поэзия не только там, где великие произведения, как электричество не только там, где гроза».

Оставь, и я была как все,
И хуже всех была,
Купалась я в чужой росе,
И пряталась в чужом овсе,
В чужой траве спала.

(Анна Ахматова)

Сколько новых красок придают нашей речи поэтические вкрапления! Заходит ли речь о человеческом смирении, и в это смирение вписываются слова М.В. Ломоносова:

Так Нил смиренно протекает:
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек.

Думаем ли мы об эмигрантах, и сразу же цитируем из «Божественной комедии» Данте:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Поведём ли речь о сроках жизни, и тогда откровением для нас становятся строки Степана Щипачева:

...И краткое тире,
что их соединит,
В какой-то миллиметр
всю жизнь мою вместит.

За столом нелишне припомнить детское стихотворение из Андрея Усачева:

Конфета – это вкусно,
Конфета – это сладко,
Но лучшая конфета –
Большая шоколадка.

Множество стихов можно использовать для юмора, для снятия напряжения: «*Со всех сторон теснят нас злые гады, / Товарищи, мы – в огненном кольце!*» (Демьян Бедный). Прелестен стих, сочиненный ребёнком: «*Дримпопони! / Римпопони! / Едет папа на вагоне. / Молодец паровоз – / Хорошо его довёз!*» [Глоцер, 1964].

Пора признаться в специфике нашего анализа: мы сейчас суммируем те сведения о поэзии, которые накопились в записях прошлых лет. Не предполагая тогда ещё никакой публикации, мы, тем не менее, выписывали эти фрагменты, и поэзия в целом становилась всё шире, всё неохватнее, но уж никак не проще. Поэзия многокрасочна, объёмна, но что ещё таится в ней? «**Поэзия – увеличительная речь.** Как простое стекло путём особой шлифовки (и придания ему особой формы) превращается в линзу и начинает увеличивать, так и человеческая речь путём особой шлифовки (и придания ей особой формы) превращается в увеличительную речь. Это и есть поэзия» [Солоухин, 1981: 40].

О мертвых память нам нужна,
А им – живых под солнцем радость,
Им в Божьей памяти дана
Не отцветающая младость.

(Вячеслав Иванов)

Найти точное определение (младость *непреходящая, не отцветающая*) значит пересмотреть механизм рождения слова,

проникнуть в глубины мышления. Найти точное определение (младость *не отцветающая*) значит пересмотреть механизм рождения слова, проникнуть в глубины мышления.

Когда говорят о поэзии, то на первое место выставляют чувства, будто бы в стихах эти чувства отражаются лучше и глубже, чем в прозе. Вроде бы всё так и есть, однако... «Кстати, Рильке (я вам уже говорил об этом) тоже предупреждал, что стихи – никакие не чувства. Конечно, стихи – не чувства. **Стихи – это органы производства чувств**, когда поэт создал что-то, чтобы испытать. Причём испытать уже чувственно, вполне природно. Но само это испытание природным образом произойти не могло. Создал, чтобы испытать» [Мамардашвили, 2000: 248-249]. Весьма и весьма точное наблюдение: стихи как органы *производства* чувств (*Тогда я начинаю понимать...*). Казалось бы, с чувствами всё понятно. Но почему стихи достаточно часто при этом становятся загадочными, не совсем понятными. Спросим себя, что это: влияние старинных заговоров, мистики, колдовства? Василий Андреевич Жуковский издавал альманах «Für Wenige» «Для немногих».

И здесь уместно привести мнение Евгения Бунимовича, вырисовывающего образ современной поэзии далеко не таким, как он представляется нам, а может быть, как раз и таким, жутковатым. «Она на самом деле не должна быть доступной, потому что те, кому хочется доступности, никогда в жизни не придут на поэтический вечер... Так вот, когда социологи попытались обойти такое шаблонное прямое вопрошание и спросили, а какой у вас образ современной поэзии, то образ оказался следующий. Закрытый город с высокими стенами, с узкими неосвещёнными улицами... **То есть речь о замкнутости, о непонятности**, о чем-то таком, даже враждебности, опасности. С одной стороны – гетто, а с другой – нечто несущее опасность. По этим улицам страшновато ходить, непривычно уж точно, особенно в ситуации нынешнего отношения к искусству как к такому неперемennomu удовольствию» [Бунимович, 2005: 224]. *Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет...* (Александр Блок).

Аргентинский испаноязычный писатель Хорхе Луис Борхес как-то бросил мимоходом крылатую фразу о том, что поэзия таинственна, поскольку никто из читателей до конца не знает, что поэту удалось написать. Но дальше философ, комментирующий эти слова, продолжает свою мысль так: «Текстуальная конструкция, понимаемая символически, есть нечто, посредством чего вносится какой-то порядок в хаос действительности, в хаос впечатлений, чтобы внутри этого порядка извлекался или увиделся какой-то порядок самой действительности» [Мамардашвили 2000: 127]. И у того же Блока находим строки:

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла от века
Несбыточную явь...
Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

(Александр Блок)

И в обычной речи иногда, садясь за письменный стол (теперь, точнее, за компьютер), мы говорим себе словами И. Бродского, взывая к порядку: «*Скрипи, моё перо, мой коготок, мой посох*». Вообще Иосиф Бродский о поэзии писал замечательно точно: «В своей Нобелевской лекции Бродский сказал о поэте, то есть о себе: **«Поэт, повторяю, есть средство существования языка.** Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации. **И. Бродский считал, что поэзия дисциплинирует прозу,** «будучи высшей формой человеческой речи, поэзия не только самый сжатый, но и наиболее конденсируемый способ передачи человеческого опыта; она предлагает наивысшие из возможных стандарты любого лингвистического действия – особенно на бумаге» [Бродский *http*].

Ты забыла деревню, затерянную в болотах
залесенной губернии, где чучел на огородах
отродясь не держат – не те там злаки,
и дорогой тоже все гати да буераки.
Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли,
а как жив, то пьяный сидит в подвале,
либо ладит из спинки нашей кровати что-то,
говорят, калитку, не то ворота.
А зимой там колют дрова и сидят на репе,
и звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
да пустое место, где мы любили.

(Иосиф Бродский)

Поэзия дисциплинирует прозу? Значит, поэзия нужна прозе. Случайно ли, что многие поэты на переломе своего творчества обращались к прозаическим произведениям, будучи подготовленными к ним, их созданию.

«Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки –

посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготая преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал. Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что **стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения.** Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [Бродский *http*]. Замечательные слова, а мы не можем понять, почему многие представители самых различных профессий (врачи и священники, журналисты и работники сельского хозяйства, преподаватели и инженеры) так тянутся к стихосложению. Случайно ли наблюдение А. Немзера: *«Вышѣптывали стихи на лагерных нарах многие»?*

Поэзия должна звучать. К сожалению, сейчас нередко бывает, что праздничные концерты вообще обходятся без стихов. В 20-х годах XX века в Москве, и особенно в Ленинграде, существовали даже специальные организации: институты живого слова, не говоря уже о вечерах поэзии, встречах с поэтами, чтениях стихов наизусть. Здесь есть что-то от молитвы, от колдовства поэзии, с чем хотелось выступающим поделиться. Есть эта потребность и сейчас, только надо её услышать внутренне.

В рамках докторской диссертации И.И. Чумак-Жунь проводила исследование «плюсов» и «минусов» в оценке Гамлета студентами непосредственно, по памяти шекспировского текста, во-первых, и, во-вторых, после чтения одного из стихотворений о Гамлете: «Гамлет», «Офелия в защиту королевы...», «Я – Гамлет. Замирает кровь...». Выбранные стихотворения весьма неоднозначны, они порождают, скорее, стереоэффект оценок. Эксперимент, однако, показал, что в вариантах восприятия, связанных с поэтическим текстом, преобладали положительные оценки образа [Чумак-Жунь, 2009]. Это научное открытие свидетельствует, что чтение стихов делает восприятие более позитивным, настраивает на положительные смыслы.

«Поэзия обладает редкой способностью отчуждать непредметный опыт человеческих чувств, облекать его в слова и возвращать преображённым в поле коммуникации» [Губайловский, 2000: 153]. И стихи можно отыскать такие, которые помогут относиться к соотечественникам как к достойным людям, начиная с членов семьи и кончая руководителями высокого ранга.

В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,
И новости, и неудобства
Они несли как господа.

(Борис Пастернак)

Этический пафос этих строк заставляет их повторять и повторять как путеводную мантру, молитву, как компас, подсказывающий вектор поведения.

Филологу-профессионалу всегда есть что сказать, поскольку в его распоряжении – нет, не «колоссальный объём информации», как сейчас принято говорить, а ценные источники уникальных знаний, о которых мало кто знает, среди них пребывают и поэтические источники. Конечно, в стихах звенят иногда публицистические ноты. *«Знаю, что в слове «до-ро-ги» звенит цена, / – Дорогие нынче дороги!.. И дальше: Но в Державе такой, в Государстве таком / Бездорожье – уже безнравственно* (Роберт Рождественский). Это не устаревшее стихотворение читается сейчас ещё острее, чем в момент «первой встречи» с ним.

«Поэзия возвращает словам множественность смыслов, в противоположность «аналитическому насилию» прозы, которая стремится к однозначности: **«Поэт высвобождает материю слова.** Прозаик её приневоливает». Казалось бы, это новая версия романтических воззрений на язык и поэзию: поэзия как сакральная субстанция, поэтический акт как акт причастия». «Парадоксальным образом, «вырывая слова с корнем» из обыденной речи, поэт возвращает их в непрерывную стихию мифического, священного языка, где они ещё не испорчены утилитарным применением. «Всякий раз, как мы пользуемся словами, мы наносим им вред. А поэт словами не пользуется. Он им служит» [Пас, 2000].

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад»

(Александр Блок)

Причастный Тайнам... здесь речь идёт о священном языке, далёком от утилитарного применения.

Привлекательность, аттрактивность поэзии связана с её парадоксальностью. В двадцатые годы прошлого века (а время было тяжёлое, рушилась страна, возникало нечто новое, неизвестное и посему страшное), так вот в это время вдруг появился интерес к поэзии лёгкой, окрыляющей, мажорной. Об этом писали, но я сошлюсь на свой опыт. Как-то нам предложили поехать в Новооскольскую колонию для несовершеннолетних и выступить там со стихами. Я подготовила стихи о трудностях, предательстве, ошибках, а моя

напарница Татьяна Огурцова – другие стихи. И что же? Стихи Татьяны Огурцовой оказались более востребованы девочками, живущими «за колючей проволокой» и мечтающими (да-да!) о любви, красоте, хорошей жизни.

Бывает, что отдельных строф, строк нам не хватает, и мы запоминаем целые или почти целые стихи. С детства памятен городской парк, с его старинной, сталинской ещё скульптурой, с его качелями-каруселями, и неожиданно мы встречаем стихотворение, и видим в нём себя, и тот парк, и те чувства, которые будто бы были в нас, но не проявлялись до этих строк.

Про те же самые чувства показывало искусство,
Про этот самый парк отдыха, про мальчика на руках.
И бесконечность прошлого, высвеченного тускло,
Очень мешает грядущему обрести размах.

(Борис Рыжий)

Органично вписывается стихотворение в память, выражая всё нерассказанное. Стихотворение должно помниться, быть в сердце: французское «наизусть» буквально значит помнить сердцем: *savoir par cœur*).

«Поэзия – не способ существования, а единственный способ убедить человека, что он мудр и добр, что любить – весело, а лгать – не только подло, но и смертельно скучно» [Каверин, 1983]. Похожая мысль встречается и в научной литературе. «Поэзия в этом плане неисчерпаемый источник смыслов, постоянно меняющий систему координат в эмоционально-ментальном континууме личности: она обуславливает постоянное движение индивидуально-оценочной шкалы...» [Колесникова, 2006: 368].

Несколько лет назад в Белгороде был проведён эксперимент. Студентам второго курса факультета журналистики преподаватель давал стихотворные строки с пропуском слова, и это слово надо было найти. Доцент С.В. Ушакова писала на доске из Есенина: *Не жаль мне лет, растраченных напрасно, / Не жаль души сиреневую ...* И из Пушкина: *Чем меньше женщину мы любим, / тем ... нравимся мы ей*. Студенты, по словам С.В. Ушаковой, не смогли придумать (вспомнить) слово «цветь». Положим, это окказионализм, но в пушкинском отрывке они, не задумываясь, вставляли «больше», *больше нравимся!* Когнитивно они ориентировались на антонимы: *меньше – больше*, тогда как Пушкин тонко уходит от, казалось бы, явной антонимии (*легче нравимся*).

Когда мы говорим, пишем, утверждаем: *тайна поэзии, поэзия таинственна*, то подчас несколько пасуем перед её семантикой. Стихи знают о нас больше, чем мы сами знаем о себе. Когда-то в далеком Вьетнаме я была влюблена, всё шло хорошо, но стихи получались грустными: о свадьбе (не на мне) моего любимого, о сыне (хотя был приговор бездетности), о внуках (*и*

внуки шумные уж на руках повисли). А потом всё, как в стихах, и произошло. Есть сын, есть четыре внука, а Володи уже нет в живых, да и не был он моим мужем, не срослось.

Неисчерпаемый источник смыслов... Как эта, в общем-то, привычная, если не сказать банальная мысль соотносится с другими научными разработками? «Современные ученые, если верить СМИ, провели исследования и доказали, что **чем больше поэзии в сознании человека, тем продуктивней голова работает**. Ученые вводили в кровь человеку особое вещество и давали ему читать стихи. И когда встречалась какая-нибудь необычная метафора или интересная рифма, в мозгу происходил энергетический всплеск. Следовательно, поэзия – вроде бы мощный включатель и активизатор мозга» [Логвинюк, 2006: 205].

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

(Иван Бунин).

Стихотворение было написано 14 июля 1918 года, а читается как свежее, сегодняшнее, не только даже потому, что актуальны смыслы, в нём заключённые, но и по заключенному в нём «интеллектуальному наслаждению». Н.И. Жинкин подчёркивал, что **поэзия является одним из наиболее сильных средств обработки языка**, и объяснял это тем, что продукт такой обработки «подкрепляется интеллектуальным наслаждением» [Жинкин, 1998: 50]. Рене Шар так определял поэзию: поэзия есть реализованная любовь к желанию, оставшемуся желанием.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

(Сергей Есенин)

Однако и это ещё не всё. **Поэзия связана с географией**, почему наши стихи подлиннее японских хокку. **Поэзия связана с историей**, многие исторические события отражаются в поэтической строке, но не только великие события. Поэтическая мозаика в нашей речи тем важнее, что по жизни стихи сейчас не особо востребованы, почему и в изысканной речи они могут быть прелестными вставками. Максим Соколов писал: «Цитатами

больше не пишут. У народа, у языкотворца умер звонкий забулдыга-подмастерье» [Соколов, 2005]. «...Неиспользование современной поэзии в повседневной языковой практике есть худший приговор для поэтов» (Новый мир. 2005, № 10. С. 228). Разве случайно, что **поэзией называют все высшие чувства человека**, далеко не только к другому человеку, но и к предмету (философия, филология), и даже к электронной машине.

...Философия – это тоже «поэзия» в высочайшем и благороднейшем смысле греческого слова... «творить, создавать, делать» [Лоренц, 1992: 35].

«Мало того, есть поэзия в филологии. Любому ученому ведомо, что найти ответ на вопрос – дело важное, но второстепенное; всё начинается с куда более сложной задачи: найти вопрос и поставить его *единственно* верно» (Знамя, 2003, № 12).

«С нежностью посвящается машине, – я запомнил это наизусть, – посвящается машине IBM 650, некогда установленной в Кейсовском технологическом университете, в обществе которой я провёл много приятных вечеров». Это ли не поэзия?! Книга посвящается любимой... Что там Лаура? Машина! Вот предмет обожания» [Семенов, 1986].

Отметим ещё вот что. **Поэзия может быть эффективным средством комического**, во-первых, через поднимание ситуации. *О рыцарь, что тебя томит? О чём твои печали?* Или: *Над шрамом шутит тот, кто не был ранен!* Или: *Что я пожну, когда так страшно сею?* Последние два фрагмента из Шекспира, а первый, про рыцаря, – начало стихотворения Дж. Китса. Во-вторых, через её опускание, низведение, обыгрывание. «Например, ища запропастившуюся куда-то сумочку, [Анна Ахматова] могла сказать из любимого ею «Дяди Власа»: *«Кто снимал рубаишку с пахаря? Крал у нищего суму?* Причём поощряла скорее утилитарное и даже свойское отношение к стихам, чем трепетное, как к священному тексту» [Найман, 2002].

Эта игровая функция стиха напрямую связана с его содержанием. Мы выше писали о сходстве стихотворения с заговором, молитвой, поэтому не случайно существует оптимальный объём стихотворений. Отчасти он обусловлен и протяженностью нашей страны, но только отчасти. «Поэзия не должна утомлять читателя. Затянувшееся стихотворение снимает элемент сакральности его восприятия» (Книжное обозрение, № 50, 11 декабря 2000 г.). **Стихотворение в идеале должно помниться**, оно должно быть в сердце (французское «наизусть» буквально значит помнить сердцем: *savoir par cœur*).

Попробуем, подытоживая сказанное, прочертить перспективы дальнейшего развития поэтического взгляда на мир. Поэзия нужна **языку** (является средством существования языка, имя поэта уже слово, поэзия дисциплинирует прозу). Поэзия добавляет красок **этике** (неисчерпаемый источник смыслов, поведенческое кредо). Без поэзии сложно развиваться **науке** (мощный включатель мозга, порядок, возникающий из хаоса, ускоритель

сознания). Поэзия связана с **аттрактивистикой** (интеллектуальное наслаждение, мена восприятия жизни), с **психологией** (орган производства чувств, любовь к желанию), с **повседневностью** (обыгрывание ситуаций через высокое или смешное). Поэзия сопряжена с **географией** (объем стиха), **историей** (поэзия не только там, где великие произведения), с **когнитивистикой** (увеличительная речь, наименование высших чувств). Наконец, поэзия соотнесена с **религией** (она не пользуется словами, а служит им, поэзия – это тайна, подчас непонятная даже самим её творцам, поэтам). В настоящее время роль поэзии может возрасти, несмотря на многочисленные ситуации будто бы отдаляющие человека от чтения и сочинения стихов.

СОБИРАТЬ ЛИЧНЫЙ ФОНД

Запись, фонд, словарь? Особенности «словаря». Проективная лингвистика. Начинать с Аристотеля. Повторение, повторение... Перечитывать. Способ «подстраивать» язык? Изменить слово – изменить ситуацию!

Говоря о культуре речи, прежде всего, мы должны учесть такое предваряющее, но и обязательное условие, как отказ от многоярусного негатива, которым преисполнена речь окружающих. Это полное, абсолютное табу на использование сквернословия, отказ от грубых, обижающих людей слов и оборотов речи, отход от «унылых слов», мешающих претворению всего того, что заложено самим фактом нашего рождения. Это всё так, но спрашивается, какими словами заменять всё сказанное, чем насытить, насыщать речь, если столь многие слова и обороты запрещены, или нежелательны, или некорректны.

Пушкина сформировал французский язык, впрочем, тогда этим языком владели многие. Обратимся к истории вопроса. Франция ещё в XVII веке отличалась стремлением к пуризму, к обособленности аристократического языка от речи других классов общества. «...Прециозницы стремятся разнообразить жизнь и язык, погружаясь в мир эмоций. Они ведут работу над словом, тщательно выбирают средства выражения для изображения чувственного мира, разум работает для создания эмоциональной картины жизни. Эти цели (например, говорить о любви, не называя её) и определяют выбор прециозницами лексики и конструкций» [Пескова, 2007: 511].

Вот и мы попытались для русских людей XXI века создать материалы для подобного фонда. Среди многочисленных и многовекторных словарей до сих пор не было рабочего словаря в помощь согражданам, работающим над своей речью в плане повышения её элитарной значимости. Конечно же, можно адресовать заинтересованных лиц к известным словарям: к толковым изданиям, к словарям афоризмов, к глоссариям устаревшей лексики, но это не решает

проблемы. Важнее составлять свои собственные фонды, черпая по мере чтения и общения слова и обороты высшего, элитарного класса, которые подходят именно для ежедневных нужд, но поначалу кажутся несколько не от мира сего.

Словарь предполагает нечто завершенное, оконченное, а здесь, подчеркнем это, скорее фонд, а не словарь. Положим, вы выписали всего-навсего одно-два высказывания, и это уже ваш фонд, если при втором, третьем, четвертом прочтении вы вновь возвращаетесь к ним, постепенно вбирая их сердцем, то есть выучивая наизусть. Кстати, повторим. во французском языке «наизусть» и означает буквально: ‘помнить сердцем’. «Фонд» – понятие внежанровое, нам привычнее говорить «словарь», хотя по своему составу это полусловарь, словарь в состоянии развития, словарь как проект.

Здесь можно ориентироваться на четыре принципа сбора информации.

Во-первых, в результате усилий у нас постепенно, понемногу получается, кристаллизуется *рабочий словарь* как заведомо открытый, принципиально неполный, точнее пополняющийся от случая к случаю и не претендующий на публикацию. Это черновик в самом хорошем смысле слова, это *принципиально незавершенный словарь*. Работа над ним продолжается и продолжается, то ускоряясь, то замедляясь, но он нужен нам всегда, хотя подчас мы забываем об этом «словаре», хотя пользуемся его фондами.

Во-вторых, этот словарь является *любительским словарем*. В него могут входить слова и обороты, в большинстве случаев – цитаты и афоризмы, которые нравятся самому создателю словаря, но которыми не владеет большинство сограждан. За рубежом опыт любительского словаря есть, о чем писал Дж. Грин, подчеркивая, что словарь – это еще и самостоятельный текст, в котором отрывки, фразы «остаются моими любимыми». «Я выбрал те строки, фразы и отрывки, которые понравились мне и, надеюсь, понравятся более широкой аудитории» [Jonathon Green, 1982]. Итак, вторая особенность словаря – его любительский характер.

В-третьих, это подчеркнута индивидуальный, личный, в какой-то мере *тайный словарь*. Он не претендует на обнародование, но, однако, может помочь, например, выступить ярче и лучше других выступающих. Мы считаем, что рассказывать о словаре, фонде записей всем и каждому вовсе не обязательно, однако его надо иметь. Будем уважать не только чужие, но и свои тайны.

Наконец, в-четвертых, это *внутренний словарь*, который, с одной стороны, позволит держать себя в жестких рамках, исключая всё то, что запрещено, а с другой – позволит ориентироваться на обилие всего того мощного и прекрасного, что может быть представлено в живой речи. И впоследствии всё это будет однозначно приветствоваться окружающими.

Всё сказанное побуждает само слово «словарь» брать в кавычки. Он как бы есть, но в законченном виде его и нет вовсе: работа над словарём всё продолжается, но без издания, без окончательного закрепления при обильном перечитывании, повторении его фондов.

Лингвистику не случайно упоминают как науку, скорее подчиняющуюся диктату окружения, чем формирующую этот диктат. Об этом хорошо пишет М.Н. Эпштейн, сожалеющий, что гуманитарное знание до сих пор не стало знанием действенным. Цитируем:

«Лингвисты, расширьте словарь и грамматику того языка, который вы изучаете, дополните его новыми концептами и лексемами, попробуйте обосновать новые грамматические конструкции, которые сделали бы мышление более гибким и многомерным. Литературоведы, создайте новое литературное направление, провозгласите какой-нибудь невероятный «-изм», чтобы молодые поэты загорелись новым эстетическим видением!» Шиллер, Гюго, Гете, Золя, А. Белый – всё это не просто теоретики, а проектологи литературы и её новых достижений: классицизма, реализма, романтизма... [Эпштейн, 2012: 59].

Разработка таких «словарей» как раз и нацелена на поддержку внутренних, личных языкотворческих инициатив. На подготовку словаря наталкивало нас требование улучшать свою речь, но при этом общепринятая система подсказок касалась, повторим, скорее запретов, чем подсказок, ориентиров. Известно, что знания агрессивны. Накапливаясь, они порождают реакции поиска новых сведений, новых знаний.

«Стремление все осмыслить равносильно общественному самоубийству, ты уже не можешь, как вольная птица, наслаждаться жизнью, не чувствуя себя одновременно стервятником, раздирающим на части предмет изучения. Мы почти всегда убиваем то, что изучаем, потому что в жизни, как в медицине, подлинное знание невозможно без вскрытия...» (М. Паж). Мы привели столь резкий текст, чтобы показать... предостеречь... впрочем, наше мнение лежит несколько в иной плоскости.

Мы рассмотрели многочисленные составляющие словаря-фонда, всё, что может войти в будущий словарь. Представим здесь ещё одну цитату, характерную для нашего издания. «Там, где образование начиналось с техники ... никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудность мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля, тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями... и расширением человеческой мысли» (Ф.М. Достоевский).

Мы неоднократно упоминали про слово «повторение». Это весьма важное слово в стремлении сделать свою речь интереснее и живее. «Чтобы знания переросли в способности, нужно знать, что воспоминание и повторение забытого так же важно, как пробуждение ото сна» (Франс

Карлгрен). Постоянно поражает то, что тема, всесторонне изученная, при повторении воспринимается на более зрелом уровне. Н.К. Крупская писала о повторениях у детей: «Пока у него есть ощущение роста на известных упражнениях, до тех пор он их охотно повторяет...» [Крупская. Замечания на педологическое введение, том IV: 422].

Чтобы слово или словесная ткань, оборот, выражение вошло в речь да ещё в нужное время в нужном месте, это всё должно быть повторено про себя, пропущено через призму личного приятия и понимания. Вот почему мы и пишем о повторении как об особом статусе выделенных слов и оборотов речи. Но в связи с этим возникает и вопрос: как сберечь всё найденное?

Наш материал упирается в один, можно сказать главный вопрос: как хранить всё это богатство. Конечно, хранить можно по ключевым словам, располагаемым по алфавитному принципу:

Ласка. Потребность в ласке всегда больше любой ласки (М. Шишкин).

Соблаговолить. Не соблаговолите ли вы...

Шрам. Над шрамом шутит тот, кто не был ранен (Шекспир).

Видимо, так хранятся в нашей памяти слова и цитаты, афоризмы и устаревшая лексика. На компьютере тоже удобно собирать факты, пользуясь опцией «алфавит». Но в силу нашей занятости такой подход иногда представляется слишком затратным. И здесь мы должны сделать ещё одно уточнение к сбору материала: этот словарь требует, прежде всего, перечитывания, погружения в него время от времени, тогда он окажется полезным в ходе работы над выступлением или в ходе «случайных» встреч и бесед. Словарь на первых порах может быть проектным, «виртуальным», главное, конечно же, обращаться к его содержанию, вспоминать о его наличии и иногда использовать.

Обратим внимание: ко всем почти высказываниям в предыдущих главах книги даны указания: кто сказал, где опубликовано. И это не случайно. «Заметьте, у нас исчезла олицетворенная наука. Умер последний настоящий глава школы Ю.М. Лотман. Настоящий в том смысле, что его идеи высказывались не под крышей единственно верного учения и даже не под вывеской его школы, но *от себя*. Русская гуманитаристика (в естествознании, может быть, по-другому) задыхается от недостатка олицетворенности и отсебятины» [Царёв, 1994: 114].

Элитарная культура личности означает, что в обществе незримо царит древнейшая мысль: «Язык – венец воспитания». Вернёмся к вопросу в начале параграфа. Да, таких словарей, изданных, адресованных людям, мечтающим сделать свою речь изысканной, красивой, запоминающейся, нет. Но по большому счету они и не нуждаются в обнародовании. Мы

ведём речь о личных словарях – о фондах, собранных с любовью и не оформленных даже как словари. Их нет, но они нужны, очень нужны нашим согражданам.

Можно ли устать от изобилия языка? Как написано у Анатолия Алексина: *...ещё нет усталости, всё стремящейся драматизировать*. Полагаем, что нет и не может быть такой усталости от богатства. Язык открывает нам свои кладовые и тем самым омолаживает нас.

«Мучительное «как бы это сказать?» – только неосознанное: «как бы это додумать?» Поиски слова – доказательство несовершенности мысли, уточните мысль – отточится слово. Так, а не иначе получается формула. – Совершенная мысль не может не быть формулой» [Цветаева, 1991: 174].

В палитре разговора есть ещё одна высота, о которой читаем в воспоминаниях о старцах.

«К примеру, узнав о профессии человека, пастырь может поговорить с плотником – о плотницких работах, со специалистом по информатике – о программировании, с детьми – на детском языке, непременно *используя слова, уже употреблённые* человеком». «На принципе подстройки к языку и ценностному миру другого основывал свою миссионерскую деятельность Апостол Павел. С иудеем он говорил как иудей, с эллинами – как эллин, для того, чтобы и тех и других привести ко Христу. Так поступали и оптинские старцы – Амвросий, Моисей, Варсонофий, Нектарий и другие. «Неподражаемо было искусство отца архимандрита, – читаем в житии оптинского старца Моисея, – говорить с каждым в его тоне: с простыми попросту, с образованными на их языке, а с средними – сообразно с их пониманиями и их образом речи» [Евмений, 2000: 124].

Можно следовать такому совету, хотя это и трудновато бывает. Это уже как бы высший уровень – общаться с человеком на его языке, незаметно подтягивая этот язык.

«В доме, куда мы вошли, он разговаривал с хозяевами, отвечал на их вопросы и шепотом продолжал разговаривать со мной, постоянно переключаясь туда-сюда. Так происходило долго, и тут, взглянув на меня, батюшка сказал: «Пусть вас это не смущает. Я ведь работаю как радиоприемник: одна волна – другая волна. И моментально настраиваюсь» [Цветочки..., 2017: 221].

«Он любил слова апостола Павла «для всех сделаться всем». И не докучал религиозными разговорами тем, кто пришёл к нему поговорить о, скажем, житейских проблемах или о философии. “Когда ко мне приходит новый человек, мне практически все равно, о чём с ним говорить, хоть о собачках”. Наверное, потому, что человек для него был священен независимо от темы» [Цветочки..., 2017: 239].

Согласимся, перед нами разные люди – разные языки, скажем и так: разные пристрастия к чтению.

«Другое дело, что общественное мнение легко обмануть, недаром во времена Пушкина самым читаемым автором был Алексей Кассиров, во времена Гоголя – Марлинский, Толстого – Крестовский, Чехова – Шибышевский, Бунина – Мережковский, Платонова – Бубеннов. Впрочем, для настоящего писателя это не важно, кого больше читают, приключенцев или его» [Пьецух, 1999: 115].

Этот язык надо изучать, во всяком случае, интересоваться им. «Итак, то, что читают игнорируемые специалистами 97 % читателей, надо изучать именно как литературу, а не презирать как «чтиво» ... И нет никаких оснований делать вид, что этой самой другой литературы не существует» [Фрумкина, 1999: 37].

Этот параграф никак не противоречит пафосу всей книги. Да, сначала можно говорить на «его» языке, но потом, незаметно, неуклонно подтягивать чужую речь под свои каноны.

Мы привели множество примеров, цитат, пословиц, которые можно включить в свою речь, постепенно насыщая её и своими находками. Но в заключение хотелось бы поговорить – о самих словах.

Известно, что словом года в 2007 году было «гламур», 2008 – «кризис», 2009 – «перезагрузка», 2010 – «жара / огнеборцы», 2011 – «полиция», 2012 – «Болотная», 2013 – «Госдура», 2014 – «Крымнаш», 2015 – «беженцы», 2016 – «брекзит», 2017 – реновация, 2018 – «новичок», 2019 – пожар, 2020 – «коронавирус»...

Вокруг этих слов вращается всё открытое пространство: СМИ, передачи, разговоры, расспросы, ожидания новостей. Но есть и другие, менее заметные процессы, и мы о них немного поговорим. Речь пойдёт о внимании к словам современной речи, выступающим как невидимый барометр изменяющихся отношений.

В книге Евгений Водолазкина даны два любопытных примера.

«А ты не бросай, перешёл на русский Мефодий, ты не кури. Это разные состояния. Он объяснил Глебу, что бросивший курить всё время думает о том, что он бросил, и это невыносимо. А некурящий, спросил Глеб. А некурящий (Мефодий развёл руками) не курит. Когда Глеб понял, что он некурящий, он действительно перестал курить... Без особых усилий» [Водолазкин, 2019: 155].

Всего-то дел! Замена слова, но каково следствие! *Не курю* и *бросил курить*.

«Словари современного языка в слове *успех* выделяют по преимуществу два значения. Первое определяется как *положительный результат, удачное завершение*, второе – как *общественное признание*. Ни то, ни другое значение не связано с пользой». Почему, возникает вопрос. «Скорее всего, вопросы нравственности

перестали быть в обществе центральными. ... Персональные права, поставленные выше нравственности, превратили современного человека в машину для удовольствий» [Водолазкин, 2019: 172–173].

Моя гостья кандидат наук Елена Юрьевна Литвин 10 марта 2020 года рассказала мне, что, оказывается, такой метод предлагает психолог Тони Роббинс: менять слова! Говорить не *проблема* у меня, а *задача* (задачу всегда можно решить!), не *жадный* человек, а *экономный* (действительно, проступает хорошее качество личности!). То есть надо отыскивать положительное свойство в том, что мы автоматически считаем нехорошим.

Согласимся? Конечно, ведь мы желаем к каждому празднику, помимо здоровья и счастья – успехов, успехов, успехов! Но вот в статье А.М. Цирульникова об адыгейской школе читаем: «Плакат в школьном вестибюле: дерево человечности, от которого исходят ветви – честь, почтительность, разум, мужество. Кодекс адыгско-черкесской чести, а под ним: «Ими гордится наша школа». / Заметим: гордятся не отличниками, не знаменитостями, а не уронившими честь и достоинство. / «Учись у жизни и для жизни», – написано на плакате [Цирульников, 2019: 230].

Никогда не задумывалась, что *успех* может быть тормозом для *нравственности*, но судят нас далеко не только по успехам.

Примеры множатся.

...Сына Димку воспитывала... Не столько, конечно, **воспитывала**, сколько **растила**. Они теперь сами расти не умеют, но и воспитания не признают [Залыгин, 1991: 29].

«Да и кто остановит, нацелит наше внимание, которое торопливо скользит в буднях жизни, ни на чём особенно не задерживаясь! Так, наверное, на судьбе у меня написано – скользить по жизни в поисках эфемерного счастья. <...> В этом моя маленькая хитрость, и я её унесу с собой в могилу. Пусть меня считают умным: мне так проще. Это обо мне, наверное, мудрый сказал: **мы растём, но не зреем**» [Семенов, 1986: 17].

Личностная наполненность вещи. ...Мы говорим «**предмет чего?**»... но «**вещь чья?**» – отца, сына, жены, подруги, приятеля, попутчика... Язык никогда не лжет, и в данном случае он лучше, чем любое теоретическое рассуждение, показывает разницу между предметом и вещью, между принадлежностью одного и того же явления к миру объектов и к миру субъектов [Эпштейн, 1988].

Слово жаждет нашего внимания. Например: разница между словами, такими близкими: *отречение* и *отрешение*. Читаем у Марины Цветаевой:

«Отрешение – вот оно моё, до безумия глаз, до обмирания сердца любимое слово! Не отречение (старой женщины от любви, Наполеона от царства!), в котором всегда горечь, которое всегда скрепя сердце, в котором всегда разрыв, разрез души, не отречение, которое всегда чувствую живой раной, а: отрешение, без свищущего Ч, с нежным замещенным Ш, – шелест монашеской сандалиии о плиты, – отрешение: листья от дерева,

дерева от листвы, естественное, законное распадение того, что уже не нужно, что уже перестало быть насущностью, то есть стало лишней: шелестение истлевших роз» [Цветаева, 1991: 170].

Внимание к слову требует иногда его переосмысления, точнее доосмысливания.

Слово «**понимание**» коварно. Невольно навязывается представление, что это однократный, исчерпывающий акт: понимание представляется как окончательное и безусловное знание. В действительности это путь в бесконечность. Честность заключается в том, чтобы указать степень и направление приближения [Лотман, 1994: 389].

...Всеобщее состояние – обессиленная страна! **Обессиленная** тем, что не делает усилия. А усилие – оно потому и усилие, что усиливает человека [Битов, 2003: 20].

Вы хотите быть услышанным? Тогда можно пользоваться советом Антония Сурожского (1914–2003): «Во-вторых, никогда не говорите *против* своего оппонента, всегда старайтесь найти что-то выше и дальше, – если вы действительно способны видеть более высокие и далёкие духовные горизонты, нежели он, – так, чтобы ему захотелось себя перерастить, и тогда он воспримет то, что вы хотите ему сказать» (Антоний Сурожский).

Талант употребления слова можно продемонстрировать на следующем примере.

«Елизавете Григорьевне Волконской принадлежит один из самых трепетных женских возгласов, спор женщины и одинокого духа, где последнее слово остается – за последним. Она была в дружбе с Владимиром Соловьевым, и вот однажды с ее уст срывается: «Я люблю Соловьева больше чем кого бы то ни было», и тут же, спохватившись: «То есть, конечно, я больше всех люблю вас, детей моих, но **для приволья души моей...**» [Цветаева, 1991].

Omnia praeclara rara. Все прекрасное редко. Да, в целом можно и нужно учиться у людей и у книг, а мы добавим от себя: попробуем стремиться к поведенческому образцу, составляя личные фонды, рабочие словари, читая и перечитывая свои записи, запоминая и используя слова и обороты. То есть попытаемся за счет завораживающих вставок в свою речь стремиться к речи чистой, богатой, интересной, мягкой, изысканной. *Miracles still happen* – Чудеса всё ещё случаются.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Федор. Трава-мурава. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1982. С. 482–551.
- Айтматов Чингиз. «И дольше века длится день...» // Новый мир, 1980, № 11.
- Алейников Владимир. Пир: Роман // Знамя, 2005, № 3. С. 9–90.
- Алексеев Иван. Больничный романс // Знамя, 1991, № 7.
- Алексин Анатолий. Домашний совет. Повести // Роман-газета, 1980, № 11.
- Алексин Анатолий. Запомни его лицо. Повести // Роман-газета, 1986, № 6.
- Алимурадова О.А., Каратышовой М.А. Красота в языке: гендерный и прагматический анализ комплиментарного речевого поведения. – Пятигорск: СНЕГ, 2010. 140 с.
- Аль Даниил. Хорошо посидели // Нева, 2007, № 9. С. 7–137.
- Амфитеатров Иоаков. Беседы с христианами. Последование в бездождие. Электронный ресурс: <http://www.ubrus.org/data/library/pages/27/H18-T.htm>
- Андреев Ю.А. Три кита здоровья. – СПб.: изд-во «Респекс», 1994. 378 с.
- Андреева А.А. Пронаминация как источник синонимии в современном русском языке // Дис. ... канд.филолог.наук. – Волгоград, 1999. 187 с.
- Аннинский Л. На полях холокоста. Заметки читателя // Иностранная литература, 2006, № 10.
- Аракчеев А.А. Электронный ресурс: <http://100.histrf.ru/commanders/arakcheev-aleksey-andreevich>
- Арбатова Мария. Визит нестарой дамы. Автобиографическая проза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-Маркет, 2000. 512 с.
- Афанасьева Т.М. Толстой и детство. – М.: Знание, 1978.
- Байтелл Шон. Дневник книготорговца» (М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 384 с.
- Бакланов Григорий. Меньшой среди братьев // Дружба народов, 1981, № 6.
- Башляр Г. Избранное: Поэтика грёзы: пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 440 с.
- Белый Андрей. Собрание сочинений. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. – М.: Республика, 2000. 719 с.
- Берджесс Дж. Влияние Библии короля Иакова на политическую риторику Авраама Линкольна» // Библия короля Иакова: 1611–2011: Культурное и языковое наследие / Отв. ред. Е.Б. Яковенко. – М.: БукиВеди, 2013. С. 238–242.
- Бердяев Н.А. О самоубийстве (психологический этюд) // Психологический журнал. Том 13. № 2. 1992. С. 96–106.
- Бернетт Ф. Маленький лорд Фаунтлерой. Роман / Пер. с англ. – СПб.: Ариадна, 1992. 269 с.
- Бернетт Френсис. Маленькая принцесса / Сост. Т.А. Нижник. Перев. А.Н. Рождественской. – СПб.: Лениздат, 1993. 363 с. В этом издании сохранён старинный перевод повести, автор которого, к сожалению, остался неизвестным. Именно этот перевод представляется нам наиболее удачным.
- Бестужева-Лада Светлана. Русские аристократы в Париже // Смена, 2018, № 7. С. 43–57.
- Бибихин В.В. Общение без индивида // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. С. 196–210.
- Битов Андрей. Русский устный и русский письменный // Звезда, 2003, № 8.
- Битов Андрей. Поэзия, явленная в одном лице... // Октябрь, 2007, № 3.
- Бродский Иосиф. Нобелевская лекция: Электронный адрес: https://booksafe.net/read/brodskiy_iosif-nobelevskaya_lekciya-78998.html#p1
- Брудный А.А. Понимание и текст. // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. С. 114–128.

- Брутян Л.Г. Комплимент комплименту: Анализ речевого акта комплимента. – Ереван: Лимуш, 2017. – 70 с.
- Булкина Инна. Риск – идти против течения // Знамя, 2019, № 8 <<http://znamlit.ru/inder.html>>
- Бунимович Евгений // Обзор. Новый мир, 2005, № 2.
- Бурова Г.П., Лосева Т.В. Нравственные аспекты вербального лечения человека (взаимодействие религиозного и фармацевтического дискурсов) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011 № 2. С. 17-20.
- Вавилов Н.И. Очерки. Воспоминания. Материалы. – М.: Наука, 1987.
- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социальных взаимодействий. Перевод. – М.: Прогресс, 1987. С. 44-87.
- Валентинов Н. Малоизвестный Ленин. – СПб.: Изд-во «Мансарда», «СМАРТ», 1991. 156 с.
- Ваншенкин Константин. В моё время. Из записей // Знамя, 2002, № 8.
- Василевская Анна. Книга о жизни // Новый мир, 2003, № 12.
- Вебер Вальдемар. Что западный читатель ждёт от русской литературы // Иностранная литература, 2005, № 7. С. 239–249.
- Водолазкин Е.Г. Авиатор: Роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.
- Войнич Э.-Л. Сними обувь твою // Сочинения. Том II. – М.: Гослитиздат, 1963. С.213–554.
- Войнович Владимир. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга вторая. Претендент на престол // Юность, 1990, № 6, 7, 8.
- Волконский С. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). – СПб., 1913. 223 с.
- Вырский А. Последний морской министр Российской империи // Знание – сила, 2019, № 1. С. 82–91.
- Гамсун Кнут. Пан. Роза // Зарубежный роман, 2002, № 11–12.
- Ганичев Валерий. Всякая всячина, Или русский смех на пути жизни. – М.: Изд-во «Вече», 2015. 352 с.
- Генри О. Среди текста. // Рассказы. – Киев: Радяньский письменник, 1955. С. 455–471.
- Германович А.И. Пословицы народные, собранные по алфавиту // Из истории русской фольклористики. – Л.: «Наука» ЛО, 1978. С. 3–63.
- Гильманов В.Х. «Philogus crucis» И.Г. Гаман и его герменевтика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология и журналистика», 2004, № 2. С. 50–53.
- Гинзбург Л.Я. Библиографические листки // Новый мир, 2018 № 8. С. 236.
- Глазычев Вячеслав «Не может быть неэкономической мыслящей культуры» // Знание – сила, 1995, № 2.
- Глоцер В.И. Дети пишут стихи. Книга о детском литературном творчестве. – М.: Просвещение, 1964.
- Голованов В.Я. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий. – М.: Вагриус, 2002. 464 с.
- Голованов Василий. Время чаепития: Повесть, рассказы. – М.: Изд-во «Вагриус», 2004. 288 с.
- Гор Геннадий. Скиталец Ларвеф. Научно-фантастическая повесть. – М.-Л.: Советский писатель, 1966.
- Горланова Н., Букур В. Чур: Рассказ // Новый мир, 2005, № 6.
- Горький М. Воспоминания. – Берлин: Книга, 1925.
- Горюнков Сергей. О предпосылочных основаниях культуры // Нева, 2005, № 2. С. 127–144.
- Гранин Даниил. Картина. Роман // Новый мир, 1980, № 1 и № 2.

- Гранин Д. Зубр: Повесть // Новый мир, 1987, № 1.
- Грасиан Бальтасар. Карманный оракул // Карманный оракул. Критикон. – М.: Наука, 1984. С. 3–65.
- Грекова И. Своё счастье: Романы. – М.: АСТ. Астрель, 2011. 508 с.
- Грекова И. Кафедра. Роман // Новый мир, 1978, № 9.
- Гришковец Л. Квадратура круга? // Иностранная литература. 2006. № 12. С. 233–237.
- Грушко Елена, Медведев Юрий. Современные крылатые слова и выражения. – М.: Рольф, 2000. 544 с.
- Губайловский В. Неизбежность поэзии // Новый мир, 2004, № 2.
- Давыдов Георгий. Лоция в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир, 2019, № 9. С. 49–91.
- Делез Жиль. Различие и повторение. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
- Демурова Н.М. «Июльский полдень золотой...»: Статьи об английской детской книге. – М.: УРАО, 2000. 256 с.
- Демурова Нина. Ускользящее своеобразие Беатрикс Поттер // Иностранная литература, 2006, № 1.
- Домострой. – М.: Советская Россия, 1990. 304 с.
- Донцова Дарья. Но-шпа на троих: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. 432 с.
- Дороже всех юбилеев // Знание – сила, 2019, № 6. С. 20-21.
- Друзина Н.В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания: Функциональный и когнитивный аспекты // Дис ... д-ра филолог. наук, 2005. 352 с.
- Дубин Борис. Уроки безъязычия // Знание – сила, 1997, № 11. С. 27–31.
- Евмений Игумен. Психотерапия в пастырском душепопечении // Человек, 2000, № 1. С. 123–136.
- Ежов О.Н. Жизненный путь как подход в социологии и социальной работе // ПОЛИС. Политические исследования, 2008, № 3. С. 58-68.
- Екимов Борис // Рассказы // Знамя, 1987, №1. С. 60-86.
- Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество // Избранные труды. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
- Журавлёва Зоя. Кувырок через голову // Нева, 1982, № 1.
- Жюль Верн. Пятнадцатилетний капитан // Собрание сочинений в 12 томах. Том 8. – М.: ГИХЛ, 1957. С. 167–534.
- Загребельный Павел. Разгон. Роман // Роман-газета, 1980, № 14, № 15.
- Залыгин С.. Новости экономики. Рассказ // Новый мир, 1991, № 7. С. 29–60.
- Иваск Ю.П. Розанов и о. Павел Флоренский // П.А. Флоренский. Pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Изд.2. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного университета, 2001. – 824 с.
- Ильин И.А. Наши задачи. Избранные статьи (1948–1954 гг.) // Юность, 1990, № 8.
- Ильин И.А. За национальную Россию // Слово, 1991, № 8. С. 79-85.
- Искандер Фазиль. Ночь и день Чика // Защита Чика. Рассказы и повести. – М.: Советский писатель, 1983.
- Искандер Фазиль. Авторитет. Рассказ // Новый мир, 1996, № 11. С. 5-11.
- Искандер Фазиль. Сон о Боге и дьяволе. Рассказ // Знамя, 2002, № 6. С. 75–88.
- Каверин Вениамин. Вчерашний день. Письма, встречи, портреты // Звезда, 1979, № 3, № 5.
- Каверин Вениамин. Наука расставания. Роман. Октябрь, 1983, № 5. С.3–102.
- Камышанченко Н.В. Основы физики упругости и пластичности металлов. Учебное пособие к спецкурсу. – Курск, 1988. 123 с.
- Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.

- Кармазинская М.А. Загадка Татьяны // Русская словесность. 1997. № 3. – С. 20–24.
- Кинг Мартин Лютер. «Любите врагов ваших» // Вопросы философии, 1992, № 3. С. 66–71.
- Ключевский В.О. Кормление голубя. 1967.
- Кобрин Кирилл. Письма в Кейптаун о русской поэзии // Октябрь, 2001, № 8.
- Коваль Виктор. Разговор о понятиях. Рассказы стихийного философа // Знамя, 2006, № 6. С. 116–128.
- Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребёнка // Дис. ... д-ра филолог. наук. Киров, 2006. 434 с.
- Колобаев Андрей. Вячеслав Тихонов. «Последний рыцарь нашего кино» // Смена, 2019, № 12. С. 4–25.
- Колодина Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста. Дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2002. 305 с.
- Конечкий Виктор. Третий лишний. – Л.: Советский писатель, 1983. 333 с.
- Кончаловская Н. Дар бесценный. Романтическая быль. – М.: Детская литература, 1965. 336 с.
- Коржавин Н. Анна Ахматова и «серебряный век» // Новый мир, 1989, № 7. С. 240–261.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. Пер. с англ. – М.: изд-во «Прогресс», 1977. 261 с.
- Крестовский Всеволод. В дальних водах и странах. – М.: Изд-во Центрполиграф, 2002. – 685 с.
- Кривецкий Александр. Елка для взрослого, или повествование в различных жанрах // Знамя, 1980, № 5 и № 6.
- Крупская Н.К. Педагогические сочинения в шести томах. – М.: Педагогика, 1978.
- Курбатов Валентин. ...Добра хочу братии и русской земле // Наш современник, 1992, № 4. С. 155–158.
- Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб.: Питер., 2004. 368 с.
- Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени: Роман. – М.: ГИХЛ, 1948. 145 с.
- Лихачев Д.С., Благово Н.В., Белодубровский Е.Б. Школа на Васильевском. – М.: Просвещение, 1990. 159 с.
- Личутин Владимир. Дивись-гора. Очерки, размышления, портреты – М.: Современник, 1986. 285 с.
- Логвинюк Егор. Не в коня корм, или Тинейджер в пространстве поэзии // Знамя, 2006, № 5.
- Лоренц Конрад. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии, 1992, № 3. С. 5–38.
- Лоренц Конрад. Восемь смертных грехов цивилизационного человечества // Вопросы философии, 1992, № 3. С. 39–53.
- Лорка Федерико Гарсиа. «Самая печальная радость...» Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1987. 512 с.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 1994. 400 с.
- Лотман Ю.М. Из переписки Д.Е. Максимова с Ю.М. Лотманом и З.Г. Минц // Звезда, 2004, № 12.
- Лурье С. Ватсон // Звезда, 2014, № 1. С. 196–219.
- Лысикова Ю.А. Лексикографирование цитат // Дисс. ... канд. филолог. наук. – Орел, 2005. 191 с.
- Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Книга первая. – 408 с.

Макаркина Ю.В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака (композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание). Дис. ... канд. филол. наук. – Орёл, 2000. 205 с.

Максимов А. Дети как зеркало. Как подружиться с собственным ребёнком, меняясь самому. – СПб.: Питер, 2017. – 288 с.

Максимов Андрей. Как не стать врагом своему ребёнку. – СПб.: Питер, 2018. 224 с.

Мамардашвили М.К. Что значит мыслить и что значит мыслить не мысля... // Знание – сила, 1992, №8. С. 98–103.

Мамардашвили Мераб. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.

Мандельштам О. Шум времени: М.: Вагриус, 2002. 303 с.

Маркиш Давид. Белый круг: Роман // Октябрь, 2003, № 10–11.

Маяковский В.В. Электронный ресурс: <http://silverage.ru/mabrik/>
<https://stayshalina.livejournal.com/5303.html>

Мень Александр. Перевоплощение и оккультизм // Знание – сила, 1992, № 3. С. 56–64.

Минделл Арнольд и Эми. Вскать, задом наперед. Процессуальные работы в теории и практике. Пер. с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 224 с.

Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 210 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 томах. Том 2. – СПб.: Симпозиум, 2004.

Найман Анатолий. Рассказы о Анне Ахматовой. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2002. 448 с.

Николаева Ольга. Любя // Новый мир, 2005, № 10. С. 90–123.

Носов Евгений. Письма Е.И. Носова В.И. Белову // Москва, 2003, № 6. С. 168–179.

Онишко С.Г. Вставные элементы в функции средства метаязыкового комментирования номинаций. Дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 1977. 186 с.

Орлов Владимир. Альтист Данилов // Новый мир, 1980, № 2, № 3, № 4.

Паж Мартен. Как я стал идиотом. Электронная библиотека
<https://www.litmir.me/br/?b=21586&p=9>

Парамонов Борис. Библиографические листки // Новый мир, 2018 № 8. С. 231.

Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика. / Пер. с испанского. – СПб., 2000. 411 с.

Пескова Е.А. Об особенностях перифраз в прециозном стиле // Педагогика, лингвистика и информационные технологии. Материалы международной научно-практической конференции. – Елец, 2007. С. 508–511.

Петров Д., Борейко В. Магия слова: Диалоги о языке и языках. – М.: ПРОЗАИК, 2011. – 208 с.

Писигин Валерий. Письма с Чукотки // Октябрь, 2000, № 1, 2001, № 4.

Плиний Младший Библиографические листки // Новый мир, 2018 № 8. С. 230.

Погорельцев В.В. Школа вежливости в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вечерняя средняя школа, 1994, № 1. С. 43–46.

Полухина Валентина. Английский поэт Joseph Brodsky // Звезда, 2019, № 9.

Попов Валерий. Единственное, что утешало // Проза новой России: В 4 тт. Т. 3. – М.: Вагриус, 2003.

Попов Олег. Банальный сюжет. Повесть // Октябрь, 1982, № 1.

Попова Ек.А. Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2004. – С. 112–121.

- Пословицы и поговорки Японии / сост. Ю. П. Киреев – М. б/изд., б/год 344 с.
- Поссе Абель. Страсти по Эвите // Иностранная литература, 2005, № 2. С. 172–236; № 3. С. 107–159.
- Прилепин Захар. Обитель // Наш современник, 2014, № 5. С. 74–187 и № 6. С. 7–100.
- Пронина Е. В. Особенности функционально-семантических классов глагольной лексики старославянского языка // Дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2002. 269 с.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 552 с.
- Пространство жизни. К 85-летию академика Б. В. Раушенбаха. Сост. Т. Б. Князеская, Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. 608 с.
- Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996. 125 с.
- Прус И. Слово формирует взгляд // Знание – сила. 2008. № 8. С. 22.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – 268 с.
- Пьецух Вячеслав. Дневник читателя // Октябрь, 1999, № 11. С. 104–131.
- Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 7–188.
- Роббинс Том. Вилла «Инкогнито»: Роман. Пер. с англ. // Иностранная литература, 2005, № 1.
- Розанов В. В. Сны золотые // Слово, 1991, № 7.
- Рубина Дина. На Верхней Масловке: Повести и рассказы. – М.: Эксмо, 2004. 336 с.
- Рубина Дина. Я и ты под персиковыми облаками // Ральф и Шура: Рассказы. – М.: Эксмо, 2012. С. 125–152 с.
- Рубина Дина. ... Их бин нервосо! // Синдром Петрушки: Повести и рассказы. – М.: Эксмо, 2012. С. 125–140.
- Священник Анатолий Жураковский. Материалы к жизнеописанию. – Paris IMCA-PRESS, 1984. 229 с.
- Священник Александр Ельчанинов. Записи. – М.: изд-во Сретенского монастыря, 1996. 173 с.
- Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Том 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – М.: Мысль, 1998. 795 с.
- Седакова Л. И. Тайны сказок Пушкина. – Люберцы: Изд-во «Им-Информ», 1998. 337 с.
- Семенов А. «Без правил» // Знание – сила, 1998, № 3.
- Семенов Георгий. Ум лисицы. Повесть // Новый мир, 1986, № 7. С. 6–59.
- Сидоров В. «Гори, гори ясно...» // Москва, 2001, № 4.
- Слаповский Алексей. Первое второе пришествие. Анкета. Я не я. – М. Изд-во «Грантъ», 1999. 768 с.
- Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. – Вологда, 1989. 92 с.
- Словарь русского языка XVIII века. М.: Наука, Том IV. 1988. Воздух – Выпись.
- Смирнова Н. Грядёт ли дух капитализма? // Знание – сила, 1992, № 9. С. 85–93.
- Смит Шон. Биография создателя Гарри Поттера. – М.: АСТ, Астрель. 2003. 314 с.
- Соболев А. В. Философские мелочи // Вопросы философии, 2000, № 12.
- Соболева Н. А. Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза. Электронный ресурс // <https://sozecatel-51.livejournal.com/526217.html?style=mime>
- Соболевский В. И. Замечательные минералы. Книга для учащихся. Изд. 2. – М.: Просвещение, 1983. – 191 с.
- Соколов Максим. GlobalRus.ru, 2005, 24 февраля.
- Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир, 1989, № 10. С. 25–149.
- Солженицын А. И. Бодался телёнок с дубом // Новый мир, 1991, № 8. С. 5–124.

Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир, 2000, № 12. С. 97-156; 2003, № 11. С. 33–97.

Соловейчик С.Л. Педагогика для всех. Книга для будущих родителей. – М.: Детская литература, 1987.

Соловейчик С.Л. Дневник Николая Федоровича // Воспитание по Иванову. – М.: Педагогика, 1989. С. 118–349.

Соломатина Татьяна. Кафедра А £ Г. – М.: Яуза-пресс: Эксмо, 2010. – 320 с.

Солоухин Владимир. Смех за левым плечом // Роман-газета, 1991, № 10.

Солоухин Владимир. Камешки на ладони // Наш современник, 1981, № 3.

Солоухин Владимир. Прийти и поклониться. – М.: Изд-во «Правда», 1986.

Спиваковская А.С. Игра – это серьезно. – М.: Педагогика, 1981.

Старицкий Михаил. Богдан Хмельницкий. Историческая трилогия. – Киев: Изд-во «Молодь», 1964.

Степанова Мария. Библиографические листки // Новый мир, 2018, № 5. С. 238.

Субботин Василий. Подорожники // Октябрь, 1986, № 10.

Суворов Виктор. Очищение: Зачем сТалин обезглавил свою армию? – М.: Изд-во АСТ, 1998. 480 с.

Сукач Виктор. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва, 1991, № 10. С.135-176.

Сурожский Антоний. Труды. Рецензия Карена Степаняна // Знамя, 2003, №12

Таранов П.С. Секреты поведения людей. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 544 с.

Тарасевич Г. Прокрастинация: симптом века. Как устроена психология современного человека и почему он склонен откладывать жизнь на потом // Русский репортер. 2014, № 14(342), 10–17 апреля. С. 21-28.

Тендряков В. Затмение // Дружба народов, 1977, № 5.

Тимофеев Леонид. Дневник военных лет // Знамя, 2003, № 12.

Токарева Виктория. Длинный день. Повесть // Новый мир, 1986, № 2.

Токарева Виктория. Самый счастливый день // А. Вартаньянц, М. Якубовская. Свет в окне. Книга для чтения. – М.: Русский язык, 1990.

Токарева Виктория. Сказать – не сказать. Повесть. Рассказы. – М.: Слово / Slovo, 1991.

Толстой Л.Н. Декабристы // Собрание художественных произведений Том 2. – М.: Правда, 1948.

Уайлдер Торнтон. Мартовские иды. Роман // Новый мир, 1976, № 7–8.

Убогий Юрий. Время вокзала. Дневник писателя // Наш современник, 2018, № 9. С. 110-128.

Улицкая Людмила. Медя и её дети. – М.: ВАГРИУС, 1999. 337 с.

Умарова Ася. Приходи свободной // Дружба народов, 2017, № 9. С. 3–51.

Файвишевский В.А. О существовании неосознаваемых негативных мотиваций и их проявлении в поведении человека // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Том III. Тбилиси, 1978. С. 433–445.

Федоров Евгений. Жареный петух: Сборник. – М.: «Carte Blanche», 1992. 256 с.

Фейрабенд Пол. Наука и идеология // Знание – сила, 1993, № 1. С.46–48.

Филимон Александр. Яков Брюс. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 2013. 381 с.

Фридкин Владимир. Лицеисты советских времен // Знамя, 2003, № 11.

Фрумкин К.Г. О загадочном удовольствии говорить // Нева, 2010, № 12. С. 139–146.

Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Известия АН, серия литературы и языка, 1999, том 58, № 4. С. 28–38.

Фрумкина Р.М. Ученый как литератор // <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/frumkina/literat.htm>

Фудель Сергей. Воспоминания // Новый мир, 1991, № 4. С. 182-212.

- Харченко В.К. Антология разговорной речи. Некоторые аспекты теории: В пяти томах. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Хилл Наполеон. Думай и богатей. Пер. с англ. – М.: Агентство «ФАИР», 1995. 272 с.
- Царёв В. Старая пыль и новая быль: преобразование университетов. Знание – сила, 1994, № 4. С. 112–117.
- Цветаева Марина. Кедр. Апология (О книге кн. С. Волконского «Родина») // Новый мир, 1991, № 7. С. 162–176.
- Цветочки Александра Меня. Подлинные истории о жизни доброго пастыря / сост. Юрий Пастернак. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 608 с.
- Циолковский К.Э. Грёзы о земле и небе. – Тула, 1986.
- Цирульников Анатолий. Поцелуй юкагирки. Записки путешественника // Дружба народов, 2017, № 9. С. 196–215.
- Цирульников Анатолий. Черкесские сады, или Плач под лезгинку. Фрагменты романа-исследования // Дружба народов, 2019, № 9. С. 220–236.
- Чайковская Ольга. «Пиковые дамы» // Новый мир, 1986, № 10.
- Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков // Диссертация... д-ра филолог. наук. – Белгород, 2009.
- Шагинян Мариэтта. Человек и время. Часть 3 // Новый мир, 1973, № 4. С. 113–131.
- Шанин Т. «Иное всегда дано...» // Знание – сила, 1990, № 9.
- Шапиро И.А. Загадки растения-сфинкса. Лишайники и экологический мониторинг. – Л.: Гидрометеиздат, 1991. 80 с.
- Шапиро А.Я. Простая жизнь гения. Главы из будущей книги // Дружба народов. 2013. № 11. С. 145–146.
- Шаталов Виктор Ф. Куда и как исчезли тройки. Из опыта работы школ г. Донецка. – М.: Педагогика, 1980. 136 с.
- Шахматов А.А. // В.И. Макаров. А.А. Шахматов. Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1981. 160 с.
- Шеваров Дмитрий. Жизнь, окнами в сад. Памяти хранителя // Новый мир, 2002, № 7. С. 124–132.
- Шишенков Юрий. Предупредить бы... Записки инженера // Новый мир, 1986, № 6.
- Шишкин М.П. Письмовник: Роман. – М.: АСТ: Астрель, 2011. 412 с.
- Шупер Вячеслав, Валесян Армен. О «переходном возрасте» в жизни городов // Знание – сила, 1995, № 2.
- Щербакова Галина. Уткомесь, или Моление о Еве // Новый мир, 2000, № 12.
- Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
- Эпштейн М.Н. НГ Ex libris. 21 марта 2013.
- Эпштейн М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила, 2012, № 4. С.55–62.
- Luckmann Th. The Sociology of Language. – Indianapolis. 1970.
- Mitscherlich A. Die vaterlose Gesellschaft. München. 1953.
- Jonathon Green. A Dictionary of Contemporary quotations. Compiled by Jonathon Green. London, Sidney: Pan Books, 1982. 454 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗЫСКАННОСТЬ ЧИСТОЙ РЕЧИ	3
БОГАТСТВО РЕЧЕВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	9
Человеческие судьбы, действия людей.....	11
Литература детская и взрослая	16
Таинство стиля	23
Смешное, смешное.....	24
Нарративы	30
Незнакомые пословицы	36
Каталоги	42
Эстетика эпитетов	47
Комплимент	53
Искать другие слова.....	59
Обращения	63
Диминутивы.....	66
Звукоподражания	67
Производственная лексика.....	68
Ценность устаревших слов.....	70
Из диалектного запаса	75
На иностранных языках.....	78
Цитатные включения	85
Афоризмы в контексте и вне.....	108
Церковнославянские вставки.....	112
Поэтические вкрапления	117
СОБИРАТЬ ЛИЧНЫЙ ФОНД.....	127
ЛИТЕРАТУРА.....	135

Научно-популярное издание

Харченко Вера Константиновна

К ИЗЫСКАННОСТИ И БОГАТСТВУ РЕЧИ

Заказы на книгу, отзывы и пожелания можно направлять по адресу:
wera_kharchenko@mail.ru

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Н.А. Вус
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Ю.В. Ивахненко

Подписано в печать 21.02.2023. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 9,0. Тираж 100 экз. Заказ 8
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48